

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2020

2(44)

Ψλ

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2 (44) 2020
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2 (44) 2020
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ОЧУ ВО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Терентий Ливну Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ардилла Альфредо, PhD, профессор Международного университета Флориды, Майами (США)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, член-корреспондент Российской академии образования, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Индексируется РИНЦ, E-library, КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Москва 2020

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2020

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2020

© Авторы, 2020

Подписано в печать 26.06.2020. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л.10,7 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY
Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)
DOI: 10.30982/2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, *chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, *deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Alfredo Ardila, Ph.D., Florida International University, Miami (USA)
Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of theory of language and translation, Tver State University, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Director at Communications Studies Centre, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, Doctor of Biological Sciences, Doctor of Philology, Professor, Head of the Laboratory of Cognitive research and the department of problems of convergence of natural and human sciences St. Petersburg State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, St. Petersburg (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2020

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2020

© Moscow International Academy, 2020

© Authors, 2020

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею Е. Ф. Тарасова	8
Журавлев И. В. (<i>Москва</i>)	
Теория речевого общения Е.Ф. Тарасова: методология и перспективы развития	16

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вашунина И. В., Нистратов А. А. (<i>Москва</i>)	
Креолизованный текст: обзор экспериментальных исследований	28
Вдовиченко А. В. (<i>Москва</i>)	
Письменные вербальные клише в составе коммуникативного действия: эксперимент по идентификации единиц и пониманию смысла	40
Дебрени Мишель (<i>Новосибирск</i>)	
Особенности составления обратных ассоциативных словарей	50
Дронов П. С. (<i>Москва</i>)	
Направления лексико-грамматических и семантических изменений идиом, обозначающих эмоции-состояния (на примере <i>Не в своей тарелке, Выбить из колеи, Вывести из себя</i>)	62
Istvan Lenart (<i>Moscow</i>), Orsolya Endrody (<i>Budapest</i>), Irina Markovina (<i>Moscow</i>), Adilya Makhmutova (<i>Moscow</i>)	
A Blended Method to Investigate the Dynamics of the Development of Russian Linguistic Consciousness and Verbal Communication	70
Хуан Тяньдэ, Лю Хэншун (<i>Гуанчжоу, Китай</i>)	
Языковые расстройства у китайских детей с аутизмом	83
Яковлева Т. А. (<i>Якутск</i>), Москвина Ю. В. (<i>Воронеж</i>)	
Отражение лексемы <i>закон</i> в языковом сознании обучающихся юридических ВУЗов	98

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Ощепкова Е. С. (<i>Москва</i>)	
Оценка развития речи у детей: обзор зарубежных методик	110
Шляхова С. С. (<i>Пермь</i>)	
О состоянии фоносемантики в России. Статья третья. Российские фоносемантические школы и центры	124

К 75-летию Института языкознания РАН

Постовалова В. И. (<i>Москва</i>)	
Наука о языке XX–XXI в.в. и ее творческие лики. Из жизни сектора общего языкознания: Т. В. Булыгина, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия	146

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления и предоставления рукописи в журнал	163
---	-----

OUR ANNIVERSARIES

On the Anniversary of E.F. Tarasov	8
Ignaty V. Zhuravlev (<i>Moscow</i>)	
E.F. Tarasov's Theory of Speech Communication: Methodology and Development Perspectives	16

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Irina V. Vashunina, Alexandr A. Nistratov (<i>Moscow</i>)	
Creolized Text: A Review Of Experimental Studies	28
Andrey V. Vdovichenko (<i>Moscow</i>)	
Written Verbal Clichés as Posed in Communicative Action: Experiment on Identifying Units and Understanding Sense (Meaning)	40
Debrenne Michèle (<i>Novosibirsk</i>)	
Some Aspects of the Compilation of Reverse Associative Dictionaries	50
Pavel S. Dronov (<i>Moscow</i>)	
<i>Ne V Svoej Tarelke, Vybit' Iz Kolei, Vyvesti Iz Sebâ</i> : A Case Study of the Connection Between Semantic and Lexico-Grammatical Changes of Emotional-State Idioms in Russian	62
Istvan Lenart (<i>Moscow</i>), Orsolya Endrody (<i>Budapest</i>), Irina Markovina (<i>Moscow</i>), Adilya Makhmutova (<i>Moscow</i>)	
A Blended Method to Investigate the Dynamics of the Development of Russian Linguistic Consciousness and Verbal Communication	70
Huang Tiande, Liu Hengshuang (<i>Guangdong</i>)	
Language Disorders in Chinese Autistic Children	83
Tatyana A. Yakovleva (<i>Yakutsk</i>), Yulia V. Moskvina (<i>Voronezh</i>)	
Reflection of the Lexeme <i>Law</i> in the Linguistic Consciousness of Law Students	98

SCIENTIFIC REVIEWS

Ekaterina S. Oshchepkova (<i>Moscow</i>)	
Children Language Assessment: a Foreign Batteries Review	110
Svetlana S. Shlyakhova (<i>Perm</i>)	
On Phonosemantics in Russia. Article #3. Russian Phonosemantic Science Schools and Centres	124

To the 75th Anniversary of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Valentina I. Postovalova (<i>Moscow</i>)	
Linguistics in the 20 th –21 st Centuries and Its Creative Images. About the Section of General Linguistics: T. V. Bulygina, Yu. S. Stepanov and V. N. Teliya	146

INFORMATION

Manuscript Submission Requirements	163
------------------------------------	-----

**17 апреля 2020 г. Евгению Федоровичу Тарасову
исполнилось 85 лет**

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРУ

Коллеги по Институту языкознания РАН юбиляру:

Дорогой Евгений Федорович!

49 лет прошло с тех пор, как Вы, молодой кандидат наук из Военного института иностранных языков, в конце 1971 года переступили порог Института языкознания АН СССР.

Вы пришли в группу молодых энтузиастов новой отрасли языкознания – психолингвистики и теории коммуникации, которой тогда руководил А.А. Леонтьев. А с 1976 года Вы сами встали во главе коллектива психолингвистов (причем Вы не были назначенным руководителем, коллеги сами предложили Вам занять этот пост), и вот уже пятый десяток лет с успехом руководите сектором, а теперь уже и отделом психолингвистики нашего Института.

Германист по образованию, Вы стали одним из ведущих отечественных психолингвистов. В 1993 году в нашем Институте Вы успешно защитили докторскую диссертацию на тему «Теория речевого общения». За прошедшие годы не только вырос и «остепенился» руководимый Вами коллектив, но сформировалась Московская психолингвистическая школа, к которой с гордостью причисляют себя наши коллеги, живущие в разных городах России, в ближнем и дальнем зарубежье. Многие из них – Ваши ученики.

Вашему перу принадлежит более 230 научных работ, 10 монографий, Вы являетесь создателем научной школы по исследованию языкового сознания, вырастившим около 30 кандидатов и докторов наук. Вы лауреат Премии Президента РФ за заслуги в области образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Вы член нескольких специализированных диссертационных советов, главный редактор журнала «Вопросы психолингвистики», бессменный председатель Оргкомитета Симпозиумов по психолингвистике и теории коммуникации, которые вот уже более сорока лет проводит сектор психолингвистики, главный редактор нескольких десятков коллективных монографий и сборников статей по психолингвистике.

Вы успешно совмещаете плодотворную научную деятельность с преподаванием в студенческой и аспирантской аудиториях, где неизменно пользуетесь авторитетом и любовью слушателей.

В течение многих лет Вы успешно совмещали работу в Институте языкознания РАН с руководством первой в нашей стране кафедрой психолингвистики в МГЛУ.

Вы не утратили также связи с ВИИЯ, подготовили несколько кандидатов филологических наук, впоследствии четверо из которых возглавили кафедры в военных вузах Москвы. Вы член диссовета Военного университета, в этом совете под Вашим руководством защищены три докторские диссертации.

За долгие годы Вашей деятельности на посту руководителя сектора, а затем и отдела психолингвистики в Институте языкознания РАН ярко проявился не только Ваш талант ученого-исследователя, но и дар научного организатора, вокруг которого сформировалось мощное научное ядро. Многие известные учёные справедливо считают Вас не только своим научным руководителем, но и примером верности науке и самоотверженного труда на благо развития и процветания отечественной школы психолингвистики.

Сердечно поздравляем Вас с 85-летием!

И от души желаем Вам здоровья, творческой энергии, новых оригинальных работ в области психолингвистики, всяческого процветания Вашему детищу – Отделу психолингвистики, личного счастья.

Уважаемый Евгений Федорович!

Поздравляю Вас с сегодняшним юбилеем и желаю Вам всяческих удач и успехов – как в науке, так и во всех других областях жизни. Будьте здоровы!

Андрей Кибрик

Дорогому Евгению Федоровичу,
главному предводителю нашего отечественного психолингвистического каравана
желаю много научного здоровья и личного счастья!

Валерий Закиевич Демьянков

От всей души поздравляю Евгения Федоровича, замечательного учёного и человека.

Владимир Михайлович Алпатов

Дорогой Евгений Федорович,
коллектив сектора германских языков от всего сердца поздравляет Вас с юбилеем.
Спасибо Вам за Вашу неизменную доброжелательность к коллегам, преданность
психолингвистике и огромное человеческое обаяние!

Дина Никуличева

С пожеланиями здоровья, творческих сил, любви и светлой Пасхальной радости!

Валентина Ильинична Постовалова

Дорогой Евгений Федорович, с круглой датой! Крепкого Вам здоровья!

Константин Красухин

С Днем рождения! Крепкого здоровья!

Марина Папина

Дорогой Евгений Федорович!

Поздравляю Вас с юбилеем. Желаю здоровья и душевного покоя Вам и Вашим близким. Пусть дни будут наполнены добрыми чувствами и яркими впечатлениями.

Мария Пильгун

Дорогой Евгений Федорович!

От всей души поздравляю Вас с юбилеем! Желаю Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и бодрости духа! Спасибо за то что, несмотря на занятость, Вы находите время и доброе слово для каждого члена коллектива.
С уважением,

Лариса Жукова

Дорогой Евгений Федорович!

С юбилеем Вас! Живите долго и счастливо! Вдохновения Вам и новых идей!

Екатерина Ощепкова

Дорогой Евгений Федорович!

Поздравляем Вас с замечательным 85-летним юбилеем!

Являясь крупным лингвистом, специалистом в области психолингвистики, языкового сознания, этнокультурологии, главным редактором журнала «Вопросы психолингвистики», руководителем отдела психолингвистики и заведующим сектором общей психолингвистики Института языкознания РАН, доктором филологических наук, профессором, Вы внесли и вносите большой вклад в развитие отечественного языкознания.

Как и многие граждане России Вашего поколения, Вы родились в семье советского офицера и, сочетая стремление продолжить семейную традицию с интересом к языкознанию, в 1953 г. поступили на факультет западных языков Военного института иностранных языков. После закрытия ВИИЯ завершили обучение в Ростовском университете, затем Вашим приоритетом стала научная работа: в 1963 г. Вы защитили кандидатскую диссертацию, а в 1993 – докторскую. 1968 – 1972 годы Вы посвятили вновь открывшемуся Военному институту иностранных языков и трудились на кафедре германских языков. С 1971 года вы стали сотрудником Института языкознания АН СССР/РАН, где А.А. Леонтьев создал и возглавил группу (сектор) психолингвистики; в 1974 году Вы сменили его на этом посту, который бесценно занимаете и ныне.

Вы активно занимаетесь педагогической деятельностью, являетесь первым деканом факультета иностранных языков и межкультурной коммуникации Российского нового университета.

Еще одна сфера Ваших интересов – лингвистическая экспертиза, в которой Вы проявили не только обширные знания, но и мужество.

Вами сделан крупный вклад в теорию языка; он состоит в разработке концепции языкового сознания. Вы один из основателей и лидеров Московской психолингвистической школы. С 2006 г. Вы возглавляете журнал «Вопросы психолингвистики» – один из самых цитируемых отечественных лингвистических журналов с высоким импакт-фактором, издаваемый Институтом языкознания РАН в сотрудничестве с Московской международной академией. В 2016 году журнал вошел в ядро РИНЦ.

Вы автор более 150 научных публикаций, в том числе, нескольких коллективных монографий и ассоциативных словарей.

Редколлегия журнала «Вопросы психолингвистики», коллектив Московской международной академии сердечно поздравляют Вас, дорогой Евгений Федорович, с замечательным юбилеем и желают Вам здоровья, долгих лет и дальнейшей плодотворной деятельности.

Ректор Московской международной академии

Л.М. Терентий

Дорогой Евгений Федорович!

Кафедра русского языка и межкультурной коммуникации поздравляет Вас с замечательной датой и желает Вам «длиться и слыть», как говорила М.И. Цветаева, многие годы.

Одним из первых в отечественном языкознании Вы показали и доказали, что Язык есть не только абстрактное семиотическое поле, но деятельность и функция. Благодаря Вашим трудам языковое сознание перестало восприниматься как метафора и обрело четкость термина и онтологический размах широкого научного направления, способного предоставить научному сообществу – и обществу говорящему в целом – убедительные данные о менталитете различных культур. Прокладывая русло российской психолингвистики, Вы не только совершали открытия, но и снабжали своих последователей надежным инструментарием, благодаря которому исследования продолжают – плодотворно и эффективно. Вы сумели «овнешнить» абстракцию, и мы получили доступ к самому сокровенному знанию – знанию о самих себе. О том, каковы наши ценности и антиценности, о том, как мы вступаем в Диалог с Другим – и что мы способны из этого диалога вынести. На этом пути Вы проявили себя как большой Ученый и великий Миротворец.

Многие годы нас связывают профессиональные и общественные узы, научные и дружеские контакты, позволяющие осознать многогранность Вашей личности, широту научных интересов, неиссякаемость и глубину творческих возможностей.

Трудно оценить Ваш вклад в развитие научной школы, в рамках которой работает кафедра. Прежде всего, под Вашим руководством была разработана проблематика и методология изучения русского языкового сознания. В прикладном аспекте на основе Ваших работ на кафедре были созданы многочисленные учебники и пособия, адресованные иностранным студентам. Мы, Ваши последователи, убеждены в том, что невозможно овладеть русским языком на высоком уровне без осознания особенностей менталитета россиян, в основе которого находятся базовые ценности и антиценности.

Далеко за пределами России известен «Учебный ассоциативный словарь русского языка». В основу словаря положены Ваши идеи. Вы говорите, что «для каждого, кто овладевает русским языком, необходимо знать ассоциативные связи изучаемых слов, потому что эти связи активно или пассивно знает любой русский человек. Можно сказать проще – если хочешь владеть русским языком, как русские, изучай ассоциативные связи русских слов». Всех Ваших идей не перечислить. Заметим, что на кафедре обдумываются прикладные аспекты учения Вашей школы психолингвистики о зооморфных образах русского языкового сознания, а также о гипертексте, в котором находит отражение русское языковое сознание и подсознание.

Если бы Вы, Евгений Федорович, были стимулом, то первичными ассоциациями к нему стали бы слова Ученый, Наставник, Патриот, Лидер, Человек – непременно с большой буквы. Потому что все, что делаете Вы и Ваша школа – значительно и значимо и сегодня, и в категории «большого» бахтинского времени.

Сил Вам, научного энтузиазма, творческой энергии и неизменно благоприятного «контекста» – жизненного и общественного!

Кафедра русского языка и межкультурной коммуникации РУДН

Дорогой Евгений Федорович!

Южно-Казахстанский государственный педагогический университет
и кафедра русского языка сердечно поздравляют Вас с днем рождения!

Чем дальше время отодвигает от нас период знакомства с Сектором психолингвистики Института языкознания РАН, тем более значительной становится для нас Ваша личность – большого ученого, глубокого исследователя и замечательного человека, тем приятнее приобщиться к юбилейным поздравлениям уже не первый раз – и это весомый отсчет нашего пути в фарватере Московской психолингвистической школы!

Бессменный руководитель Сектора психолингвистики, Вы являетесь олицетворением настоящего русского интеллигента, истинно русской души: глубокой, доброй, широкой, духовно-нравственной, притягательной, большой и щедрой. Вы поистине значительное явление в науке и повседневной жизни коллектива: колоссальный глубокий ум, большое доброе сердце, неподражаемый тонкий юмор, высокие цели, притягательная энергетика и широкая дорога, которую Вы прокладываете вместе с единомышленниками, грандиозные планы, завораживающие мечты и обаяние увлеченного своим делом человека, всегда готового к открытому диалогу, готового протянуть руку помощи и поддержки.

Низкий поклон Вам от казахстанцев, дорогой Евгений Федорович, за Вашу поддержку, за доверие, за надежность, за то, что поверили в нас, и мы поверили в себя. И что бы мы ни делали, мы стараемся не подвести Вашу школу и Вас, работаем с чувством ответственности и благодарности за данную нам авансом оценку – ученую степень и надежду на успех, потому что за нами Москва, за нами Россия... Мы проводники русского языка и русской культуры и будем верны этому всегда.

Мы любим Вас. Гордимся знакомством с Вами. Благодарны Вам
безгранично.

Оставляйтесь таким же родным и близким, дорогим нам человеком!

Пусть будут благословенны все Ваши дела и помыслы!

Здравствуйте долгие годы на радость нам, Вашим аспирантам,
коллегам, родным и близким!

Многая Вам лета!

*Руководство ЮКГПУ, завкафедрой РЯиЛ А.К. Калжанова,
Н.В. Дмитриук, Г.И. Абрамова, Р.А. Арынбаева, Д.М. Кистаубаева,
В.Д. Нарожная, Р.А. Османова, М.Ю. Шингарева и др.*

Ключ к человечности и взаимопониманию

Евгений Федорович стоит у истоков отечественной психолингвистики, которая в середине прошлого века ввела в языкознание фактор человека. Тогда было все новым: подходы, термины, эксперименты. Научные труды того времени стали чрезвычайно актуальными сейчас: речевая деятельность, национальная специфика, речевое воздействие. Евгений Федорович остро чувствует потребности времени: языковое сознание, ценности, преподавание русского языка как иностранного, организационная психолингвистика и политическое мифотворчество, – это то, что отражено в последних публикациях. Несмотря на разнообразие тем, во всех работах можно проследить стремление найти секреты успешного взаимодействия носителей разных культур, что выдвигает на первый план проблему понимания.

Я очень благодарна судьбе за возможность личного человеческого общения на конференциях и в секторе, который в последние годы вырос в отдел психолингвистики. Думаю, что многие согласятся в том, что именно желание понять каждого отличает Евгения Федоровича. И еще желание что-то подсказать, но не прямо, а с помощью наводящих вопросов. Когда вдруг несколько слов переворачивают все с ног на голову, и ты чувствуешь, что именно так и нужно. И удивительное чувство юмора, всегда неожиданное, когда шутку выдают только глаза.

И сегодня мы видим, как работы Евгения Федоровича, его учеников и последователей становятся претекстами для создания и понимания новых текстов, которые причудливо порой сливаются в гипертекст «Психолингвистика». И в этом гипертексте есть яркая гиперссылка «Евгений Федорович Тарасов», пройдя по которой можно узнать многое об этом мудром, и поистине большом человеке и ученом.

Евгений Федорович, спасибо за Вашу щедрость в общении и радость, подаренную от каждой встречи!

Елена Владимировна Харченко,

доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

УДК 81'13, 167.7 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-16-26

**ТЕОРИЯ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ Е.Ф. ТАРАСОВА:
МЕТОДОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Журавлев Игнатий Владимирович

старший научный сотрудник
Института языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
zhuravlev@iling-ran.ru

Теория речевого общения Е.Ф. Тарасова основана на методологии деятельностного подхода и представляет собой наиболее адекватный антиредукционистский способ описания и анализа речевых процессов и взаимодействия коммуникантов. Эта теория может быть представлена как ряд методологических различий. Возможные дискуссионные аспекты теории позволяют обратить внимание исследователя на новые предметные области ее приложения. Общение – это не только способ внутренней организации общества, но и способ самоорганизации и интеграции личности. Постулат изоморфизма внешней и внутренней деятельности следует дополнить постулатом об изоморфности «внешнего» и «внутреннего» общения. В ходе общения с собой человек «обрабатывает» себя социальными средствами, получая доступ к своим внутренним состояниям и возможность управления ими. При включении в предметную область теории ситуаций совпадения объекта и субъекта коммуникации теория речевого общения может выступить как методологическая основа для разработки теории самоорганизации личности. Одним из постулатов психолингвистики является противопоставление образа и процесса. Демистификация «перехода» от мысли к речи возможна лишь в том случае, если отношение мысли и слова представлять как отношение процесса и образа, раскрываемое на разных уровнях организации высказывания и взаимодействия коммуникантов.

Ключевые слова: общение, деятельность, теория речевого общения, субъект и объект, самоорганизация, личность, образ и процесс

1. Вместо введения: личное и личностное

В моих руках брошюра «Проблемы теории речевого общения» – научный доклад, который в 1992 году был представлен Евгением Федоровичем к защите на соискание докторской степени. На пустой странице в конце – запись рукой моего отца (проф. В.К. Журавлева): «1 окт. Евгений Федорович. Заслуга: анализ научного аппарата, выяснение предмета и цели. Комплексная оригинальная проблематика. Создание теории речевого общения. Я: личность есть продукт качества и количества речевого общения. Вел за собой группу. Предпосылки речевой способности. Понятийный аппарат – его логико-концептуальный анализ. Согласен. Эмпирический материал за каждым понятием. Более того, здесь не все факты, но и те, которые могут быть открыты. Это – редко, но тем более ценно. Решение фундаментальных и конкретных научных задач. Парадигма = концепция / научный коллектив. Фрейд. Юнг».

По всей видимости, это были заметки к выступлению на защите. Поскольку

психоанализ не входил в область научных интересов моего отца, упоминание Владимиром Константиновичем Фрейда и Юнга выглядит интригующе, тем более что их имена он обвел в кружок. Возможно, речь о них зашла на заседании. Возможно также, что отец хотел что-то сказать о методе ассоциативного эксперимента, который, являясь одним из главных методов эмпирического исследования в психолингвистике, во многом обязан своим появлением именно работам Фрейда и Юнга. Другой интригующий момент касается трактовки личности как продукта речевого общения. Это, действительно, отцовская формулировка, он повторял ее неоднократно. Но для психологии деятельности (и, соответственно, для теории речевого общения) личность – это прежде всего момент деятельности, продукт овладения формами предметной активности и построения иерархии мотивов. Я думаю, неправильно было бы говорить, что там, где лингвист видит общение, психолог (и психолингвист) увидит деятельность. Соотношение общения и деятельности – сложная теоретическая проблема, которая среди прочих также обсуждается в теории речевого общения. Вопрос, как я покажу в дальнейшем, заключается в том, как возможна онтология общения, можно ли понимать его как форму социального взаимодействия, генетически связанную с предметной деятельностью, но не редуцируемую к ней.

Мое «официальное» знакомство с Евгением Федоровичем состоялось десять лет спустя, в конце 2002 года, когда я пришел в сектор «устраиваться». «Я был у вас дома», – сказал он мне сразу, так что ему-то я в каком-то смысле уже был тогда знаком. Впрочем, еще какое-то время он ко мне явно присматривался, а я присматривался к нему – и, наверное, мы продолжаем плодотворно присматриваться друг к другу до сих пор. Мне хотелось поскорей избавиться от восприятия меня только лишь как сына «крестного отца советской психолингвистики» («Дорогому крестному» – надпись А.А. Леонтьева на подаренном моему отцу экземпляре реферата его докторской). Евгению Федоровичу, видимо, хотелось того же. И в ходе нашего обоюдного «присматривания» это достаточно быстро произошло.

С Евгением Федоровичем мы часто дискутируем, и нет ничего приятней, чем встречаться в научном споре со столь мощным оппонентом. Общность наших сознаний, естественно, задана методологией деятельностного подхода, однако некоторые проблемы данной методологии мы понимаем по-разному. Части этих проблем и посвящена настоящая публикация.

2. Теория речевого общения: методология

Теория речевого общения Е.Ф. Тарасова, основываясь на деятельностной методологии, постулирует (и обосновывает) ряд методологических различий.

Первое и самое общее – это *различение внутренних и внешних условий производства и восприятия речи*, формирующих предметную область «собственно психолингвистики», с одной стороны, и теории речевого общения, с другой. Теория речевой деятельности мыслится при этом не как агрегатная совокупность двух указанных теорий, а как системное образование, отражающее онтологическое единство речевой деятельности и речевого общения.

Второе методологическое различие – это как раз *различение общения и деятельности*. Теория речевого общения строится на принципе генетической детерминации общения деятельностью. Отсюда делаются два важных вывода. Во-

первых, **«при анализе речевого общения необходимо в каждом конкретном случае найти деятельность, в структуре которой развертывается анализируемое общение»** [Тарасов 1992: 32]. Это принципиальное утверждение влечет за собой необходимость прояснения онтологического статуса общения в ситуациях, когда общение выглядит как деятельность. Здесь же появляется возможность сделать вывод о том, что человек вступает в общение только в том случае, если он не может решить стоящую перед ним задачу собственными средствами (к обсуждению этого мы впоследствии вернемся). Во-вторых, **«целесообразно рассматривать деятельность, общение, коммуникацию, продукты деятельности (культурные предметы), образы сознания как превращенные формы друг друга»** [Там же]. Это также принципиальный момент. Если общение – это превращенная форма деятельности, значит, оно и должно обладать самостоятельной онтологией, не являющейся прямым отображением онтологии деятельности. Но раз общение не сводимо к деятельности напрямую, то может показаться, что в каждой ситуации общения искать деятельность, в структуре которой оно развертывается, как раз не обязательно. Возникает мнимое противопоставление второго вывода первому.

Снять это противоречие, по-видимому, позволяет третье методологическое различие – *различение феноменологического (эмпирического) и теоретического уровней анализа общения*. Хотя реально исследователь (и коммуникант) может наблюдать только целенаправленную активность взаимодействующих людей, теоретический анализ позволяет увидеть детерминацию общения деятельностью и превращенный характер общения. «Только теоретический анализ в наблюдаемом социальном взаимодействии вычленяет деятельность без общения и общение вне структуры деятельности» [Тарасов 1992: 33].

Четвертое различие, методологически связанное с указанными выше, касается *противопоставления субъект-объектной и субъект-субъектной схем анализа общения*. Теоретический анализ, согласно Е.Ф. Тарасову, раскрывает преимущества именно субъект-объектной схемы, поскольку один и тот же акт общения может быть эмпирически описан с разных позиций (исследователя и каждого из коммуникантов) [Тарасов 1992: 36]. Схема «субъект – объект» представляется как реализация деятельностного подхода в описании активности коммуникантов; данный способ описания предполагает, что «каждый коммуникант, полагая себя субъектом речевого воздействия, регулирует внутреннее (сознание и мышление) и внешнее поведение (говорение) собеседника, считая его объектом своего речевого воздействия» [Матвеев и соавт. 2019: 237].

Двигаясь по пути различий, мы можем указать еще одно (пятое) фундаментальное противопоставление, сформулированное в теории речевого общения. Это *противопоставление концепции передачи информации и концепции указания (при помощи знаков) на общие знания коммуникантов*. Отсюда в теории речевого общения постулирование общности сознаний коммуникантов как необходимого условия возможности общения.

Ключевым положением теории речевого общения является положение о том, что общение развертывается ради организации совместной деятельности (общение мыслится при этом как активность, которая сама может быть описана как деятельность). Соответственно, задачи, решаемые коммуникантами в ходе общения, распределяются

на две группы: задачи по организации общения и задачи по организации совместной деятельности. Первая группа задач включает: 1) привлечение внимания собеседника, 2) удержание внимания, 3) ориентирование собеседника в своих качествах, 4) установление соотношения социальных статусов коммуникантов, 5) создание атмосферы общения. Ко второй группе задач относятся: 1) актуализация имеющейся потребности или формирование новой потребности, 2) предложение предмета-мотива, удовлетворяющего актуализированной потребности, 3) указание на деятельность, которая приведет к овладению предметом-мотивом. Согласно Е.Ф. Тарасову, этот набор задач «описывает в исходной форме все задачи общения, решаемые людьми в современном социуме. Все смыслы, формируемые вербальным путем, лежат в диапазоне задач, обозначенных в их исходной форме» [Тарасов 2019а: 265].

3. Дискуссионные моменты и пути дальнейшего развития

Теория Е.Ф. Тарасова представляет собой попытку антиредукционистского описания речевого общения [Тарасов 2019b: 353]. Будучи основанной на деятельностной методологии, данная теория включает в объект анализа: 1) субъектов совместной деятельности, 2) их деятельность, 3) их речевое общение, 4) их языковое и неязыковое сознание, 5) культурные предметы в качестве тел языковых знаков, 6) внутреннее и внешнее поведение коммуникантов, 7) сознательные образы организуемой путем общения активности [Тарасов 2019b: 352-353]. Такое понимание объекта анализа действительно делает данную теорию наиболее адекватным способом описания речевого общения.

Дискуссионные вопросы касаются, как уже было сказано, онтологического статуса общения.

Мы не будем останавливаться сейчас на старой дискуссии о том, может ли общение быть деятельностью. Подчеркнем только, что понимание общения как превращенной формы деятельности исключает возможность редукции (прямого сведения) общения к деятельности. Существует целый ряд ситуаций, характеризующихся эмпирическим совпадением общения и деятельности. Например, психотерапия представляет собой деятельность, задачи которой могут полностью совпадать с задачами организации психотерапевтического общения. В ходе общения терапевта с клиентом решаются проблемы общения, клиент преодолевает коммуникативные запреты, учится общению как способу управления собственным поведением. Ни клиент, ни терапевт могут первоначально не знать, зачем человек пришел на психотерапию. Теоретический анализ не всегда в подобных случаях позволяет отделить общение от деятельности.

Общение – это «не столько процесс *внешнего взаимодействия изолированных личностей*, сколько способ *внутренней организации и внутренней эволюции общества как целого*» [Леонтьев А.А. 2004: 19-21]. Но раз общение – это способ внутренней организации общества как целого, оно, в соответствии с принципом интериоризации Л.С. Выготского, необходимо должно выступать и как *способ внутренней организации поведения личности, организации личности как целого*. Личность есть интериоризованная социальность; то, что выступало первоначально как система отношений между людьми, в ходе развития психики и становления личности оказывается системой отношений в психике и сознании человека. Поэтому принятый в научной школе Л.С. Выготского **постулат изоморфизма внешней и внутренней**

деятельности следует дополнить положением об изоморфности «внешнего» и «внутреннего» общения. С психологической точки зрения речь, знаковые средства – это средства управления внутренними психическими процессами и поведением человека. Сам человек выступает для себя как объект общения и управления, сам человек, общаясь с собой, организует собственную деятельность и интегрирует себя как личность. Перефразируя Маркса, можно сказать, что в общении с собой человек «обрабатывает» самого себя социальными средствами, представляет себе свои собственные состояния в форме, понятной другому – и, тем самым, осознает самого себя. «Внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет» [Леонтьев А.Н. 1975: 181].

Эти рассуждения подводят нас к проблематизации «очевидного» – прозрачности для субъекта коммуникации его собственных коммуникативных намерений. Начиная общение (как с самим собой, так и с другим человеком), человек может не отдавать себе отчета в своих истинных мотивах, в том, чего он хочет от самого себя или от собеседника. Поэтому группу задач по организации общения следует дополнить *задачей на ориентацию коммуниканта в самом себе*. Лишь в ходе общения и уже организованной совместной деятельности чаще всего человек только и начинает понимать, каковы его потребности, хочет ли он делать то, что делает, хочет ли он общаться с тем, с кем общается. *Человек обретает себя, свои потребности, ценности, мотивы исключительно через других людей и в обращении к ним*: «...через других мы становимся самими собой, и это правило относится не только к личности в целом, но и к истории каждой отдельной функции. <...> Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она предъявляет для других» [Выготский 1983: 169].

Следовательно, положение о том, что человек вступает в общение, только если не может решить задачу своими средствами, нуждается в уточнении. Организуя любую деятельность, человек нуждается в другом, только в одних случаях в качестве другого будет выступать другой человек, а в других – он сам. Собственные средства – это всегда средства обращения к другому; они же и являются средствами обращения к себе. В ходе развития общение отделяется от деятельности и начинает ею управлять, отношения между деятельностью и общением оказываются перевернутыми. Общение – это принц в королевстве деятельности, наследующий престол (напомню, что Л.С. Выготскому слово представлялось венцом творения, а не его источником). Обретая самостоятельную онтологию, **общение выступает как способ внутренней организации общества и средство самоорганизации личности**. Это значит, что и упомянутое выше положение В.К. Журавлева о личности как «продукте качества и количества речевого общения» отнюдь не противоречит представлению о личности как моменте деятельности.

Теория речевого общения, дополненная этими представлениями, может быть использована для анализа психологических механизмов самоорганизации личности.

Следующий дискуссионный момент касается представления субъект-объектной схемы анализа как схемы, отражающей деятельностный подход к описанию речевого общения. Дело в том, что ссылка на данную схему может вызвать ассоциации с картезианской парадигмой сознания, от которой создатель психологической теории деятельности А.Н. Леонтьев решительно отмежевывался. Картезианское противопоставление мира физических объектов и мира сознания в теории деятельности

оказывается снятым: оно уступает место различению предметной реальности и деятельности субъекта (неважно, внешней или внутренней) [Леонтьев А.Н. 1975: 99-100]. Принципиально важно подчеркнуть, что предметная реальность в теории деятельности понимается не как картезианский мир объектов, а как мир предметов, т.е. объектов с любым онтологическим статусом (в т.ч. процессов, событий), ставших предметами деятельности и потому – предметами сознания (предмет может быть как реальным, так и идеальным). *Субстанцией предмета (а потому и субстанцией сознания) является деятельность*. Мы постоянно опредмечиваем и распредмечиваем мир, мы воспринимаем в «вещах» их образы, т.е. формы нашей (всегда – совместной) активности по отношению к «вещам». В этом и состоит *предметность* нашего взгляда на мир. В другой формулировке А.Н. Леонтьева, к которой мы еще вернемся, различение предметной реальности и деятельности субъекта представлено как *противопоставление образа и процесса*. Именно это противопоставление является центральным методологическим противопоставлением неклассической (антикартезианской) психологии. Соответственно, отношение субъекта и объекта мыслится как континуум, как субъект-объектное пространство («единый континуум сознания-бытия» у М.К. Мамардашвили). «Онтологически первичен... не объектный мир и противопологаемый ему субъект (картезианская точка зрения), а единый континуум, в котором субъект взаимодействует с миром объектов» [Леонтьев А.А. 2001: 262]. Категория деятельности «покрывает» как полюс объекта, так и полюс субъекта [Леонтьев А.Н. 1975: 159].

Поэтому очень важно не наделять схему «субъект – объект» «картезианским» содержанием. В упрощенной модели общения один человек воздействует на другого, чтобы вместе воздействовать на некий объект. Теоретический анализ в рамках деятельностного (антикартезианского) подхода обнаруживает за этим процессом совместную деятельность, в ходе которой коллективный субъект преобразует действительность. **В общении коммуниканты воздействуют внешними и внутренними средствами друг на друга и сами на себя**, впервые обнаруживая и устанавливая то, что вне общения установлено быть не может. Эти рассуждения, естественно, являют собой не упрек в адрес теории речевого общения, а попытку предостеречь возможных интерпретаторов теории от упрощенного (наивного) толкования одного из главных ее положений.

Здесь мы подходим к еще одному дискуссионному моменту, который касается проблемы соотношения мысли и речи и процесса порождения высказывания. Как ни странно, и тут можно найти почву для плодотворной дискуссии. Е.Ф. Тарасов подчеркивает чрезвычайную сложность речевого общения как объекта анализа, справедливо утверждая, что оптимальной формой анализа речевых процессов является триангуляционный подход [Тарасов 2019b: 363]. Однако сложность речи и речевого общения как объекта анализа не исчерпывается его многоаспектностью. Любая попытка непротиворечиво описать путь от мысли к слову наталкивается на фундаментальную философскую проблему, которая накладывает неизбежные ограничения на возможности научной методологии. Речь идет о *психофизической проблеме* – той самой проблеме различения и соотношения физического и психического, которая возникает в картезианской парадигме сознания и преодолевается (снимается, устраняется) в теории деятельности.

Л.С. Выготский, прекрасно понимая, как эта проблема отражается на возможностях научного описания отношений между мыслью и словом, пытался нащупать пути ее решения, предлагая метафорические формулировки («мысль подобна нависшей туче», «мысль проливается дождем слов», «то, что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно») и представляя путь от мысли к слову как «живую драму». Порождение речи описывается исследователями как процесс, включающий ряд этапов. Но именно здесь кроется загвоздка. Порождение речи мыслится как сукцессивный процесс (при всей его эвристичности, при встроенности одних этапов в другие), однако *переход* от симультанного (мысли) к сукцессивному (речи) представить как сукцессивный процесс уже никак нельзя. Двигаясь от речи обратно к мысли, мы никогда «самой» мысли не найдем: мы всегда будем находить только свернутые формы речи. Мысль как таковая, поэтому, оказывается как бы за пределом речи, она представляется как некое «духовное» явление, ускользающее от любых научных процедур анализа. Здесь обнаруживает себя идеалистическая трактовка мышления, которая была для Л.С. Выготского неприемлемой.

Потому-то и нужно в разработке методологии исследований речевых процессов и речевого мышления прежде всего помнить о психофизической проблеме. Вот что писал об этом сам Л.С. Выготский: «Психофизическая проблема <...> заключается <...> не в отношении мозга и психики (может ли мысль сдвинуть на один микрон мозговой атом без затраты энергии), а в отношении мысли и речи, которая есть ее материализация, ее воплощение, *постоянно* совершающийся переход внешнего во внутреннее и внутреннего во внешнее, действительное, а не мнимое единство и борьба противоположностей (может быть, основное в развитии – историческом – сознания). <...> Это есть исторический материализм (принцип его конкретный) в психологии, а *мышление и речь – центральная проблема и via regia всей исторической психологии*» [Записные книжки Л.С. Выготского 2018: 292-293].

Решение психофизической проблемы, предложенное А.Н. Леонтьевым, заключается в отказе от противопоставления физического и психического, «протяженной» и «мыслящей» субстанций: «действительная противоположность» – это противоположность образа и процесса. Процесс и образ связаны диалектическим отношением; процесс наполняет жизнью образ, а образ служит формой процесса. Отношение «образ – процесс» – это центральное отношение в любом сознательном явлении; оно раскрывается на разных уровнях анализа сознания [Леонтьев А.Н. 2003: 354-371]. Мир не удваивается на объекты и их «отражения» в голове. Есть деятельность (внешняя или внутренняя) и образ, выступающий как форма (правило, закон) самой деятельности, но при этом порождаемый только в ней. Соответственно, образ – это не соединение (ассоциация) чувственной/биодинамической (лучше сказать – феноменальной) ткани со значением. Это феноменальная ткань *внутри* значения, схваченная значением, или значение, *наполняемое* феноменальной тканью.

Поэтому, на мой взгляд, не вполне корректна формулировка, представляющая порождение речи как «движение от невербального образа сознания к его овнешнению» [Тарасов 2019b: 362]. Это не движение из пункта А в пункт Б: это, скорее, *жизнь* А *внутри* Б (процесс внутри образа или, в терминологии М.К. Мамардашвили, феномен внутри явления). Образ сознания – это *всегда* овнешненный образ (даже если он остается при этом внутренним!). Образ сознания по сути своей – это форма социального взгляда

на вещи, взгляда «глазами других». А такой взгляд – это неизбежно означающий взгляд (сознательное действие с вещью подразумевает необходимость понимания того, что данная вещь значит для других, что она значит для социума). Итак, нет образа до означивания, до овнешнения. Другое дело, что овнешнение, конечно, может происходить не только в средствах языка. Но язык, естественно, – это главная и с точки зрения развития психики первичная система средств овнешнения.

Психофизическая проблема и вопрос о соотношении образа и процесса – это проблемы философской методологии, которые, однако, необходимо должны быть введены и в методологию научного исследования. Неслучайно А.А. Леонтьев рассматривал противопоставление образа и процесса в качестве одного из *постулатов* психолингвистики [Леонтьев А.А. 1997]. Идея о противоположности образа и процесса может оказаться плодотворной и для дальнейшей разработки проблем теории речевого общения. Соотношение образа и процесса может быть раскрыто не только на разных этапах порождения высказывания, но и на разных уровнях взаимодействия коммуникантов.

4. Личностный смысл и череда превращений

Возможность обсуждать подобные вопросы имеет двоякую импликацию. С одной стороны, она определяется самой теорией речевого общения (и требованиями методологии деятельностного подхода). С другой стороны, она определяется личностью создателя теории. Все подобные вопросы, поэтому, ведут двойную жизнь, обладают двойной онтологией. Так что теория в определенном смысле является частью личности ее автора, способом овнешнения личности, а значит, и превращенной формой личности. Мне посчастливилось взаимодействовать как с самим Евгением Федоровичем, так и с его превращенной формой. Порой я вижу диалектические противоречия между ними. Тут-то и возникают наши дискуссии.

Евгений Федорович, конечно, знает и о трактовке общения Л.С. Выготским, и о психофизической проблеме, и о многом другом, что не было упомянуто среди дискуссионных вопросов в данной статье. Его частый встречный вопрос – какую выгоду получит исследователь от введения в теорию какого-либо нового аспекта. Теория речевого общения и так прекрасно «работает», не нуждаясь, к примеру, в «превращении» в теорию самоорганизации личности. Но я бы увидел здесь естественный момент «сопротивления» превращенной формы по отношению к дальнейшим превращениям. Первичное значение знака, как известно, снимается при включении знака в качестве означаемого во вторичную знаковую систему. Но так же, как жизнь знака – это череда означиваний, наша жизнь (жизнь личности, жизнь теории) являет собой не что иное, как бесконечную череду превращений. И какими бы ни были пути дальнейшего развития теории речевого общения, этимологический анализ всегда позволит без труда найти ее личностные и методологические корни.

Заключение

Теория речевого общения Е.Ф. Тарасова, основанная на деятельностной методологии, представляет собой наиболее адекватный антиредукционистский способ описания и анализа речевых процессов и взаимодействия коммуникантов. Эта теория сама может выступать в качестве научной методологии при разработке способов теоретического

анализа таких объектов, как сознание коммуникантов, социальные взаимодействия и др. Возможные дискуссионные аспекты теории позволяют обратить внимание исследователя на новые предметные области ее приложения.

Общение можно рассматривать не только как способ внутренней организации общества, но и как необходимый способ самоорганизации и интеграции личности. Постулат изоморфизма внешней и внутренней деятельности должен быть дополнен постулатом об изоморфности «внешнего» и «внутреннего» общения. В группу задач, решаемых коммуникантом в организации общения, следует включить задачу на ориентацию коммуниканта в самом себе. В ходе общения с собой человек «обрабатывает» себя социальными средствами, получая доступ к своим внутренним состояниям и возможность управления ими. При включении в предметную область теории ситуаций совпадения объекта и субъекта коммуникации теория речевого общения может выступить как методологическая основа для разработки теории самоорганизации личности.

Один из постулатов психолингвистики – это постулат о противоположности образа и процесса. Этот постулат должна учитывать и теория речевого общения. Демистификация «перехода» от мысли к речи возможна лишь в случае, если отношение мысли и слова представлять как отношение процесса и образа, раскрываемое на разных уровнях организации высказывания и взаимодействия коммуникантов.

Литература

Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3 Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное/Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. 608 с.

Леонтьев А. А. Деятельный ум. М.: Смысл, 2001. 392 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 303 с.

Леонтьев А. Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы. М.: Смысл, 2003. 439 с.

Матвеев М. О., Нистратов А. А., Тарасов Е. Ф. Восприятие текста в зависимости от коммуникативной позиции испытуемого // *Per linguam ad communicationem*. Ключевые вопросы лингвистической теории в режиме дискуссии. Коллективная монография, под ред. А.В. Вдовиченко, Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: Институт языкознания РАН, 2019. С. 237–249.

Тарасов Е. Ф. Онтологические предпосылки теории речевого общения // *Per linguam ad communicationem*. Ключевые вопросы лингвистической теории в режиме дискуссии. Коллективная монография, под ред. А.В. Вдовиченко, Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: Институт языкознания РАН, 2019а. С. 258–265.

Тарасов Е. Ф. Проблемы теории речевого общения: Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.: Институт языкознания РАН, 1992. 56 с.

Тарасов Е. Ф. Производство речи в теории речевого общения // *Per linguam ad communicationem*. Ключевые вопросы лингвистической теории в режиме дискуссии. Коллективная монография, под ред. А.В. Вдовиченко, Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: Институт языкознания РАН, 2019b. С. 350–363.

E.F. TARASOV'S THEORY OF SPEECH COMMUNICATION: METHODOLOGY AND DEVELOPMENT PERSPECTIVES

Ignaty V. Zhuravlev

Senior Research Fellow

Department of Psycholinguistics

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

zhuravlev@iling-ran.ru

E. F. Tarasov's theory of speech communication is based on the methodology of the activity approach and is the most adequate anti-reductionist way of describing and analyzing speech processes and interaction of communicants. This theory can be presented as a series of methodological distinctions. Possible debatable aspects of the theory allow the researcher to draw attention to new subject areas of its application. Communication is not only a way of internal organization of society, but also a way of self-organization and integration of the individual. The postulate of isomorphism of "external" and "internal" communication. In the course of communicating with oneself, a person "processes" himself by social means, gaining access to his internal states and the ability to manage them. When the subject area of the theory includes the coincidence of the object and subject of communication, the theory of speech communication can act as a methodological basis for the development of the theory of self-organization of the individual. One of the postulates of psycholinguistics is the opposition of image and process. Demystification of the "transition" from thought to speech is possible only if the relation of thought and word is represented as the relation of process and image, revealed at different levels of the organization of utterance and interaction of communicants.

Keywords: communication, activity, theory of speech communication, subject and object, self-organization, personality, image and process

References

Vygotsky L. S. Sobranie sochinenij: V 6-ti t. T.3 Problemy` razvitiya psixiki / Pod red. A. M. Matyushkina [Collected works: in 6 t. T. 3 Problems of development of the psyche / ed. by a.m. Matyushkin]. M.: Pedagogika, 1983. 368 p. (In Russian).

Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe [Notebooks of L.S. Vygotsky] / Pod obshh. red. Ekateriny` Zavershnevoj i Rene van der Veera. M.: Izdatel`stvo «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2018. 608 p. (In Russian).

*Leont`ev A. A.* Deyatel`ny`j um [Active mind]. M.: Smy`sl, 2001. 392 p. (In Russian).

*Leont`ev A. A.* Osnovy` psixolingvistiki [Foundations of psycholinguistics]. M.: Smy`sl, 1997. 287 p. (In Russian).

*Leont`ev A. N.* Dejatel`nost`. Soznanie. Lichnost` [Activity. Consciousness. Personality]. M.: Politizdat, 1975. 303 p. (In Russian).

*Leont`ev A. N.* Stanovlenie psixologii deyatelnosti: Rannie raboty` [The origin of the psychology of activity: early works]. M.: Smy`sl, 2003. 439 p. (In Russian).

Matveev M. O., Nistratov A. A., Tarasov E. F. Vospriyatie teksta v zavisimosti ot

kommunikativnoj pozicii ispy'tuemogo [Perception of the text depending on the communicative position of the subject] // *Per linguam ad communicationem. Klyuchevy'e voprosy` lingvisticheskoy teorii v rezhime diskussii. Kollektivnaya monografiya, pod red. A.V. Vdovichenko, E.F. Tarasova, I.V. Zhuravleva* [Per linguam ad communicationem. Key issues of linguistic theory in the discussion mode. Collective monograph, ed. A.V. Vdovichenko, E. F. Tarasov, I. V. Zhuravlev]. M.: Institut yazy'koznaniya RAN, 2019. P. 237–249. (In Russian).

Tarasov E. F. Ontologicheskie predposy`lki teorii rechevogo obshheniya* [Ontological prerequisites of the theory of speech communication] // *Per linguam ad communicationem. Klyuchevy'e voprosy` lingvisticheskoy teorii v rezhime diskussii. Kollektivnaya monografiya, pod red. A.V. Vdovichenko, E.F. Tarasova, I.V. Zhuravleva [Per linguam ad communicationem. Key issues of linguistic theory in the discussion mode. Collective monograph, ed. A.V. Vdovichenko, E. F. Tarasov, I. V. Zhuravlev]. M.: Institut yazy'koznaniya RAN, 2019a. P. 258–265. (In Russian).

Tarasov E. F. Problemy` teorii rechevogo obshheniya: Nauchny`j doklad po opublikovanny`m trudam, predstavlenny`j k zashhite na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskix nauk [Problems of the theory of speech communication: a Scientific report on published works submitted for protection for the degree of doctor of Philology]. M.: Institut yazy'koznaniya RAN, 1992. 56 p. (In Russian).

Tarasov E. F. Proizvodstvo rechi v teorii rechevogo obshheniya [Speech Production in the theory of speech communication] // *Per linguam ad communicationem. Klyuchevy'e voprosy` lingvisticheskoy teorii v rezhime diskussii. Kollektivnaya monografiya, pod red. A.V. Vdovichenko, E.F. Tarasova, I.V. Zhuravleva* [Per linguam ad communicationem. Key issues of linguistic theory in the discussion mode. Collective monograph, ed. A.V. Vdovichenko, E. F. Tarasov, I. V. Zhuravlev]. M.: Institut yazy'koznaniya RAN, 2019b. P. 350–363. (In Russian).

**Конференция
«В трехмерном пространстве языка и дискурса:
научные чтения к 90-летию Ю. С. Степанова»**

1 октября 2020 г. Научно-образовательный центр теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова проводит в Институте языкознания РАН научную конференцию «В трехмерном пространстве языка и дискурса: научные чтения к 90-летию Ю. С. Степанова».

Информацию о чтениях можно получить у организатора чтений Владимира Валентиновича Фещенко по e-mail:
vladimirfeshchenko@iling-ran.ru.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-28-39

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ: ОБЗОР ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вашунина Ирина Владимировна
профессор кафедры немецкого языка
Всероссийской академии внешней торговли
Министерства экономического развития РФ
Россия, 119285, г. Москва, ул. Пудовкина, д. 4а
vashunina@yandex.ru

Нистратов Александр Алексеевич
научный сотрудник
ф-та психологии МГУ им. Ломоносова
Россия, 119009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11
a.nistratov@mail.ru

В статье представлены результаты исследований восприятия креолизованных текстов, проводимых в течение двадцати лет в отделе психолингвистики Института языкознания РАН под руководством Е.Ф. Тарасова. Материал исследования – креолизованные тексты с разными вербальными и визуальными составляющими. Вербальные составляющие варьировались по теме, стилю, эмоционально-смысловой доминанте, визуальные составляющие – по манере исполнения, цветовой гамме. Цель исследования – выявление параметров вербальной и визуальной составляющих креолизованного текста, которые влияют на его восприятие. Исследование проводилось с применением метода семантического дифференциала. В результате были выявлены параметры изображения, которые определенным образом воздействуют на восприятие креолизованного текста. Эти параметры могут быть сопоставлены по нескольким направлениям. Первое – это сопоставление воздействия реалистических и нереалистических изображений. Второе направление – сопоставление мажорной и минорной/ черно-белой цветовой гаммы. В его основе лежит цветовое воздействие красного / желтого/ оранжевого цветов и синего/ зеленого/ фиолетового цветов. Третье направление сопоставления – сравнение воздействия изображений разной сложности, яркости и контрастности. Установлено, что действие выявленных параметров не является однонаправленным, во многих случаях оно зависит от корреляции с характеристиками вербального текста, что подтверждает наличие свойства системности у креолизованного текста.

Ключевые слова: креолизованный текст, свойство системности, экспериментальное исследование, метод семантического дифференциала, факторы, параметры изображения, характеристики вербального текста, реалистичность изображения, тривиальность изображения, цветовая гамма изображения

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 18-012-00652 «Креолизованный текст как средство управления языковым сознанием: теоретико-экспериментальное исследование») в Институте языкознания РАН.

Введение

Исследование креолизованных текстов началось в конце XX века. В 1990 году Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым было дано ставшее классическим определение: «Креолизованные тексты (КТ) – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180]. Следующие десятилетия ознаменовались всплеском интереса к изучению феномена креолизованного текста. Основное положение, которое выделило креолизованный текст в самостоятельный объект исследования, кратко может быть определено как наличие явления системности при конструировании смысла такого текста. Независимо от того, разбит ли креолизованный текст в физическом плане на отдельные составляющие (например, текст и иллюстрация обычно имеют отдельное бытие в пространстве, а такой жанр, как песня представляет единое звучание текста и музыки), восприятие каждой из его составляющих происходит под влиянием со стороны другой /других составляющих. То есть, креолизованный текст в ракурсе восприятия – синтетическое явление. Это свойство определяет предпочтительность использования термина «креолизованный» перед другими возможными обозначениями: он делает акцент именно на сплав составляющих, происходящий при восприятии таких текстов. Термин «поликодовый» (получивший наравне с термином «креолизованный» распространение в практике современных исследований), точно характеризует рассматриваемый феномен, однако только в отношении его формы.

На сегодняшний день существует значительное число исследований креолизованных текстов (защищено около 70 диссертаций). Большое число трудов создано с применением функционального подхода в лингвистике текста: исследователи рассматривают роль вербального и визуального компонентов в создании целостного креолизованного текста, в реализации текстовых категорий на материале текстов разных стилей и жанров. Проведены диссертационные исследования креолизованных текстов печатных СМИ, рекламы, художественной литературы, учебной литературы, общественно-политических текстов, песен, клипов, фильмов, (гипер)текстов среды Интернет, отдельных типов текстов (карикатуры, комикса, плаката, кулинарного рецепта, путеводителя, гороскопа). Однако труды, в которых рассматривается механизм восприятия таких текстов, на сегодня единичны. В то же время именно такие исследования представляются наиболее актуальными, потому что в основе использования креолизованных текстов в коммуникации лежит их прагматический потенциал. Данные о реальном воздействии таких текстов (например, в сравнении с вербальными текстами) можно получить только экспериментальным путем, и начавшиеся в этом направлении исследования показывают наличие сложных корреляций между параметрами составляющих креолизованного текста, влияющими на его восприятие реципиентами.

Описание экспериментов

В данном исследовании мы имеем переход от вербальных стимулов к стимулам чувственных модальностей, к комплексным стимулам (креолизованным текстам).

Эти тексты имеют как минимум две составляющие: вербальную и невербальную, в нашем случае это иконическая составляющая. Очевидно, что восприятие текста зави-

сит от его характеристик, которые могут быть разделены на содержательные (содержание вербального и невербального компонентов) и формальные (форма компонентов креолизованного текста). В самом общем виде содержание текста и изображения можно характеризовать как приятное / нейтральное / неприятное. Форма вербального текста – это особенности его стиля и жанра, используемые в нем стилистические средства, тропы. Вместе с содержанием форма вербального текста позволяет создавать разные по смысловой доминанте тексты: светлые, темные, веселые, печальные и др.

Изображение также имеет форму, которая обобщенно может рассматриваться как набор параметров и характеристик изображения. Основными из них являются стиль и манера исполнения иллюстрации, используемые на изображении геометрические формы и цветовая гамма. Для характеристики стиля иллюстрации мы выбрали противопоставление реалистического и нереалистического изображений, потому что планировалось сопоставление воздействия максимально приближенного к реальному (реалистически изображенного) объекта (соответствующего нашим о нем представлениям) и того же объекта с вымышленными характеристиками на нереалистическом изображении. Воздействие геометрических форм учитывалось только в первой серии экспериментов, поэтому здесь мы его не рассматриваем.

Что касается воздействия цвета, то в настоящее время является общеизвестным, что различные оттенки красного, оранжевого (цвета положительной стороны круга, по терминологии И. Гете [Гете 1996]) оказывают стимулирующее воздействие на организм человека, а синий, фиолетовый, зеленый (цвета отрицательной стороны круга [там же]) успокаивают. Это подтверждено в ходе многих экспериментов, например [Арнхейм 1974: 316; Юнг 1996, 148; Riedel 1999: 22]. Физиологическое воздействие цвета легло в основу его эмоционального воздействия [Юнг 1996: 152], и поэтому мы можем говорить о радостных, активных тонах (мы назвали их по аналогии с музыкальными терминами цветами мажорной гаммы; это разные оттенки красного, оранжевого, желтого) и спокойных, иногда печальных и угнетающих тонах (цветах минорной гаммы – разных оттенках синего, фиолетового, зеленого). В ходе первой серии экспериментов [Вашунина 2007] было установлено, что в определенных случаях воздействие минорной и мажорной цветовой гаммы является противоположно направленным (использование одной из них приводит к повышению оценки по какой-либо шкале, в то время как использование другой – к понижению). Кроме того, в первой серии экспериментов в изображениях использовалась черно-белая цветовая гамма (речь идет о графике), воздействие которой, как показали результаты, во многих случаях сопоставимо с воздействием минорной гаммы.

Все параметры креолизованного текста действуют не самостоятельно, а в сочетании с другими параметрами. То есть, мы имеем корреляции формы и содержания (в нашем случае) двух компонентов: форма изображения (стиль, манера исполнения, цветовая гамма) как-то соотносится с содержанием и формой вербального текста. Возможны различные комбинации: например, серьезный, темно-печальный по смысловой доминанте вербальный текст сочетается с «веселой» мажорной или с «печальной» минорной иллюстрацией. Очевидно, что таких корреляций может быть множество, и они имеют разную степень противопоставления/ перекрещивания вербального текста и изображения. Мы выбрали наиболее явное противопоставление минорных – мажорных тонов в сочетании с текстами с разными эмоционально-смысловыми доминантами.

Для исследования использовалась психосемантическая методика. Она позволяет выявить, на каких психологических основаниях респонденты выстраивают свое отношение к воспринимаемым объектам.

В нашем исследовании респонденты оценивали предложенные объекты по шкалам, созданным на основе предварительного ассоциативного эксперимента, в ходе которого испытуемым предлагалось дать характеристики тексту и изображению. Частотные характеристики стали именами шкал. Кроме того, использовался стандартный семантический дифференциал (СД). Поскольку СД связан с коннотативными аспектами значения, возникает возможность приложения метода СД к исследованиям визуальных объектов и креолизованных текстов, так как они апеллируют по большей части к коннотативным, эмоциональным реакциям участников коммуникации. Данные методы позволяют построить семантические пространства и определить критерии восприятия, которые не осознаются самими людьми, а также классифицировать предъявленные объекты.

Метод семантического дифференциала может быть представлен как сочетание техники шкальных оценок и метода контролируемых ассоциаций. Как метод контролируемых ассоциаций, семантический дифференциал выгодно отличается от ассоциативных методов большей компактностью. В результате получаем численно представленные стандартизированные данные, легко поддающиеся статистической обработке.

Использование метафорических шкал в СД позволяет получить оценку респондента, свободную от ограничений, накладываемых реальными свойствами подлежащего оценке объекта. Широта оценки объектов задается самим исследователем, который может ставить своей целью выявление коннотативных или денотативных признаков, варьируя наполнение шкал. По пяти- или семибалльным шкалам можно получить сравнительную цифровую оценку не только качества, но и интенсивности значения. Метод СД позволяет получить информацию о слабоструктурированных аспектах индивидуального сознания.

В представленных исследованиях использовались как биполярные шкалы, представляющие собой антонимы прилагательных (оценки от -3 до 3), так и униполярные шкалы (испытуемым предлагалось оценивать предложенные объекты по заданному набору качеств, шкалируя оценку от 0 до 5 (0 означает отсутствие качества, 5 – его максимальную выраженность). Протоколы шкалирования респондентов суммируются в общегрупповую матрицу данных, которая затем обрабатывается статистически методом факторного анализа. В результате статистической обработки данных выявляются критерии (категории) отношения респондентов к воспринимаемым объектам, представляющие собой смысловые интегралы вошедших в категорию (фактор) характеристик, а также значение каждого объекта по каждому выделенному критерию (фактору). Факторный анализ делает возможным всестороннее и в то же время компактное описание объекта исследования. С его помощью можно выявить скрытые переменные факторы, которые характеризуют связи корреляций между переменными. По результатам факторного анализа можно построить семантическое пространство, осями которого являются выделенные факторы.

Семантические пространства имеют различную размерность (количество независимых, некоррелирующих факторов), разное содержание выделенных факторов.

Семантическое пространство позволяет проведение семантического анализа исследуемых объектов, определение их сходства и различия по координатным точкам в пространстве.

Поскольку имена шкал зависят от исследуемого материала (шкалы составляются из набора характеристик, которые испытуемые дают вербальным текстам), а их группировка в факторные структуры происходит в соответствии с нагрузкой в конкретном случае, мы приводим перечень факторов и шкал разных серий экспериментов, а также краткое описание экспериментального материала.

Первая (I) серия экспериментов (полностью результаты описаны в [Вашунина 2007]). Экспериментальный материал представлял собой креолизованные тексты (30) на тему «Урал» и «Змея» с разными вербальными (научно-популярный текст и два художественных: проза и стихи) и иконическими (два реалистических изображения – графическое и живописное – и три нереалистических – в естественной, минорной и мажорной цветовой гамме) составляющими.

Фактор *Оценка содержания*. По этому фактору оценивалась степень лживости/ правдивости, неправильности/ правильности, ненужности/ нужности, легкомысленности/ серьезности, нелогичности/ логичности, глупости/ умности, вредности/ полезности, фантастичности/ реальности, бессодержательности/ содержательности, абстрактности/ конкретности, расплывчатости/ четкости, несправедливости/ справедливости текстов. По фактору *Оценка выражения* определялась степень бледности/ яркости, банальности/ оригинальности, невыразительности/ выразительности, безжизненности/ живости, неинтересности/ интересности, необычности/ обычности, бедности/ богатства, привлекательности / непривлекательности, вялости/ энергичности, красоты/ безобразности. Фактор *Комфортность* объединяет оценку степени тяжести/ легкости, твердости/ мягкости, темноты/ светлоты, холода/ теплоты, тревожности/ спокойствия, старости/ молодости, близости/ далькости. По фактору *Оценка* определялась степень враждебности/ дружелюбности, злости/ доброты, грубости/ нежности, отрицательности/ положительности, противности/ приятности, печальности/ радостности. Фактор *Активность* включает оценку степени тишины/ громкости, медленности/ быстроты, неподвижности/ подвижности, усталости/ бодрости, вялости/ энергичности, расслабленности/ напряженности. По фактору *Сила* оценке подлежала степень простоты/ сложности, глубины/ поверхностности, широты/ узости, густоты/ редкости, большой/ маленький размер.

Вторая (II) серия экспериментов (результаты описаны в [Вашунина 2018]). Материалом этой серии экспериментов было четыре креолизованных текста, составленных из изображений и вербальных текстов, содержащих описание используемых изображений. В качестве иконической составляющей креолизованного текста использовались супрематическая композиция К. Малевича и фотографии городской улицы, окрашенные, естественно, в цвета минорной (сине-сиреневый) и мажорной (оранжево-розовый) гаммы.

По фактору *Сила* оценивалась степень теплоты, легкости, сложности, жесткости, гармоничности и агрессивности текста. По фактору *Динамичность* – степень активности, динамичности, силы. Фактор *Оценка* объединил оценку степени романтичности, интимности, возвышенности, изысканности, искренности, живописности, изощренности. По фактору *Естественность* оценивалась натуралистичность, естественность,

понятность текста. Фактор *Символичность* представлял оценку степени образности, выразительности, символичности, художественности. По фактору *Активность* оценивалась степень открытости, быстроты, яркости, красочности, светлоты. Фактор *Обычность* объединил оценку степени примитивности, наивности, обыкновенности, спокойствия. По фактору *Комфортность* оценивалась четкость и приятность текста.

Третья (III) серия экспериментов (результаты описаны в [Вашунина 2019]). Экспериментальный материал: креолизованные тексты (8), составленные из четырех художественных прозаических вербальных текстов (светло-веселых и темно-печальных по эмоционально-смысловой доминанте) и двух фотографий улицы, окрашенных в сине-сиреневые (минорные) и оранжево-желтые (мажорные) тона.

Фактор *Оценка* объединяет оценку теплоты, светлоты, агрессивности, яркости, приятности, спокойствия. По фактору *Естественность* оценивалась степень естественности, открытости, четкости, натуралистичности, гармоничности, живописности, красочности, искренности текста. По фактору *Сила* подверглась оценке степень сложности, понятности, изощренности, жесткости, легкости, символичности. Фактор *Образность* представлял оценку степени художественности, образности, выразительности текста. По фактору *Романтичность* оценивалась степень интимности, романтичности, изысканности, возвышенности текста. Фактор *Динамичность* включает оценку степени активности, динамичности, силы. Фактор *Обычность* объединил оценку степени примитивности, наивности, обыкновенности текста.

Таким образом, исследование восприятия проводилось на материале креолизованных текстов с разными вербальными и визуальными составляющими. Вербальные составляющие варьировались по теме, стилю, эмоционально-смысловой доминанте, а визуальные составляющие – по манере исполнения, цветовой гамме. Использование различного экспериментального материала обеспечивает достоверность полученных данных.

Обсуждение результатов

Результаты проведенных исследований привели к выявлению параметров изображения, определенным образом воздействующих на восприятие креолизованного текста. В некоторых случаях воздействие определяется взаимосвязью параметров изображения и характеристик вербального текста. При описании параметров креолизованного текста указывается, на восприятие каких факторов они влияют. Поскольку в ходе трех серий экспериментов выявлены разные факторные структуры, после названия фактора дается номер серии экспериментов (I, II, III).

При анализе параметров креолизованного текста выявилось несколько планов сопоставления. Первый – это сопоставление воздействия реалистических и нереалистических изображений. Среди нереалистических были разные по манере исполнения изображения: супрематические композиции (во всех трех сериях экспериментов), символические изображения и изображения с отдельными символическими элементами (в первой серии экспериментов).

Параметр *Реалистичность изображения* в первой серии экспериментов явился наиболее универсальным параметром, который вызывал максимальную оценку КТ испытуемыми. Он оказывал влияние при оценке по факторам *Оценка Содержания/И*, *Оценка выражения/И*, *Оценка/И*, *Комфортность/И*.

Этот параметр приводит к высокой оценке креолизованного текста, имеющего в своем составе реалистическую иллюстрацию по факторам *Естественность/ II*, *Обычность/ II*, *Комфортность/ II*. При этом наиболее низко оценивается текст, имеющий своей составляющей картину К. Малевича (максимально нереалистичную).

В ходе первой серии экспериментов были получены статистические данные, свидетельствующие о том, что на женщин параметр *Реалистичность изображения* оказывает более сильное влияние, чем на мужчин (в других сериях экспериментов гендерного сопоставления не проводилось).

Параметром, противопоставленным реалистичности, является *Нетривиальность изображения*. Нетривиальность понимается как «своеобразие, специфика, специфичность; своеобразие, небанальность, неповторимость, индивидуальность, своеобразность, неординарность, самобытность, самостоятельность, своеобычие, оригинальность, нестандартность» [Александрова 2007]. На нашем материале эти качества обычно присущи нереалистическим изображениям. Мы рассматриваем «нетривиальность» как некоторую «нереальность», фантастичность, символичность иллюстрации. Параметр значим для факторов *Оценка выражения/ I*, *Комфортность/ I*, *Оценка/ I*, по которым тексты с нетривиальными иллюстрациями оцениваются высоко.

По шкалам фактора *Символичность/ II* максимально оцениваются текст с картиной К. Малевича и текст с иллюстрацией в мажорных тонах (наименее реалистичной из трех фотографий улицы). Ниже остальных оценивается текст с реалистической иллюстрацией.

Мужчины выше женщин оценивают нетривиальность изображения (по данным первой серии экспериментов, в ходе которых проводилось сравнение женских и мужских реакций).

Параметр *Реалистичность* тесно связан с параметром *Содержание изображения*. Реалистическое изображение может актуализовать качества, присущие изображенному объекту. И тогда происходит повышение или понижение оценок по шкалам в соответствии с тем, какие качества актуализованы. Например, по фактору *Активность/ II* выше остальных оценивается текст с реалистической иллюстрацией, где на изображении есть едущие по улице машины и идущие люди.

Содержание изображения может вызывать неприязнь, если изображен неприятный объект. В экспериментальный материал первой серии экспериментов были включены креолизованные тексты с описанием и изображением змеи. Было установлено, что реалистическое изображение неприятного объекта (а змея у многих вызывает неприязнь – [Белова 2001; Караулов 1996; Элфорд 1998]) понижает оценку по всем факторам, кроме факторов *Активность/ I* и *Сила/ I*. В отдельных случаях изображенный объект может вызывать неприязненное отношение, и тогда много высших оценок получает текст с одной из фантастических иллюстраций.

Реалистичность в искусстве предполагает «правдивое воспроизведение действительности в ее типических чертах» [Ожегов 2007], что касается и использования цветовой гаммы. Одним из аспектов реализации параметра *Реалистичность изображения* является параметр *Соответствие цветовой гаммы иллюстрации содержанию вербального текста и изображения*. Мы считали, что описываемые и изображаемые объекты имеют естественный цвет. При всей условности понимания этой характеристики, также с учетом того, что визуальный образ в наивной картине мира может отличаться

от фактических данных, все же можно определить цветовую гамму, соответствующую представлению об объекте. Например, можно считать, что серый/ синий/ коричневый/ зеленый цвета условно соответствуют образу змеи в наивной картине мира [Василевич 2002], а красный/ желтый/ оранжевый не соответствуют. В ходе первой серии экспериментов было выявлено положительное влияние этого параметра на оценку по всем факторам, кроме фактора *Сила/ I*.

В третьей серии экспериментов было уточнено воздействие параметра на оценку по фактору *Сила/ II*. Была выявлена определенная тенденция: использование цветовой гаммы, которая положительно коррелирует со смысловой доминантой (эмоциональным ключом) вербального текста, вызывает более высокую оценку креолизованного текста в положительной области значений и к более низкую в отрицательной области значений. Условно было определено, что мажорная цветовая гамма соответствует вербальным текстам, составленным в положительном ключе, а минорная цветовая гамма – текстам, составленным в отрицательном ключе.

Несоответствие цветовой гаммы содержанию вербального текста и изображения приводит к низким оценкам по всем факторам серии I, за исключением фактора *Оценка выражения/ I*. Наиболее значим он для фактора *Оценка содержания/ I*, по которому им объясняется около трети минимальных оценок испытуемых.

Несоответствие цветовой гаммы содержанию вербального текста и изображения по некоторым факторам может повышать оценку креолизованного текста. В ходе третьей серии экспериментов выявлена более высокая оценка по факторам *Романтичность/ III* и *Динамичность/ III* текстов, в которых цветовая гамма изображений не соответствует эмоционально-смысловой доминанте вербального текста: добавление сине-сиреневой (грустной минорной) иллюстрации к светлым по доминанте вербальным текстам приводит к более высокой оценке, чем сочетание этого же вербального текста с мажорной («веселой») иллюстрацией, а вербальные тексты с темно-печальной доминантой оцениваются выше в сочетании с мажорной иллюстрацией (чем с минорной). Можно считать, что несоответствие эмоционально-смысловой доминанты вербального текста и изображения создает некоторое напряжение, которое ощущается как динамика, и, что интересно, и как романтичность.

Второй план сопоставления – это сопоставление мажорной и минорной/ черно-белой цветовой гаммы. В его основе лежит цветовое воздействие красного / желтого/ оранжевого цветов (стимулирующее, возбуждающее, поднимающее настроение) и синего/ зеленого/ фиолетового цветов (депримирующее, успокаивающее).

Параметр *Использование при иллюстрировании мажорной цветовой гаммы* объясняет некоторое количество максимальных оценок по факторам *Активность/ I*, *Сила/ I*, *Образность/ III*. Наиболее сильное влияние этот параметр оказывает на оценку по фактору *Обычность/ III*, по которому при добавлении мажорной иллюстрации меняется знак оценки – с отрицательной на положительную. Это значит, что мажорные цвета создают сильное ощущение обыкновенности. Неоднозначное воздействие оказывает мажорная цветовая гамма при оценке по фактору *Оценка/ II*. Она повышает оценку текстов с темно-печальной смысловой доминантой и понижает оценку текстов со светло-веселой смысловой доминантой.

Использование при иллюстрировании минорной цветовой гаммы объясняет низкие оценки по шкалам факторов *Оценка выражения/ I*, *Активность/ I*, *Сила/ I*, *Оценка/ II*, *Динамичность/ II*.

Отсутствие цвета – черно-белая цветовая гамма (такой материал был только в первой серии экспериментов) является причиной минимальных оценок по всем факторам первой серии экспериментов, за исключением факторов *Оценка содержания/ I* и *Активность/ I*.

Третий план сопоставления связан с градуированием степени качества визуального признака. Само названное качество может иметь (но на нашем материале не всегда имеет) корреляцию с контрарным антонимом.

Параметр *Сложность изображения* объясняет низкие оценки по факторам *Оценка содержания/ I*, *Комфортность/ I*, *Оценка/ II*. Под сложностью мы понимаем некоторую непонятность, многокомпонентность изображения. Например, как наиболее сложный во второй серии экспериментов оценивается креолизованный текст с картиной К. Малевича.

Параметр *Контрастность изображения* имеет значение только для факторов *Сила/ I* и *Сила/ II* где высокая контрастность во многих случаях приводит к максимальной оценке креолизованного текста.

Параметр *Яркость изображения* значим только для фактора *Активность/ I*, где много максимальных оценок получают креолизованные тексты с яркими изображениями.

Выводы

Результаты проведенных в разные годы и на разном экспериментальном материале экспериментов свидетельствуют о наличии связи между параметрами креолизованного текста и его восприятием реципиентами.

Действие выявленных параметров креолизованного текста не является одноплановым и однозначным. Во многих случаях оно зависит от корреляций этих параметров с другими характеристиками креолизованного текста. Это подтверждает наличие у креолизованного текста свойства системности.

Обнаруженные параметры можно разделить на две группы: параметры, которые воздействуют в зависимости от характеристик вербального текста, и такие, которые воздействуют автономно. Вне зависимости от характеристик вербального текста действуют параметры Использование минорной цветовой гаммы, Использование черно-белой цветовой гаммы, Сложность изображения, Контрастность, Яркость. Влияние остальных параметров осуществляется в связи с разными характеристиками текста. В принципе, может быть поставлен вопрос о возможности существования независимых параметров (из-за наличия свойства эмерджентности у креолизованного текста). Возможно, привлечение к исследованию другого экспериментального материала поможет выявить связь восприятия параметров, которые на сегодняшний день мы считаем действующими автономно, от каких-либо характеристик вербального текста.

Продемонстрированная возможность выявления особенностей восприятия креолизованного текста в зависимости от характеристик его составляющих свидетельствует о том, что восприятие таких текстов подлежит прогнозированию. И это определяет актуальность дальнейших исследований в изучаемой области.

Литература

- Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М.: Дрофа, 2010. 534 с.
- Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974. 392 с.
- Белова О. В.* Славянский бестиарий: Словарь названий и символов. М.: Индрик, 2001. 318 с.
- Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Каталог названий цвета в русском языке. М.: Смысл, 2002. 99 с.
- Вашунина И. В.* Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста. Н. Новгород, 2007. 421 с.
- Вашунина И. В., Матвеев М. О., Нистратов А. А., Тарасов Е. Ф.* Влияние качеств креолизованного текста на его смысловое восприятие// Вопросы психолингвистики. 2018. № 4. С. 34–53.
- Вашунина И. В., Нистратов А. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизация текста как способ изменения его восприятия// Полилингвальность и транскультурные практики. 2019. Том 16 № 4. С. 472–484.
- Гете И. В.* К учению о цвете (хроматика) // Психология цвета. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. С. 281–349.
- Караулов Ю. Н., Сорокина Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А.* Русский ассоциативный словарь. Кн. 3. М.: Ин-т русского языка РАН, 1996. 212 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Технологии, 2007. 938 с.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Ин-т языкознания РАН, 1990. С. 180–186.
- Элфорд А. Ф.* Боги нового тысячелетия. М.: Вече, 1998. 528 с.
- Юнг Р.* Цвет и выражение внутреннего времени в западной живописи // Психология цвета. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. С. 135–180.
- Riedel I.* Farben in Religion, Gesellschaft, Kunst und Psychotherapie Stuttgart: Kreuz, 1999. 287 S.

CREOLIZED TEXT: A REVIEW OF EXPERIMENTAL STUDIES

Irina V. Vashunina

Professor of the German Language Department
All-Russian Academy of Foreign Trade
Ministry of Economic Development of the Russian Federation
Russia, 119285, Moscow, st. Pudovkina, 4a
vashunina@yandex.ru

Alexandr A. Nistratov

Researcher,
Faculty of Psychology, Moscow State University
Moscow, Mokhovaya ul.
a.nistratov@mail.ru

The article presents the results of the research on the perception of creolized texts conducted for twenty years at the Department of psycholinguistics of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, under the direction of Ye. F. Tarasov. The material under investigation is a set of creolized texts with different verbal and visual components. Verbal components vary in theme, style, emotional and semantic dominant, visual components vary in the manner of performance, the colour scheme. The research objective is to identify the parameters of the verbal and visual components of a creolized text that affect its perception. The study was conducted using the semantic differential method. As a result, we identified image parameters that affect the perception of a creolized text in a certain way. These parameters can be mapped in multiple plans. The first is the comparison of the effects of realistic and unrealistic images. The second plan is the comparison of the major and minor/ black-and-white colour scheme. It is based on the colour effects of red / yellow/ orange and blue/ green/ purple. The third plan of comparison is to compare the effects of images of different complexity, brightness, and contrast. It was established that the effect of the identified parameters is not unidirectional, in many cases it depends on the correlation with the characteristics of the verbal text, which confirms the presence of the property of consistency in a creolized text.

Keywords: creolized text, property of consistency, pilot study, semantic differential technique, factors, settings, characteristics of verbal text, realistic images, triviality of image, color range of image

References

- Aleksandrova Z.E.* Slovar' sinonimov ruskogo jazyka. Prakticheskij spravocnik [Dictionary of Russian synonyms]. M.: Drofa, 2010. 534 p. (In Russian).
- Arnheim R.* Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie [Art and Visual Perception]. Moscow: Progress, 1974. 392 p. (In Russian).
- Belova O.V.* Slavjanskij bestiarij: Slovar' nazvanij i simvolov [Slavic Bestiary]. M.: Indrik. 2001. 318 p. (In Russian).
- Vasilevich A.P., Kuznecova S.N., Mishhenko S.S.* Katalog nazvanij cveta v ruskom jazyke [Catalog of colours names in the Russian language]. M.: Smysl. 2002. 99 p. (In Russian).
- Vashunina I.V.* Vzaimodejstvie vizual'nyh i verbal'nyh sostavlyayushchih pri vospriyatii kreolizovannogo teksta [Interaction of visual and verbal components in the perception of creolized text]. Nizhnij Novgorod: NGPU. 2007. 421 p. (In Russian).
- Vashunina I.V., Matveev M.O., Tarasov E.F.* Vliyanie kachestv kreolizovannogo teksta na ego vospriyatie [Impact of creolized text on its significant perception]. Journal of Psycholinguistics, No 4, 2018. P. 34–50. (In Russian).
- Vashunina I.V., Nistratov A.A., Tarasov E.F.* Kreolizacija teksta kak sposob izmenenija ego vospriyatija [Text Creolization as the Way to Change the Text Perception]. Polylingualism and Transcultural Practices, 16, no 4, 2019. P. 472–484. (In Russian).
- Goethe I.* (2012) Uchenie o cvete. Teoriya poznaniya [Theory of Colors]. Moscow: Librokom, 2012. P. 281–349. (In Russian).
- Karaulov Ju.N., Sorokina Ju.A., Tarasov E.F., Ufimceva N.V., Cherkasova G.A.* Russkij asociativnyj slovar' [Russian associative thesaurus]. Kn. 3. M.: In-t ruskogo jazyka RAN. 1996. 212 p. (In Russian).
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju.* Tolkovyj slovar' ruskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M.: Tehnologii, 2007. 938 p. (In Russian).

Sorokin Ju.A., Tarasov E.F. Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija [Creolized texts and their communicative function]. Optimizacija rechevogo vozdejstvija. M.: In-t jazykoznanija RAN, 1990. P.180–186. (In Russian).

Jelford A.F. Bogi novogo tysjacheletija [Gods of the new Millennium]. M.: Veche. 1998. 528 p. (In Russian).

Yuig R. Psihologiya cveta [Psychology of colour] Cvet i vyrazhenie vnutrennego vremeni v zapadnoj zhivopisi. Moscow: Refl-buk, Vakler, 1996. P. 135–180. (In Russian).

Riedel I. Farben in Religion, Gesellschaft, Kunst und Psychotherapie Stuttgart: Kreuz, 1999. 287 p.

УДК 81'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-40-49

**ПИСЬМЕННЫЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ КЛИШЕ В СОСТАВЕ
КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТ ПО
ИДЕНТИФИКАЦИИ ЕДИНИЦ И ПОНИМАНИЮ СМЫСЛА**

Вдовиченко Андрей Викторович

доктор филологических наук,

Сектор теоретического языкознания

Ведущий научный сотрудник ИЯз РАН

Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1,

профессор ПСТГУ

anlvdo@mail.ru

В статье приводится описание эксперимента («Восстановление привычного облика текста»). На основании полученных данных рассматривается графический режим функционирования вербальных клише («слов») и аспекты коммуникативного смыслообразования, производимого при участии записанных вербальных данных. Автор приходит к выводам о том, что 1) графические знаки вербальных данных (*более или менее* конвенциональные) представляют собой условные (не точные и не строгие) «намекы» на фонетические комплексы, которые присутствуют в памяти «носителя языка» в виде когнитивно-фонетических единств (клише); 2) намекы (графические знаки) достигают своей цели, если в результате становится понятным когнитивное состояние автора намекы (того, кто производит семиотический поступок с вовлечением данного графического комплекса); 3) фонетическое клише, воссоздаваемое по графическому следу, является частью коммуникативного действия, которое порождается (и затем воссоздается) по комплексу параметров, среди которых само клише является одной из характеристик когнитивного состояния автора коммуникативного действия; 4) условно назначаемое значение отдельного (произвольно выделенного) вербального клише возникает вследствие понимания когнитивного состояния коммуниканта, воспользовавшегося им в актуальной ситуации семиотического воздействия; 5) вербальная форма и коммуникативное действие соотносятся как часть и целое: вербальная форма не является автономным объектом порождения (понимания) смысла, не может быть тождественно интерпретирована.

Ключевые слова: естественный вербальный процесс, эксперимент, вербальные клише, графический режим, коммуникативная модель, смыслообразование, семиотический поступок, знак, когнитивное состояние

Введение

Статья подготовлена на основе результатов небольшого пилотного эксперимента, который был проведен автором 18.10.2018 г. среди участников исследовательской группы (8 человек, научные сотрудники и аспиранты ИЯз РАН, из них мужчин четверо, женщин четверо, возраст испытуемых в диапазоне от 25 до 84 лет), работающей по проекту РФ «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели».

Цель организованного взаимодействия между экспериментатором и испытуемыми состояла в том, чтобы в итоге получить основания для выводов о *графическом режи-*

ме функционирования вербальных клише («слов») и затем зафиксировать значимые, с нашей точки зрения, аспекты коммуникативного смыслообразования, производимого при участии вербальных данных.

Организованное между коллегами взаимодействие по замыслу автора создает такие условия для семиотической деятельности, которые в совокупности позволяют акцентировать *естественные свойства* вербальных данных в естественных коммуникативных практиках.

Испытуемым был представлен текст анекдота с просьбой записать его в привычной для них манере, то есть по известным им и принятым в настоящий момент в русскоязычном культурном пространстве *Правилам русской орфографии и пунктуации* 1956-го года:

Anigidot

– Слушaj Вась ты zaftra smozhich nasarivnavanijah offisnyh работnikaf rabizhatь atnashej kamанды?

– Dumaju da.

– Tagda vybiraј: sprinteram nakarotkuju distantsiju ili stajeram nadlinnuju?

– Davaj sprinteram. A tajer эта што?

Испытуемые справились с поставленной перед ними задачей. Заметная вариативность интерпретаций высказывания (и, соответственно, различий в его записи) обнаружилась только в отношении последней реплики ([– Davaj sprinteram. A tajer эта што?]).

Чтобы объяснить *единообразие* записи большинства слов (фонетических клише) анекдота и, наоборот, *вариативность* в записи последней реплики, необходимо привести наблюдения и представить объяснения, которые и составляют цель проводимого эксперимента.

1. Прежде всего, нужно констатировать (см. тж. [Вдовиченко, Тарасов 2017], [Вдовиченко 2016] и др.), что понимать или не понимать, считать смешным или серьезным, истинным или ложным, ироничным или саркастическим и пр. можно не само словесное высказывание, а только личное когнитивное состояние, которое устанавливается (воссоздается) интерпретатором в интерпретируемом семиотическом действии. Только оно является единственным источником какого-то смысла. Так, в приведенном анекдоте смешным является «когнитивное состояние Васи» (см. ниже), изображая которое рассказчик анекдота достигает комического эффекта (соответствующего воздействия на слушателя/читателя).

Чтобы «пробиться» к какому-то эффекту (смыслу анекдота) через искусственно созданные в эксперименте препятствия («неконвенциональный способ записи текста»), испытуемым нужно было, прежде всего, преодолеть недоверие к такому способу записи вербальных клише.

Здесь стоит заметить, что нет никаких причин приписывать особый онтологический статус ныне принятым Правилам русской орфографии (1956 г.). Достаточно иметь в виду, что в устном обыденном режиме пользования вербальными клише у любого аутентичного коммуниканта *полностью отсутствует* представление о графическом облике того, что он произносит. Кроме того, актуальные коммуниканты в различных

режимах письменной коммуникации ведут себя вариативно, в зависимости от собственных целей, обстоятельств, принятых условностей, данного момента коммуникации и т.д. (ср., например, непринужденное Интернет-общение, лишенное строгих орфографических правил, а также примеры [см. Вдовиченко 2016]; или на более радикальный и оттого более показательный случай перехода с кириллицы на латиницу в современном Казахстане (2017-2025), или фонетическое белорусское письмо, в котором общерусские лексемы имеют несколько непривычный для пишущих по-русски, но столь же нормативный вид «Масква», «тэкст», «голос», и пр.).

Независимость от Правил русской орфографии 1956 г. продемонстрировали и сами испытуемые. Оказалось, что им фактически все понятно и без них: например, чтобы распознать «странную запись» и затем воссоздать традиционную графическую форму [slúʂaj] (международная транскрипция), им было достаточно как нормативного графического комплекса «слушай», так и видоизмененного представленного в «Анигдоте» «слушaj».

При этом для целей эксперимента исключительную важность представлял вопрос, *откуда* у испытуемых возникало понимание того, *что* изображено графически. Иными словами, почему [слушaj] было всеми безошибочно «транспонировано» в [слушай], а не, скажем, в [случай], или [слухай] или [цлишай], или [слухадж]? Или, например, почему неконвенциональное [smozhich] было безошибочно записано как [сможешь], а не как [смозхич] или [сможихс]? И т.д.

В соответствии с условиями эксперимента, нельзя ответить на этот вопрос таким образом, что испытуемые механически подставляли буквы и получали «правильные» слова: в предложенной игре без четких правил строгие корреляции между графемами Анекдота и русскими буквами отсутствовали. Так, невозможно, указать, какой русской букве соответствует «анекдотная» буква [c], [a], [i], [g], [p], [f] и пр.

По этой причине нельзя признать достоверной и такую картину: испытуемые, записав слова и пользуясь полученным графическим обликом слов, узнавали написанные слова и потом записывали их «правильно». Поскольку четких корреляций между «анекдотной» и «правильной» орфографиями установить невозможно и никто до этого не приводил эти корреляции в виде списка, то и получить какое-то определенное слово путем механической подстановки (чтобы сразу «узнать» то, что получилось) было нельзя: ср. на месте [слушaj] возможны варианты [слухай], или [цлишай], или [слухадж]. Испытуемые не занимались подбором вариантов, а сразу изображали правильный.

Нельзя, наконец, сослаться и на какой-то уже озвученный вариант текста как на причину узнавания и затем «правильного» изображения слов, поскольку, до появления «анекдотного» текста в графическом представлении перед каждым испытуемым, никто этот текст («слова текста») для испытуемых не озвучивал.

Единственным непротиворечивым ответом на вопрос, как и вследствие чего испытуемые воспроизводили «правильные» записи, представляется следующий: в сознании аутентичного коммуниканта, владеющего «родным языком» (то есть в сознании каждого испытуемого), присутствуют уже готовые фонетические клише, которые вызываются из памяти посредством условных графических стимулов.

Эти первоосновные фонетические клишированные элементы говорения могут изображаться любыми способами, в том числе по Правилам русской орфографии 1956 г. или каким-то иным условным способом.

При условии присутствия в сознании фонетических клише роль любого графического образа слова состоит лишь в том, чтобы сделать намек на этот существующий заранее (с детства, из опыта обучения, из только что воспринятой ситуации, из микро- и макро-контекста и конситуации, и пр.) когнитивно-фонетический элемент коммуникативного действия. Если графический намек попадает в уже имеющийся в сознании адресата «список», то индивидуальное сознание «выдает» соответствующее клише: так, среди того, что было в сознании испытуемых заранее, намек мог быть сделан на [слушай], а не на отсутствующие в сознании испытуемых [слушай], или [цлишай], или [слушадж]. Поэтому сознание испытуемых выдало вариант [слушай], хотя он и не следовал прямо из графического представления.

Естественно, что графический намек на клише (если он вообще кому-то понадобился – ведь часто коммуникант вообще ничего не пишет, а «просто говорит без каких-либо букв») может быть сделан любым графическим способом, лишь бы семиотическая акциональная цель коммуниканта, осознаваемая в наличествующих условиях и конвенциях, была достигнута: так, сам экспериментатор, давая текст «Анигдота», для делания намеков на фонетические клише воспользовался только латиницей и кириллицей, поскольку знал, что греческий алфавит или квадратное еврейское письмо не исполняют своей миссии «намекания» для данной аудитории испытуемых (хотя для другой аудитории намекание посредством греческих или еврейских графем, доступных экспериментатору, могло бы быть эффективным).

Заметим, что не только в нашем эксперименте, но и при традиционном привычном способе письма (Правила орфографии 1956 г.) *строгие корреляции между фонетическими элементами слова и его графическим обликом отсутствуют* (так, попытки соблюдать корреляции между звуками и буквами при написании предыдущей фразы дали бы следующий результат: [строгии карил'ации м'эжду фанытичскими илим'ентами слова и йиво графическим обликам тагжэ атсуцтвуйут]). Иными словами, те, кто читают «обычные правильные тексты» (по нормам русской орфографии 1956 г.), занимаются той же «работой» по сопряжению условного графического знака и уже известного (не строго коррелирующего со знаком) фонетического клише, что и те, кто расшифровывал «неконвенциональную запись» анекдота.

2. На фоне основного массива текста анекдота, который испытуемые воссоздали в привычной графической форме единообразно и без заметных усилий, среди распознанных реплик зафиксирована одна, которая спровоцировала у испытуемых неточные и/или ошибочные восстановления. Речь идет о двух предложениях, произнесенных Васей в финале диалога («Давай [спринтером]. А тайер – это что?»), которые были записаны испытуемыми следующим образом:

1. Давай спринтером. А тайер это что?
2. Давай спринтером. А стайер это что?
3. Давай спринтером. А (с)тайер это что?

В структуре анекдота эти высказывания, составляющие последнюю реплику Васи, занимают особое положение, поскольку именно они делают данный текст анекдотом, маркируя собой точку комического эффекта (всегда локализованную в конце приводимой последовательности коммуникативных действий рассказчика анекдота).

Комический эффект, как уже было сказано, провоцируется неожиданным осознанием когнитивного состояния Васи, понимание которого у слушателя (читателя) анек-

дота возникает благодаря двум коммуникативным действиям, соответствующим двум последним предложениям. Анекдот становится анекдотом тогда, когда выясняется (в двух последних фразах), что Вася «на соревновании офисных работников» собирается бежать на короткую дистанцию «с принтером» (сдавленным крепкой рукой офисного работника и прижатым, вероятно, к подмышке – так удобнее бежать).

Если рассматривать последнюю фразу анекдота («А тайер – это что?») вне когнитивного состояния Васи, то есть пытаться интерпретировать ее автономно, саму по себе, вне коммуникативного контекста, – нужно признать, что она не может быть понятной – смешной, ироничной, угрожающей, умной, точной и т.д. Зато в естественных условиях коммуникации, то есть в акциональном смыслообразующем режиме (в составе коммуникативного действия), произведенные с участием данных слов семиотические поступки («Давай [спринтером]. А тайер это что?») провоцируют комический эффект, заставляют смеяться, поскольку *обнаруживают то, что, в отличие от слов, может быть понято и оценено* – личное (в данном случае Васино) когнитивное состояние, обнаруженное в (семиотическом) действии. Иначе говоря, смысл происходящего (что часто ошибочно называют «сказанным») возникает из понимания коммуниканта (Васи), а не из понимания слов: так, «несуществующее слово» [тайер] не может быть понято в автономном режиме, но именно оно «понимается» и создает комический эффект, когда интерпретируется в составе семиотического действия, производимого Васей.

Чтобы неожиданно осознать «строй мыслей» Васи (и рассмеяться, признав нелепость этого «строя»), интерпретатор анекдота, в том числе, испытуемые, должны были пройти несколько условных стадий: 1) осознать диспозицию говорящих на момент произнесения Васей двух последних предложений, то есть понять содержание просьбы одного «офисного работника» другому, с объяснением выбора, который должен сделать Вася («спринтером или стайером?»); 2) понять ответ Васи, означающий согласие на одну из представленных возможностей («Давай [спринтером]»); и, наконец, 3) с удивлением обнаружить то, на *что* в действительности соглашается Вася и *как* понимает свое участие в предстоящих соревнованиях: все это становится понятным из задаваемого им вопроса («А тайер – это что?»), который выдает в нем человека, не знающего слов «спринтер» и «стайер» (несмотря на спортивные наклонности) и собирающегося бежать короткую дистанцию «с принтером» в руках (что и становится смешным).

Именно в этом месте анекдота наблюдается вариативность и неточность воссозданного испытуемыми «правильного» текста (варианты см. выше).

Причину этого можно, по-видимому, обнаружить в том, что в данный момент коммуникативного взаимодействия («Вася ↔ его коллега», «рассказчик анекдота ↔ слушатель/читатель») ситуация, интерпретируемая испытуемыми, ощутимо усложняется. Но ее параметры, доступные испытуемым по искаженному тексту, не обеспечивают полноты, достаточной для успешного понимания, а, наоборот, вводят в заблуждение.

Дело в том, что данный анекдот, чтобы стать забавной историей, должен существовать в *устном* (а не письменном) режиме, в котором «с принтером» и «спринтером» звучат совершенно единообразно.

В устном режиме рассказчик анекдота, передавая Васиные слова, до финального «момента смеха», то есть вплоть до самого последнего предложения, *имеет возможность сохранять интригу* – не выдавать когнитивного состояния Васи, который со-

глашается бежать [sprɪntɐɾɫm], как будто сделал выбор в пользу одного из предложенных ему ранее вариантов [«sprɪntɐɾam ili stajɐɾam»]. В устном режиме комический эффект строится на том, что фокус сознания адресата (слушателя анекдота) принуждается неожиданно вернуться к только что сказанному Васей слову [sprɪntɐɾɫm] и переосмыслить действие Васи: тот, оказывается, имел в виду совершенно другое, – не «спринтером», а «с принтером».

Наоборот, в письменном режиме такая резкая смена понимания (движение назад и вспять) становится невозможной. Уже в предпоследнем предложении «записыватель» анекдота вынужден раскрыть все карты, обнаружить Васину мысль – изобразить фонетический комплекс [sprɪntɐɾɫm] как «с принтером». Или записать вовсе не то, что Вася на самом деле имеет в виду («спринтером», – и тогда становится полностью непонятной последняя фраза, и вообще смысл действий рассказчика анекдота).

Иными словами, данный анекдот нельзя правильно (смешно и с соблюдением интриги) записать по *Правилам русской орфографии* 1956 г. Графическая форма и соответствующие орфографические правила с неизбежностью либо заставляют испытуемого *нарушать саму последовательность* коммуникативных действий, которая необходима для комического эффекта («Давай с принтером. А тайер – это что?»): в первом графически представленном предложении *уже обнаруживается мысль* Васи, а для комического эффекта нужно, чтобы она обнаруживалась только во втором предложении; либо *заставляют испытуемого изобразить* на письме *то, что Вася*, по замыслу рассказчика анекдота, *вообще не имел в виду, поскольку не знал слова «спринтер»* («Давай спринтером»).

Заметим, что этот анекдот, скорее, следовало бы записать с использованием знаков фонетической транскрипции, которые, впрочем, не регламентируются и не предполагаются Правилами 1956 г.: «Давай [sprɪntɐɾɫm]. А тайер – это что?».

Поскольку испытуемые исполняли условия задания, они вынуждены были идти на поводу у письменных правил, поддаваясь их неспособности передать в полноте устный (смешной и сохраняющий интригу) режим рассказывания данного анекдота. Письменный режим заранее помещал их в определенное русло, выбраться из которого можно было только путем нарушения правил русской орфографии («Давай [sprɪntɐɾɫm]»). Но это не входило в условия эксперимента, и анекдот, таким образом, получил упрощенную трактовку, или даже вовсе перестал быть анекдотом: Вася, в записях испытуемых, собирается бежать дистанцию в качестве «спринтера» (все испытуемые не усомнились в слитном написании «с» и «принтера»), сделав из Васи человека, согласившегося на один из предложенных ему вариантов – бежать «спринтером» или «стайером»), который, в крайнем случае, просто не знает, что такое «стайер».

Как видно, размышления испытуемых при записи анекдота представляют собой сложную многофакторную процедуру. Дело не обстоит так, что графический намек (например, [sprɪntɐɾam]) автоматизировано извлекает из сознания «носителя» какое-то правильное известное ему клише (которое он потом может записать в иной кодировке, в том числе по *Правилам орфографии* 1956 г.).

Так, нельзя рассчитывать, что правильное клише явится из сознания коммуниканта в результате, скажем, такого автономного графического знака-намёка: [с.]. Этот «знак» может быть едва ли не чем угодно в автономном режиме: например, [с.] может быть сокращением в словаре, где в словарных статьях экономят место, и поэтому на месте «эс с точкой» может воссоздаваться актуальная для данной статьи вокабула на

«с» – [смайлик], [словарь], [суржик], [сом], да еще и в определенном «падеже», и пр.; чтобы понять, на что именно намекает [с.] (то есть *что* воссоздавать в тексте, где присутствует такой знак), необходимо, как и во всех остальных случаях графических намеков, воссоздать комплексное (всегда многофакторное и многоканальное) коммуникативное действие (в данном случае – оказаться фокусом своего внимания вместе с автором в данной статье словаря) и понять его, автора, намерения в данном конкретном случае. Иначе говоря, нужно мыслить объемную ситуацию семиотического воздействия, чтобы понимать расставленные в ней фишки-намеки (как для [с.], так и для [«sprinteram»]).

Иными словами, сам вопрос, на *что* намекает графический комплекс [sprinteram], не имеет перспективы ответа без рассмотрения совершаемого коммуникативного действия и, соответственно, личного когнитивного состояния – единственной твердой опоры при добывании «смысла слова». Так, герой анекдота Вася записал бы «фонетический намек» [sprɪntɛrɒlm] как [«с принтером»]. Испытуемые, напротив, изобразили «графический намек» [sprinteram] иначе – [спринтером], воссоздавая иное коммуникативное действие, несмотря на единую для Васи и для испытуемых фонетическую форму.

Процедуру воссоздания коммуникативного поступка (а не механистичную запись слов) испытуемые демонстрировали и в других случаях.

Так, большинство (четверо из семерых) испытуемых, транспонируя последнюю фразу ([А тайер эта што?]), *решили игнорировать строгость предметного знака* и изменить (восполнить) состав фонетического комплекса для получения какого-то воссоздаваемого ими (понятого им) семиотического воздействия: [тайер] был передан как [стайер], несмотря на отсутствие указателя на звук [с] в неконвенциональном тексте ([тайер]).

Причины появления такого варианта («стайер») – не вызванного ничем, кроме *поисков испытуемыми коммуникативного смысла*, даже вопреки имеющемуся набору намекающих неконвенциональных знаков – могли быть разные, включая истолкование этого места как опечатку, или как подвох со стороны экспериментатора. Когда аутентичная семиотическая ситуация (или коммуникативное действие рассказчика анекдота) оказалась не установленной, со стороны испытуемых потребовалось доведение ситуации до *какого-то* представимого коммуникативного смысла.

Однако только при невосполненном первоначальном варианте ([тайер]) создается искомый рассказчиком анекдота комический эффект: именно после Васиного вопроса про «тайер» становится ясным его «умонастроение», которое прежде он ничем не выдавал, всерьез собираясь бежать за команду с принтером под мышкой. Когнитивное состояние Васи, распознаваемое по совершенному коммуникативному действию, уже можно оценивать и, скажем, смеяться над его нелепостью (когда оно стало ясным). Именно к этому стремился рассказчик анекдота (автор), деятельность которого нужно было воссоздать испытуемым с использованием графических «намеков»: в их задачу входило записать анекдот.

Как видно из анекдота, даже «знак» [тайер], отсутствующий в словаре, приобретает в коммуникации смысл, если параметры семиотического действия воссоздаются правильно и не вводятся такие, которые не аутентичны для данного действия. Приобретение смысла фонетическим комплексом [тайер] происходит только в составе аутентичной коммуникативной синтагмы, которая понимается (может быть понята)

участником или наблюдателем. В противном случае (вне коммуникативной синтагмы) данные «языка» или «словарей» не дают для [тайер] никакого «значения». Однако заданный именно о «тайер»'е вопрос обнаруживает смешное когнитивное состояние Васи, «работая» – несмотря на отсутствие в словаре – в естественной коммуникации. Заметим, что то же самое происходит с любыми – существующими и несуществующими в словаре – единицами, если они становятся элементами актуального коммуникативного действия.

Несмотря на это, вместо аутентичной семиотической ситуации, четверо испытуемых воссоздали немотивированную «испорченной записью» форму [стайер] – реконструируя, таким образом, упрощенный коммуникативный смысл происходящего (о возможных причинах см. выше).

Такое же восполнение присутствует у четырех испытуемых и в случае [rabizhatʲ] (неправильно воссозданный вариант – [пробежать]), но там даже при неправильном восстановлении графической формы аутентичное коммуникативное действие полностью сохраняется.

Те испытуемые, которые выдали вариант «Давай спринтером. А тайер это что?», признались, что не поняли смысл анекдота (коммуникативных действий рассказчика и персонажей), и действовали механистично, воссоздавая известные фонетические клише (кроме «тайер»), но не целостный (анекдотичный) смысл происходящего. В одном из этих случаев стало доподлинно ясно, что фонетическое клише «стайер» было неизвестно испытуемому, и в этом была причина непонимания семиотических поступков Васи и рассказчика.

Выводы

1. Графические знаки вербальных данных (более или менее распространенные, напр., [слушай] или [clyshaj]) представляют собой условные намеки на фонетические комплексы, которые присутствуют в памяти «носителя языка» в виде когнитивно-фонетических единств (клише).

2. Намеки (графические знаки) достигают своей цели, если становится понятным когнитивное состояние автора намека (того, кто пишет данный графический комплекс), что совпадает с целью автора записанного текста (ср. восстановление [sprinteram] испытуемыми).

3. Фонетическое клише, воссоздаваемое по графическому следу, является частью коммуникативного действия, которое порождается (и затем воссоздается) по комплексу параметров, среди которых само клише является одной из характеристик когнитивного состояния автора коммуникативного действия (ср. восстановление [sprinteram] испытуемыми).

4. Условное значение отдельного (произвольно выделенного) вербального клише возникает вследствие понимания когнитивного состояния коммуниканта, воспользовавшегося им в актуальной ситуации семиотического воздействия (ср. восстановление [sprinteram] испытуемыми).

5. Вербальная форма и коммуникативное действие соотносятся как часть и целое: вербальная форма не является автономным объектом порождения (понимания) смысла, не может быть интерпретирована (ср. восстановление [sprinteram] испытуемыми).

Приложение (исходный текст, данный испытуемым в эксперименте в измененном виде):

Анекдот

- Слушай, Вася, ты завтра сможешь на соревнованиях офисных работников победить от нашей команды?
- Думаю, да.
- Тогда выбирай: спринтером на короткую дистанцию, или стайером на длинную?
- Давай [спринтером]. А тайер – это что?

Литература

Вдовиченко А. В. О несамостоятельности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии. 2016. №6. С. 164–175.

Вдовиченко А. В., Тарасов Е. Ф. Вербальные данные в составе коммуникативного действия: язык, текст, автор, интерпретатор // Вопросы психолингвистики. 2017. Вып. 4 (34). С. 22–39.

Вдовиченко А. В. Вербальный процесс в зеркале чтения и письма // Вестник ПСТГУ. Серия III: «Филология». 2017. № 3 (52). С. 62–75.

Вдовиченко А. В. (1) Акциональное смыслообразование: что порождается и понимается в естественном коммуникативном процессе // Вопросы психолингвистики. 2018. Вып. 3 (37). С. 112–125.

Вдовиченко А. В. (2) С возвращением, автор, но где же твой текст и язык? О вербальных данных в статике и динамике. Часть I // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 156–167; Часть II // Вопросы философии. № 7. С. 57–69.

**WRITTEN VERBAL CLICHÉS AS POSED IN COMMUNICATIVE ACTION:
EXPERIMENT ON IDENTIFYING UNITS AND UNDERSTANDING SENSE
(MEANING)**

Andrey V. Vdovichenko

Doctor of Philology, Leading Researcher

Department of Theoretical Linguistics

Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

1, building 1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, 125009 Russia

Professor at Department of Philology

Orthodox St Tikhon University for Humanities

anlvdo@mail.ru

The article provides a description of the experiment (“Restoring the ordinary appearance of the text”). Based on the obtained data, the graphical mode of functioning of verbal clichés (“words”) and aspects of communicative sense-making, produced with the participation of written verbal data, are considered. The author comes to the conclusion that 1) graphic signs of verbal data (more or less common) are conditional (not accurate and not strict) hints of

phonetic complexes that are present in the memory of the “speaker” in the form of cognitive-phonetic unity (cliché); 2) hints (graphic signs) achieve their goal, if the result makes clear the cognitive state of the author of the hint (the one who performs the semiotic act with the involvement of a given graphic complex); 3) the phonetic cliché, recreated according to the graphic trace, is part of the communicative action, which is generated (and then recreated) by a set of parameters, among which the cliché itself is one of the characteristics of the cognitive state of the author of the communicative action; 4) the conditionally assigned value of a separate (arbitrarily distinguished) verbal cliché arises from the understanding of the cognitive state of the communicant, who used it in the current situation of semiotic impact; 5) verbal form and communicative action correlate as a part and the whole: the verbal form is not an autonomous object of sense-formation (understanding), cannot be identically interpreted.

Keywords: natural verbal process, experiment, verbal clichés, graphic mode, communicative model, sense formation, semiotic act, sign, cognitive state

References

Vdovichenko A. V. O nesamotozhdestvennosti yazykovogo znaka. Prichiny i sledstviya «lingvisticheskogo imyaslaviya» [Non-self-identity of a Linguistic Sign. Causes and Effects of the “Linguistic Onomatodoxy”] // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2016. Vyp. 6. P. 164–175. (In Russian).

Vdovichenko A. V., Tarasov E. F. Verbal'nye dannye v sostave kommunikativnogo dejstviya: yazyk, tekst, avtor, interpretator [Verbal data as a part of communicative action: language, text, author, interpreter] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2017. Vyp. 4 (34). P. 22–39. (In Russian).

Vdovichenko A. V. Verbal'nyj process v zerkale chteniya i pis'ma [Verbal process as reflected in the process of reading and writing] // *Vestnik PSTGU. Seriya III: «Filologiya»* [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology]. 2017. Vyp. 3 (52). SP 62–75. (In Russian).

Vdovichenko A. V. (1) Akcional'noe smysloobrazovanie: chto porozhdaetsya i ponimaetsya estestvennom kommunikativnom processe [Actional sense-generating process: what is produced and understood in natural communicative process] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2018. Vyp. 3 (37). P. 112–125. (In Russian).

Vdovichenko A. V. (2) S vozvrashcheniem, avtor, no gde zhe tvoj tekst i yazyk? O verbal'nyh dannyh v statike i dinamike [Nice to see you again, author, but where is your text and language? To verbal data in statics and dynamics]. Part I // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2018. № 6. P. 156–167; Part II // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2018. № 7. P. 57–69. (In Russian).

УДК 81'33 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-50-60

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ ОБРАТНЫХ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ¹

Дебрэнн Мишель

доктор филологических наук,
профессор Новосибирского национального государственного университета,
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова 2,
micheledebrenne@gmail.com

Первые попытки сопоставления данных по двум ассоциативным словарям французского языка показали, что составление обратных словарей требует существенного улучшения. В статье представлены аргументы в пользу соответствующей обработки экспериментального материала и методика ее проведения.

Ключевые слова: обратный ассоциативный словарь, лемматизация, французский язык, психолингвистический эксперимент, ядро языкового сознания, супер-коннектор

1. Введение

Отправной точки настоящего исследования было желание на фоне создания нового варианта французского ассоциативного словаря [Дебрэнн 2018] проверить высказанную в 2000 г. точку зрения Н. В. Уфимцевой о том, что «любой, достаточно большой список слов-стимулов приводит к одному и тому же для каждой данной культуры ядру языкового сознания, т.е. к центральным для данного образа мира понятиям в их соотношении друг с другом, т.е. в их системности. Можно предположить, что системность и состав ядра языкового сознания как раз и отражают системность и наполнение существующих в коллективном бессознательном этнических констант» [Уфимцева 2000, с. 217-219].

Однако, первые результаты предварительного сопоставления двух ассоциативных словарей – Французского ассоциативного словаря [2010, далее ФАС-1] и нового, создаваемого с 2019 года [Дебрэнн 2018, далее ФАС-2] – показали, что за прошедшие 10 лет состав ядра языкового сознания носителей французского языка изменился на 43%, и ранг тех реакций, которые фигурируют с обоих списках, не совпадает [Быкова 2020]. Полученные результаты нас удивили и натолкнули на дальнейшие исследования.

Термин «ядро языкового сознания» появился вместе с термином «языковое сознание» в 90-е годы прошлого века благодаря Е. Ф. Тарасову, который подчеркнул, что очень важно различать языковое, метаязыковое и неязыковое сознание. Для Е. Ф. Тарасова языковое сознание (далее ЯС) – это «образы сознания, овнешняемые языковыми знаками» [Тарасов 1988]. ЯС является всегда культурно обусловленным и отражает особенности носителей разных культур. В свою очередь термину «ядро языкового сознания» (далее ЯЯС) предшествовал термин «ядро внутреннего лексикона» А. А. Залевской, которая считала, что «ядро лексикона является одним из оснований для многократного пересечения ассоциативных полей разных слов» [Залевская 1981]. Таким образом ЯЯС – совокупность слов, имеющих наибольшее число связей с другими словами ассоциативно-вербальной сети, выявленной с помощью ассоциативного эксперимента у носителей определенной лингвокультуры.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ-НЦНИ-а № 19-512-15001 «Исследование ассоциативных норм французского языка в динамике»

Исследования показали, что наибольшее количество связей имеют слова, которые представляют особое значение для личности испытуемого. Как известно, к ЯЯС относят первые (обычно их выделяют в количестве 75) реакции обратного ассоциативного словаря, ранжированные по количеству стимулов, вызвавших их. Напомним, что после проведения психолингвистического эксперимента создаются два словаря, прямой и обратный: в прямом ассоциативном словаре каждая словарная статья объединяет все слова-реакции на данный стимул в порядке убывания частотности. Если у нескольких реакций одинаковая частотность, они располагаются в алфавитном порядке. В обратном ассоциативном словаре в алфавитном порядке приведены реакция и стимулы, вызвавшие ее.

Так повелось, что в российской психолингвистике больше внимание традиционно уделяется прямым словарям и анализу полученных ассоциативных полей. За годы существования ассоциативных словарей в России сформировалось несколько методологий анализа полученного материала, полученного в ходе ассоциативных психолингвистических экспериментов (см., например, работы воронежской школы под руководством И.А. Стернина [Стернин 2011; Рудакова 2014; Виноградова, Стернин 2016]).

Мы же считаем, что информация, содержащаяся в обратных словарях, наиболее ценна для моделирования лексики той или иной лингвокультуры. Лексемы, имеющие наибольшее количество связей (стимулов, вызвавших их в качестве реакций) являются вершинами этой сети, благодаря которой лексика выступает как «маленький мир» (small world theory). Возможно, меньший интерес к обратным словарям объясняется тем, что их составление, на наш взгляд, было до конца не продумано. Дело в том, что способ автоматической сборки обратного словаря, когда словарным словом служит реакция в том виде, в котором она была дана в ходе эксперимента, приводит к дроблению статьей, см., например, рис. №1.

в гипсе ← нога
в глава ← посмотреть
в глаз ← дать 8; получить 7; давать, карандаш, пасть 1; 18+5
в глаза¹ ← смотреть 16; посмотреть 11; глаза 5; взгляд 3; плыть 2; ветер, говорить, молчать, правда, смеяться, стыд 1; 43+11
в глазах ← огонь 5; ужас 4; расти, страх, упасть, ярость 2; задолженность, зло, злоба, коридор, милосердие, небо, отчуждение, правда, свет, сожаление 1; 27+16
в глазу ← волос
в глубине ← смысл
в глубину ← взгляд

Рис. 1. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус, 2019. Фрагмент обратного словаря.

В настоящей работе представлены предложения о том, как избавиться от этих недостатков и создать обратный ассоциативный словарь, позволяющий выявить сетевую структуру лексики французской лингвокультуры.

2. Сопоставительные исследования ассоциативных словарей

Результаты ассоциативных экспериментов часто используются в сопоставительных работах, например, в концептологических исследованиях, для того, чтобы анализировать психолингвистическое значение лексем-представителей тех или иных концептов [см., например, Пименова 2007], или в социолингвистических исследованиях [Дебрэнн, Фомель 2019]. Подчеркнем, что в разноязычном контексте остро встает вопрос об адекватности перевода реакций для сопоставления содержания ассоциативных полей. Однако сопоставление может иметь место в диастратическом плане при исследовании ассоциативных норм носителей одного и того же языка, живущих в разных странах, или в диахроническом плане, когда анализируются результаты ассоциативных экспериментов, проведенные с некоторым временным интервалом.

2.1. Диастратический анализ

Работа над «Словарем ассоциативных норм франкофонии» [Debrenne 2018] показала некоторые ограничения принятого принципа составления ассоциативных словарей. Как известно, практика разработки ассоциативных словарей состоит в том, чтобы оставлять реакции в той форме, в которой они были даны респондентами, различая падеж, род, число существительных и прилагательных, спрягаемые формы глаголов. На наш взгляд, данная практика пригодна для языков без артиклей, таких как русский, но не подходит для артиклевых языков вроде французского, как видно из следующего примера: на стимул *prendre* 'брать' респонденты из всех исследуемых зон франкофонии дали среди прочих большое количество реакций со значением «рука»: *En main* 'в руки' 5, *la main* 'рука' 15, *la main dans le sac* '<поймать> за руку' 1, *la pâte à la main* 'рука в тесте' 1, *main* 'рука' 87, *main crochue* 'руки-крюки' 1, *mains* 'руки' 1, *par la main* 'за руку' 16, *prendre en main* 'взять в руки' 1, *ta main* 'твоя рука' 1, *tenir dans sa main* 'держат в руке' 1, *prendre un enfant par la main* 'брать ребенка за руку' [цитата из песни Ива Дютейя]. Цифрами обозначена суммарная частотность этой реакции по всему корпусу (Франция+Бельгия+Швейцария+Канада), всего на данный стимул ответили 1689 человек). Помимо нескольких устойчивых выражений, реакция *main* представлена в различных синтагмах с артиклем, другим детерминантом, предлогом или без, в единственном или множественном числе. Подобное разнообразие повторяется в различных пропорциях и для других стимулов. На наш взгляд, подобное явление не мешает анализу ассоциативных полей: исследователь самостоятельно объединяет полученные реакции независимо от того, сопровождаются ли они детерминантами и/или предлогами. Сохранение артиклей и прочих детерминантов позволяет анализировать синтагматические и парадигматические аспекты ассоциативных связей, что имеет большое значение.

Однако совсем иное дело – обратный словарь. Из-за особенностей аналитических языков, таких как французский, реакции *à la main*, *la main*, *main* и *une main* окажутся в разных «концах» словаря. Более того, итоговые цифры частотности данной реакции и количества стимулов, вызвавших ее, окажутся искаженными. Именно поэтому было принято решение создавать два варианта словаря ассоциативных норм франкофонии.

В первом словаре реакции прошли лишь минимальную орфографическую проверку, чтобы избавиться от откровенных опечаток, в том числе неоправданного использования или, наоборот, отсутствия заглавных букв). Во втором, условно названном «нормированном» словаре, была предложена следующая обработка материала: сохранение наиболее частотной словоформы (ед. или мн. числа) существительных, формы мужского рода ед. числа для прилагательных, инфинитива для глаголов. Оба варианта словаря выложены на сайт проекта «Dictaverf» [<http://dictaverf.nsu.ru/>]

2.2. Диахронный анализ

Как показали первые работы², сопоставление результатов второго психолингвистического эксперимента (для создания ФАС-2) с данными из первого словаря [ФАС-1, 2010] оказалось затрудненным из-за существенной разницы между двумя словарями. То, что ФАС-1 и ФАС-2 отличаются друг от друга – естественно, поскольку проект ФАС-2 как раз и задумывался для преодоления недостатков первого словаря. Напомним эти особенности и то, как было предложено их преодолеть в ФАС-2.

Таблица №1

Обнаруженные недостатки ФАС-1 и их преодоление

	Особенности ФАС-1	Решение в ФАС-2
1	в каждой индивидуальной анкете по 100 стимулов	в каждой индивидуальной анкете по 25 стимулов, с возможностью повторять тест 4 раза без заполнения анкетной части
2	в список стимулов введены 100 дополнительных слов для исследования языковой картины мира носителей французского языка в Африке	этих слов в новом списке нет
3	определение частотности стимулов на основе «сайта министерства образования»	определение частотности стимулов по данным словаря Лонсдейла 2009
4	в список стимулов включены полнозначные существительные, прилагательные, глаголы, наречия.	В список стимулов включены существительные, прилагательные, глаголы. Частотные наречия, как <i>bien</i> (хорошо, добро), <i>mal</i> , (плохо, зло), <i>rien</i> (ничего, мелочь) попадают в список стимулов благодаря их омонимии с существительными

² Студенческие работы, проведенные в 2019 и 2020 гг. Е. Бордюг о собственных именах, О. Быковой об составе ядра языкового сознания и И. Дубовицким о прецедентных текстах.

5	попытка устранить омонимию и полисемию стимулов за счет употребления артиклей перед некоторыми существительными (<i>droit/ le droit/ la droite; devoir/le devoir</i>)	омонимию и полисемию стимулов не устранять (фигурируют только <i>droit, devoir</i>)
6	полученные реакции сохранены в той словоформе, в которой они были даны респондентом, после минимальной орфографической обработки (с артиклем, предлогом и т.д.)	произведена лемматизация полученных реакций, пока вручную, со временем – автоматически.

Примечания:

Пп.1: Количество слов в анкете сокращено из-за частых неполных анкет. С другой стороны, из-за этого требования для составления ФАС-2 необходимы 20000 респондентов, что осложняет сбор материала.

Пп. 2: Как выяснилось позже, список был составлен неудачно, в нем было слишком много дублирующих друг друга стимулов, напр. *acculturer* и *acculturé, africanisé* и *africaniser* и др., что привело к перекосу количества одинаковых реакций.

Пп. 3: Попытка устранять омонимию и полисемию стимулов оказалась неудачной, по двум причинам³. С одной стороны, этот принцип не был строго соблюден и коснулся только некоторых стимулов (*la droite, la fin, la mort, la rose, la somme, le bien, le bois, le devoir, le droit, le mal, le passé, le présent, le rire, le sol, l'est, l'or, un anglais, un étranger, un être, un général, un jeune, un pas, un saint, un secret, un souvenir, un vieux, un voisin, une vague, tendre* (vb)); С другой стороны, этот принцип не сработал так, как был задуман: поскольку стимулы подавались случайным образом, омонимы (например, *le bien* и *bien*), как правило, не встречались в одной анкете. Ассоциации на *le bien*, главным образом, были действительно даны на существительное «добро». А вот ассоциации на *bien* не были реакциями на значение «хорошо», как того хотелось. Среди них зафиксированы реакции и на «добро», и на «хорошо», и на другие значения, например, «имущество». Наконец, нахождение в списке стимулов двух, а то и трех стимулов-омонимов искажает количественные показатели полученных реакций: на *le bien* и *bien* дана очень частотная реакция *mal*, ранг которой в обратном словаре оказался чрезвычайно высоким. Аналогично, наличие стимулов *le saint* и *saint* породило появление большого количества агонимов (они же топонимы) в ФАС-1.

Учитывая, что нас в данной работе главным образом интересует именно обратный словарь, особенно в сопоставительном плане, было решено создать рабочий вариант ФАС-1 (названный ФАС 1-1) для его сопоставления с ФАС-2. Разумеется, предыдущий вариант ФАС-1 сохраняется и остается доступным для исследователей, что особенно важно для тех, кому интересны синтагматические особенности пары «стимул-реакция».

³ Скуковский А. «Омонимия и полисемия во французском ассоциативном словаре», дипломная работа НГУ 2015, неопубликованные данные.

В ожидании системы, позволяющей автоматически обработать реакции, были разработаны следующие правила ручной обработки (с учетом того, что простая орфографическая проверка была проведена раньше, при подготовке материала к изданию [Дебрэнн 2010]):

1. Систематически использовать новую орфографию, кроме не вошедших в обиход форм без дефиса *riquenique*, *tamtam* и некоторые другие.

Стимул	Реакция	Исправленная реакция
disparaitre	paraître	paraître

2. Исправить оставшиеся орфографические ошибки

Absence	présence	présence
---------	----------	----------

3. Убрать артикли и другие детерминанты.

accepter	la différence	différence
Lire	un livre	livre
maintenir	son niveau	niveau

1. 4. Убрать предлоги (и артикли, если нужно).

Langue	de bois	bois
Livre	de la jungle	jungle
Rester	chez soi	soi (chez)
Point	à la ligne	ligne (à la)

Примечание: предлоги *à*, *chez*, *sur*, *sous*, *sans* вынесены в скобках за существительным. Для предлога *de* решено этого не делать ввиду его грамматической (не смысловой) функции.

5. Фиксировать реакцию в единственном числе (кроме *pluralia tantum* и в составе словосочетания).

langue	bruits	bruit
ministre	affaires étrangères	affaires étrangères
revoir	yeux	oeil

Примечание: при существующем дуплете *mathématique/mathématiques* был выбран более распространенный вариант во множественном числе, хотя не исключено, что в некоторых случаях респондент имел в виду прилагательное «математический». В парах *vacance* (вакансия) и *vacances* (каникулы), *lunette* (очко, унитаз) и *lunettes* (очки) сохранен вариант во множественном числе ввиду его большей частотности.

6. Убрать пунктуационные и др. знаки, способы выражения эмоции.

le sol	le fa!	fa
assimilé	graaaaaave	grave

7. Фиксировать реакцию в форме мужского рода ед. числа

lettre	cachée	caché
--------	--------	-------

Примечание: решения применяются с долей условности, поскольку прилагательное в форме женского рода может оказаться и существительным, напр. *bonne / la bonne, suivante / la suivante*. Последняя форма сохранена только в том случае, когда нет сомнения, что именно ее имел в виду респондент (напр., с глаголом *servir*).

8. Переносить возвратное местоимения за инфинитив.

lettre	s'exprimer	exprimer (s')
lever	se coucher	coucher (se)

9. Переносить наречия (напр., выражение отрицания) за слово, которое они изменяют.

continuer	ne pas arrêter	arrêter (ne pas)
ignorer	pas savoir	savoir (ne pas)
ancien	pas neuf	neuf (pas)
gagner	plus fort	fort (plus)

10. Сводить спрягаемые формы глаголов к инфинитиву. Причастия прошедшего и настоящего времени сохранить.

lire	imagine	imaginer
lire	j'aime	aimer

11. Убрать лишние слова (повтор стимула).

accompagner	accompagner son enfant	enfant
-------------	------------------------	--------

12. Сводить варианты собственных имен, ономастопей к одному инварианту

service	Mac Donald	Mc Donald
emporter	Mc Donald	Mc Donald
falloir	pfff	Pfft
preuve	pffff	Pfft
inventer	Leonard	Leonardo Da Vinci
inventer	Léonard de Vinci	Leonardo Da Vinci
inventer	Leonardo Da Vinci	Leonardo Da Vinci

13. Сводить многословные цитаты к одному (наиболее частотному) инварианту.

million	qui veut gagner	qui veut gagner des millions
million	qui veut gagner..	qui veut gagner des millions
million	qui veut gagner des millions	qui veut gagner des millions

14. Числительные писать буквами (кроме дат).

siècle	10	Dix
siècle	100	Cent
siècle	14ème	Quatorzième

15. Ответы, выраженные знаком вопроса или словосочетаниями типа «у меня нет ответа» считать отказом от ответа.

usage	pas de réponse	-
maintenir	?	-

Таким образом, одна реакция может подвергаться несколькими модификациями, см:

tôle	la prisooooon !	prison
------	-----------------	--------

Помимо этого было решено убрать из базы данных ответы на:

- некоторые лексемы, введенные в список стимулов для изучения языкового сознания носителей французского языка Африки, в виду того что они, с одной стороны, редки и малопонятны большинству носителей французского языка, и, с другой стороны, привели к перекосу в количестве реакций на «иммигрантскую» тематику, а именно *acculturé, acculturer, africain, africanisé, africaniser, alphabétisé, alphabétiser, animiste, assimilé, boubou, boy, brousse, charlatan, chicotte, civilisé, coutumier, défrisage, défriser, élections, évolué, fétiche, gris-gris, guérisseur, lettré, machette, manioc, marabout, métis, missionnaire, occidentalisé, occidentaliser, pagne, palabre, paludisme, papaye, sorcier, tam-tam, traditionnel, tribu, vieille*, а также *celle* и *yeux*;

- стимулы, данные с артиклем, если они дублируются с омонимом без артикля: *la droite, la fin, la mort, le devoir, le droit, le mal, le rire, un étranger, un être, une vague, un général, un jeune, un saint, un secret, un souvenir, un vieux, un voisin, une vieille, tendre (vb)*.

Таким образом 60 стимулов (из 1100) и реакций к ним были убраны из корпуса ассоциативного словаря французского языка.

Заключение

Таким образом, как и прежде, материал, полученный от ассоциативных экспериментов, будет доступен пользователю в виде двух словарей, прямого и обратного. Однако эти два словаря будут зеркальной копией друг друга.

В **прямой словарь** (от стимула к реакции) собраны реакции в том виде, в каком они были получены от респондента, после небольшой орфографической проверки. Это позволит всем желающим исследовать как парадигматические, так и синтагматические связи в паре стимул-реакция, группировать реакции по смыслу для изучения психолингвистического значения стимула и т.д.

В **обратный словарь** (от реакции к стимулу) реакции попадают после дополнительной обработки, представленной выше. Главная цель этой обработки – сделать так, чтобы словарными статьями были однозначные лексемы в виде основной леммы (инфинитивная форма глагола, прилагательные в мужском роде единственного числа и т.п.), поскольку нас интересует, главным образом, богатство ассоциативных связей тех или иных лексем. Электронный формат словаря на сайте Dictaverf позволяет представить полученный материал тремя различными способами:

- в алфавитном порядке, в котором рядом окажутся реакции с и без предлогов, напр., *piéd* и *piéd* (à), глаголы с и без отрицания или возвратных местоимений как *tromper* / *tromper* (se) и т.д. Это позволит легко получить представление о круге стимулов, реально связанных с данной реакцией;

- по убывающей частоте, для того чтобы понять, какие реакции оказались самыми популярными;

- по убывающему количеству стимулов, вызвавших эту реакцию.

Предстоит проверить, насколько полученный таким образом список реакций, связанных с наибольшим количеством стимулов («супер-коннекторы» малого лексического мира в нашей терминологии, «ядро языкового сознания» согласно Московской психолингвистической школе) будет отличаться от списка, выделенного из не подвергавшемуся переработке обратного словаря ФАС-1 [Дебрэнн, 2010: 18]. Так, по предварительным данным, существительное *ami* передвигается с 23-й до 5-й позиции, правда, пока без пересчета «ранга» других лексем. Анализ этого материала и позволит ответить на поставленный во введении вопрос, действительно ли любой, достаточно большой список слов-стимулов, приводит к одному и тому же для каждой данной культуры ядру языкового сознания.

Методика обработки экспериментального материала, представленная в этой работе, легко может быть адаптирована для любого другого языка, для которого создается ассоциативный словарь.

Поскольку наша задача состоит в том, чтобы анализировать изменения в ассоциативных нормах французского языка, нам важно, чтобы материал обоих словарей (ФАС-1 и ФАС-2) подвергался одинаковой обработке, и эти принципы применяются к ФАС-2 по мере его формирования. Поэтому для строгого сопоставления ядра языкового сознания носителей французского языка, участвовавших в экспериментах в 2008-2010 и 2018-2020 годах, планируется создать отдельный, сокращенный вариант этих двух словарей (назовем их ФАС-1-сп и ФАС-2-сп), в котором будут учтены только ответы на один и тот же список стимулов, составленный из пересечения списка стимулов, использованных для ФАС-1 и ФАС-2. Таких стимулов оказалось 610, что дает солидную базу для сопоставления и открывает хорошие перспективы для дальнейших исследований.

Литература

Быкова О. А. Эволюция ядра языкового сознания носителей французского языка (по материалам ассоциативных словарей французского языка) // МНСК-2020 секция «Иностранные языки, секция лингвистика и межкультурная коммуникация», сборник тезисов, НГУ Новосибирск, 2020, С. 8–9.

Виноградова О. Е., Стернин И. А. Психолингвистические методы в описании семантики слова. Воронеж: «Истоки», 2016. 157 с.

Дебрэнн М. Лексические отношения в ассоциативных словарях французского языка // Вопросы психолингвистики. 2016, №1 (27). С. 76–89.

Дебрэнн М. Проект «Французский ассоциативный словарь 2.0» // Вопросы психолингвистики. 2018, №1 (35). С. 15–166.

Дебрэнн М., Фомель К. Психолингвистический ассоциативный эксперимент для изучения отношения французских и российских студентов к интернационализации высшего образования // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019, том 17, вып. 2. С. 124–134.

Дебрэнн М. Французский ассоциативный словарь. Т.1. От стимула к реакции. Новосибирск, 2010. 252 С.

Дебрэнн М. Французский ассоциативный словарь. Т. 2. От реакции к стимулу, Новосибирск, 2010. 449 С.

Залевская А. А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин: КГУ, 1981. С. 28–44.

Пименова М. В. Концепт СЕРДЦЕ: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.

Рудакова А. В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии. Воронеж: «Истоки», 2014. 183 с.

Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус Еврас. Том 2, От реакции к стимулу, Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., 2019.

Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. 192 с.

Тарасов Е. Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование (XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации), Москва, 2000. С. 3–4.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 207–219.

Debrenne M. Variabilité diatopique des associations évoquées par les mots en Francophonie // 5-me congrès Mondial de Linguistique Française Tours 4-8 juillet 2016 (CMLF 2016), DOI 10.1051/shsconf/20162703002.

SOME ASPECTS OF THE COMPILATION OF REVERSE ASSOCIATIVE DICTIONNARIES

Debrenne Michèle

Doctor of Philology, Professor
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, 2, Pirogov Street
micheledebrenne@gmail.com

The first attempts to compare data from two associative dictionaries of French showed that the compilation of the reverse associative dictionary requires a significant improvement. The article presents arguments in favor of appropriate processing of experimental material and the methodology for its implementation.

Keywords: reverse associative dictionary, lemmatization, French, psycholinguistic experiment, core of linguistic consciousness, super-connector

References

Bykova O. A. Jevoljucija jadra jazykovogo soznaniya nositelej francuzskogo jazyka (po materialam asociativnyh slovarej francuzskogo jazyka) [Evolution of the core of language consciousness of French language speakers (on dictionaries of word associations for French)] // MNSK-2020 sekcija «Inostrannye jazyki, sekcija lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija», [ISSC-2020 Section “Foreign languages and intercultural communication”]. NSU, Novosibirsk, 2020. P. 8–9 (In Russian).

Vinogradova O. E., Sternin I. A. Psiholingvističeskie metody v opisani semantiki slova [Psycholinguistics methods in the description of word semantic]. Voronezh: Istoki, 2016 (In Russian).

Debrenne M. Leksicheskie otnoshenija v asociativnyh slovarjah francuzskogo jazyka [Lexical relations in dictionaries of word associations for French] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2016, №1 (27). P.76–89. (In Russian).

Debrenne M. Proekt «Francuzskij asociativnyj slovar' 2.0» [Dictionary of word associations for French 2.0] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2018, №1 (35). P. 150–166 (In Russian).

Debrenne M., Fomel K. Psiholingvističeskij asociativnyj jeksperiment dlja izučenija otnoshenija francuzskih i rossijskih studentov k internacionalizacii vysshego obrazovanija [Studying the attitude of French and Russian students about internationalization of higher education: toward a new psycholinguistic experiment] // Vestnik Novosib. gos. un-ta. Serija: Lingvistika i mezkul'turnaja kommunikacija. [Annals of Novosibirsk State University “Linguistics and intercultural communication”] 2019, Vol. 17, Issue 2. P. 124–134 (In Russian).

Debrenne M. Francuzskij asociativnyj slovar'. T.1. Ot stimula k reakcii. [Dictionary of word associations for French, Vol 1 from stimulus to reaction]. Novosibirsk, 2010 (In Russian and French).

Debrenne M. Francuzskij asociativnyj slovar'. T. 2. Ot reakcii k stimulu, [Dictionary of word associations for French, Vol 2 from reaction to stimulus]. Novosibirsk, 2010 (In Russian and French).

Debrenne, M. (2016) Variabilité diatopique des associations évoquées par les mots en Francophonie // 5-me congrès Mondial de Linguistique Française Tours 4-8 juillet 2016 (CMLF 2016), DOI 10.1051/shsconf/20162703002.

Zalevskaia A. A. O kompleksnom podhode k issledovaniju zakonomernostej funkcionirovanija jazykovogo mehanizma čeloveka [A complex approach to the study of mechanisms of free associations // Psiholingvističeskie issledovanija v oblasti leksiki i fonetiki [Psycholinguistics studies in the field of lexicon and phonetics], Kalinin: KGU, 1981. P. 28–44 (In Russian).

Pimenova M. V. Koncept SERDCE: obraz, ponjatie, simvol [The concept of HEART: image, sense, symbol]. Kemerovo: KemGU, 2007 (In Russian).

Rudakova A.V. Teoreticheskie i prikladnye problemy psiholingvističeskoj leksikografii [Theoretical and applied questions of psycholinguistic lexicography]. Voronezh: «Istoki», 2014 (In Russian).

Cherkasova G. A., Ufimtceva N. V. Russkij regional'nyj asociativnyj slovar'-tezaus Evras. Tom 2, Ot reakcii k stimulu [Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS Vol 2 from reaction to stimulus], 2019 (In Russian).

Sternin I. A., Rudakova A. V. Psiholingvističeskoe značenie slova i ego opisanie. Teoreticheskie problemy. [Psycholinguistic meaning and description] LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011 (In Russian).

Tarasov E. F. Jazikovoje soznanije – prespektivi issledovanija [Language consciousness – research perspectives]. Etnokulturnaja spetsifika jazykovogo soznaniya [The ethnocultural specificity of language consciousness] (P. 7–22). Moscow: Institut Jazikoznania RAN., 2000. P. 3–4 (In Russian).

Ufimtceva N. V. Jazykovoe soznanie i obraz mira slavjan [Language Consciousness and the Image of the World of the Slaves] // Jazykovoe soznanie i obraz mira. [Language Consciousness and the Image of the World], M.: IJa RAN, 2000. P. 207–219 (In Russian).

Сигал К. Я. Теория словосочетания и речевая деятельность / К. Я. Сигал; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. – Ярославль: Издательство «Канцлер», 2020. 418 с.

Книга посвящена разработке теории словосочетания в аспекте речевой деятельности. В сфере исследовательского внимания находятся, с одной стороны, речевая феноменология словосочетания, а с другой стороны, фрагмент речевого опыта носителей языка, отражающий навыки оперирования словосочетаниями и рефлексии над ними. В книге представлены теоретические, экспериментальные и корпусные исследования, направленные на объяснение функционирования словосочетаний в речевой деятельности.

Для широкого круга лингвистов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов.

Приобрести книгу Кирилла Яковлевича Сигала можно в отделе экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН по адресу:

125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1,
или по e-mail: kjseagal@yandex.ru, kirillsigal@iling-ran.ru

УДК 81'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-62-69

**НАПРАВЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ
ИЗМЕНЕНИЙ ИДИОМ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЭМОЦИИ-СОСТОЯНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ *НЕ В СВОЕЙ ТАРЕЛКЕ, ВЫБИТЬ ИЗ КОЛЕИ,
ВЫВЕСТИ ИЗ СЕБЯ*)¹**

Дронов Павел Сергеевич

кандидат филологических наук,

с. н. с. Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации

им. Ю.С. Степанова,

Институт языкознания

Российской академии наук

Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

nord.dronov@gmail.com

Данная статья посвящена особенностям лексико-грамматических изменений идиом, описывающих эмоции-состояния, на примере трех русских идиом – *не в своей тарелке*, *выбить из колеи*, *вывести из себя*. Рассматриваются контексты их употребления в Национальном корпусе русского языка (в случае французской кальки *не в своей тарелке* – также микродиахронические изменения в течение XIX–XXI вв.). Исследуемые идиомы подвергаются схожим трансформациям, таким как пропускание отрицания (*не в своей тарелке* vs. *в своей тарелке*), конверсия и актантная деривация (прежде всего, для обозначения перехода в эмоциональное состояние, нахождения в нем или его окончания: *быть вне себя* – *выйти из себя*; *выбить из колеи* – *выйти из колеи* – *войти в [свою] колею*). Во фразеологическом значении данных идиом есть общий семантический компонент «личное пространство». На основе анализа структуры, семантики и употребления этих идиом делается следующий вывод: именно семантика личного пространства обуславливает в перечисленных идиомах конверсию и актантную деривацию. При этом оно понимается одновременно и как внешнее, и как внутреннее через метафору контейнера-вместилища.

Ключевые слова: идиомы, лексико-грамматические изменения, актантная деривация, когнитивная теория метафоры, метафора личного пространства, метафора контейнера

Введение

Данная статья посвящена особенностям лексико-грамматических изменений русских идиом, описывающих эмоции-состояния. Исследуется связь этих изменений (трансформаций, вариантов или модификаций идиом) с метафорами, лежащими в их основе. Материалом исследования являются три идиомы, обозначающие эмоции-состояния и имеющие один общий семантический компонент («личное пространство»), – *не в своей тарелке*, *выбить из колеи*, *вывести из себя*.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00335А «Ориентационные метафоры во фразеологии: особенности употребления и лексико-грамматических изменений фразеологизмов в славянских, германских и кельтских языках».

Особенности значения и употребления идиомы *не в своей тарелке*

Рассмотрим первую из этих идиом. Происхождение и особенности употребления идиомы (*быть, чувствовать себя...*) не в своей тарелке ‘чувствовать себя не в своем обычном положении/состоянии’, на первый взгляд, давно изучены. Как известно, она является калькой фр. (*n'être pas*) *dans son assiette* (*ordonnaire*). Ее происхождение подробно описано в «Истории слов» В.В. Виноградова [Виноградов 1999: 368–369]; там же приводится и первый контекст его употребления (1772 г., сатирический журнал Н.И. Новикова «Живописец»): «Э! кстати, сударыня, сказать ли вам новость? ведь я влюблен в вас, *до дурачества*: вы своими прелестями так вскружили мне голову, что я не в своей сижу тарелке» [Виноградов 1999: 368] (курсив оригинала). Первоначальным значением, по [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 564], было ‘потерять равновесие, устойчивость’ (от одного из значений *assiette*). М.Л. Ковшова указывает, что в современном восприятии идиомы опорным ее компонентом является местоимение *свой*, указывающее на архетипическое противопоставление *свой/чужой*, значимость внешнего и внутреннего пространства для говорящих на русском языке. Соответственно, утрата своего места в пространстве, транслируемая «сквозь абсурдный образ фразеологизма», понимается как утрата собственных качеств или свойств [Ковшова 2009: 35–36].

В.В. Виноградов отмечает, что в течение XIX в. синтаксическая структура этой идиомы была подвижнее, ср. *попала в самую несчастную тарелку, из которой и я уже вытащить ее не могу; долго не могла придти в свою тарелку* [Виноградов 1999: 368–369].

Прежде всего, следует отметить, что идиома позволяет пропустить отрицание², но эта структурная особенность, как правило, не отражается в словарях. Ср.: «Так как главный контингент слушателей были отлично, хотя и наскоро организованные социал-демократами железнодорожные рабочие, – то все ораторы *чувствовали себя в своей тарелке*». (В. Г. Короленко. Письма 1905 г. (1905)) [НКРЯ]. Идиома пропускает отрицание и в более поздних примерах, вплоть до XXI в.: «Вот здесь [в новой школе – П.Д.] я наконец-то почувствовал себя в своей тарелке» (Юрий Пожидаев. Ничейный сад (2017)) [НКРЯ].

Более свободная синтаксическая структура идиомы подтверждается также примерами начала XX в. в [НКРЯ], ср.: «и после нескольких дней восторгов обыкновенных <...> все вошли в прежнюю свою тарелку» (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе (1788–1822)) [НКРЯ]; «Люба, разгулявшаяся было немножко, снова окончательно вышла из своей тарелки, вид у нее делался все озабоченнее». (В. С. Новицкая. Первые грезы (1912)) [НКРЯ].

Словосочетания *все вошли в прежнюю свою тарелку* и *вышла из своей тарелки* находятся в отношениях актантной деривации с *быть/находиться не в своей тарелке*. Здесь необходимо сделать замечание: мы едва ли можем говорить о конверсии и актантной деривации идиом как о полноценных синтаксических трансформациях. Изменение семантических ролей в словосочетании достигается преимущественно путем замены глагольного компонента: *войти в колею – выйти из колеи*; ср. серб. *metati glavu u torbu* ‘подвергать себя опасности’ (букв. «бросать голову в мешок») – *nositi*

² Здесь и далее все приводимые примеры взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

glavu u torbi ‘находиться в опасной ситуации’ (букв. «носить голову в мешке») – *izneti/izvući živu/čitavu glavu* ‘избежать гибели в опасной ситуации’ (букв. «вынуть/извлечь живую/целую голову»).

Как известно, бо́льшая часть конверсных и каузативных пар, различных случаев актантной деривации, образуется у идиом в семантических полях ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ и производных от них, например, ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ (см. [Добровольский 2011]). В *войти из своей тарелки* — *войти в свою тарелку* имеется в виду не воздействие, а, скорее, эмоциональное состояние как таковое; деривация обусловлена тем, что любое подобное состояние протяжено во времени и конечно и человек может войти в него под влиянием внешних факторов-каузаторов.

Абсурдность образной составляющей приводит к двойной актуализации и языковой игре, иначе говоря, к употреблению средств языка, «целью которого является не передача информации, а затруднение понимания, приводящее – среди прочего – к концентрации внимания участников ситуации общения на самом языковом выражении, на границах и возможностях языкового воплощения смысла» [Баранов, Добровольский 2016: 110]. Этот эффект может достигаться употреблением идиомы совместно со свободными словосочетаниями, содержащими слово *тарелка* (*сидел в кресле, как в тарелке, как в своей тарелке* (И. Грекова. Без улыбок (1975) [НКРЯ]), метаязыковыми комментариями (*стоял с напитком в руке, бледный такой, не в своей тарелке, если можно так сказать о вечеринке, где не было ни одной настоящей тарелки, одни бумажные* (Василий Аксенов. Негатив положительного героя (1996) [НКРЯ]) или с другими идиомами (*чувствую себя в своей тарелке, в своей сфере* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)) [НКРЯ]). Ср. также (1):

1. «Моя улитка... она, наверное, мечтала вырваться из своей тарелки. А я вот думаю: она получила свой большой мир, но вдруг ей стало хуже от этого? Вдруг ее кто-нибудь обидел?» (Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)) [НКРЯ].

В примере (1) двойная актуализация идиомы возникает в силу употребления свободного сочетания, совпадающего с идиомой: улитка, пойманная одним из главных героев, действительно живет и погибает в тарелке. Двойная актуализация представлена и в заглавии цитируемой книги и является, по сути, сюжетообразующим элементом цитируемой книги, в которой персонажи-дети пытаются вырваться за пределы чуждого им мира, окруженного непреступной стеной (заметим в скобках, что здесь также содержится аллюзия на роман А.Н. и Б.Н. Стругацких «Улитка на клоне»).

Прочитанное выше замечание М.Л. Ковшовой об актуализации компонента свой и противопоставления *свой/чужой* подтверждается такими примерами, как (3а, б), где словосочетание *лезть не в свою тарелку* (3а) оказывается синонимом *лезть не в свое дело*, а *попасть не в свою тарелку* (2б) употреблено в значении ‘оказаться некомпетентным’ (иначе говоря, вне своей сферы компетенции).

2. а. «Некоторые чиновники считают, что ПФР, предлагая банковский проект, *лезет не в свою тарелку* и преследует какой-то интерес». (Лиза Голикова. Пенсионные деньги поделят десять банков // «Коммерсантъ-Daily», 2003) [НКРЯ].

б. «Взявшись дирижировать его “Cantus памяти Бриттена” для струнного оркестра и хоровой “Песню восхождения” (“Ein Wallfahrtslied”), Башмет *попал явно не в свою тарелку*. (Екатерина Бирюкова. Юрий Башмет сыграл с «Триумфом» // «Известия», 2002.02.17) [НКРЯ].

В данной идиоме душевное состояние воспринимается как свое пространство, причем одновременно внутреннее и внешнее («тарелка»). Это восприятие своего пространства как одновременно внутреннего и внешнего проявляется в том, что идиома, как и ее дериват (*в свою тарелку*), основана на метафоре контейнера (см., например, [Рахилина 2004; Лакофф, Джонсон 2004; Kövecses 1990]). Здесь следует оговорить, что под контейнером понимается вместилище, которое не обязательно может быть замкнутым: в приводимых выше работах З. Кёвечеша, Дж. Лакоффа и М. Джонсона она трактуется максимально широко: английские примеры *he's in the race* 'он участвует в гонках', *we live in society* 'мы живем в обществе' и *I'm in love* 'я влюблен' отнесены ими к метафорическим моделям СОБЫТИЯ — ЭТО КОНТЕЙНЕРЫ (EVENTS ARE CONTAINERS), ОБЩЕСТВО — ЭТО КОНТЕЙНЕР (SOCIETY IS A CONTAINER), ЭМОЦИИ-СОСТОЯНИЯ — ЭТО КОНТЕЙНЕРЫ (EMOTIONAL STATES ARE CONTAINERS) [Kövecses 1990: 145]. Соответственно, тарелка также является вместилищем.

Особенности значения и употребления идиом *выбивать из колеи*, *входить в колею*

Аналогичное осмысление состояния (в том числе эмоционального) как своего внешнего или внутреннего пространства мы видим в идиомах *выбивать из колеи кого* 'выводить кого-либо из состояния равновесия, нарушать привычный образ жизни' [ФСР-ЛЯ: 107], *входить в колею* 'приходить в обычное состояние; возвращаться к тому, что было; принимать обычный ход, течение' [Там же]. Ср., с одной стороны, примеры типа *выбитый из колеи (чем-л.)*, а с другой, — *входить в нормальную колею*, *попала «не в свою колею»* (Лидия Шодхина. О куроводе замолвите слово... // «Вестник США», 2003.08.06) [НКРЯ], *дни катятся по своей колее* (Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008) [НКРЯ], *до тех пор все будет идти не своей колеей, <...> пока просвещение не разольется на все сословия*. (Ф.В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)) [НКРЯ].

В этих идиомах, находящихся в отношениях актантной деривации (не только *выбить из колеи* или *войти в колею*, но и *двигаться по колее*) содержится не только метафора канала связи, *conduit metaphor* по [Reddy 1979] (привычное состояние или привычный образ жизни как привычный маршрут движения, ср. примеры 3d, 3e), но и та же самая метафора внешнего/внутреннего пространства. Колея понимается и как маршрут, и как углубление в земле (ср. чешск. *vujeté koleje*), т.е. вместилище, из которого можно быть выбитым и в которое можно войти. Таким же внешним и в то же время внутренним пространством-вместилищем, к примеру, является *русло* в идиоме *входить/войти в русло*, а также *выйти из русла* (этот дериват как правило, употребляется с адъективным определением, например, *выйти из привычного русла*).

Особенности значения и употребления идиом *выходить из себя*, *выводить из себя*

Сравним лексико-грамматические изменения у идиом, основанных на метафоре внутреннего пространства: *выводить из себя* 'лишать самообладания, душевного равновесия (говорится с неодобрением)' [СОВРЯ: 71] и *выходить из себя*. Здесь пребывание в несвойственном состоянии также понимается как нахождение вне «своего» пространства или контейнера. Идиома *выходить из себя* содержит семантический компонент инхоативности, связанный с той же самой пространственной метафорой. Конечный результат этого перехода, т.е. само эмоциональное состояние, описывается идиомами типа *быть вне себя*. Таким образом описывается состояние гнева (в германских языках также страха): рус. *быть вне себя*, серб. *biti van/izvan sebe*, англ. *to be beyond oneself with anger/rage/fear* (букв. «быть вне себя от гнева/ярости/страха»), нем. *aufßer sich (Dat) vor*

Wut/Angst sein («быть вне себя от ярости/страха»). В то же время вне себя допускает заполнение валентности предложной группой от чего-л. (вне себя от радости, вне себя от восторга, вне себя от нетерпения), поэтому можно говорить о фразеосхеме вне себя от X. Нарушение душевного равновесия (как правило, в результате негативных эмоций – в отличие от положительных, они не требуют пояснений наподобие *от восторга*), понимается как выход из личного «внутреннего» пространства. Ср. также [быть] не в себе (с возможным опущением отрицания, например, в вопросительной форме *в себе ли ты?*).

Отметим, что такая же пространственная метафора и семантика начала и конца встречается в словосочетаниях типа *вступить в права (собственности, наследования...)* и *выйти из права (собственности, наследования...)*, однако в случае с идиомой *вступить в свои права*, имеющей почти идентичную форму, есть некоторые оговорки.

Прежде всего, различие между словосочетаниями *вступить в права (собственности, наследования...)* и *вступить в свои права* заключается в том, что в первом случае субъектом является человек, физическое лицо (фактически, здесь перед нами коллокация, в которой метафорически переосмыслен и употреблен во фразеологически связанном значении только глагольный компонент *вступить*), а во втором – некий неодушевленный предмет или какое-либо явление (например, когда в функции субъекта выступает *зима*). В одном примере, датированном второй половиной XIX в., мы видим индивидуально-авторское употребление, не связанное ни с тем, ни с другим устойчивым фразеологизмом: «Надеюсь, предавая гласности все вышеизложенное, я не выхожу из своего права, так как всякое публично сказанное слово считаю подлежащим ответственности наравне с словом печатным» (Д.И. Иловайский. Начало Руси (1876)) [НКРЯ]. Можно предположить, что здесь преобразована коллокация *иметь право на что-л.*

Заключение

На основе данного материала можно сделать следующий вывод: метафора личного пространства, лежащая в основе анализируемых идиом, обуславливает их лексико-синтаксические изменения (прежде всего, синтаксические трансформации, такие как актантная деривация). Это в большей степени заметно, когда речь идет об осмыслении личного пространства как внутреннего (через метафору контейнера-вместилища), однако то же самое мы видим в том случае, когда личное пространство осмысливается одновременно как внешнее и внутреннее. Это обусловлено также фразеологическим значением, протяженностью во времени и конечностью любых – не только эмоциональных – состояний, и тем, что любое состояние может быть как эндогенным, так и экзогенным (ср. упоминавшееся выше семантическое поле «эмоциональное воздействие»).

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Предпосылки игрового осмысления семантики идиом // Карнавал в языке и коммуникации: коллективная монография / Отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2016. С. 110–121.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.: Словарь русской фразеологии. Под ред. В.М. Мокиенко. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

Виноградов В. В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / Ответственный редактор Н.Ю. Шведова. М.: ИРЯ РАН, 1999. 1138 с.

Добровольский Д. О. Конверсия и актантная деривация во фразеологии // Слово и

язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна / Отв. ред. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 207–227.

Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект). Автореферат ... докт. филол. наук. М., 2009. 49 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 256 с.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru>. (Дата обращения: 10.02.2020).

Рахилина Е. В. Контейнер и содержимое в русском языке: наивная топология // Языковые значения. Методы исследования и принципы описания. Памяти О.Н. Селиверстовой. Москва: МГПУ, 2004. С. 233–257.

СОВРЯ – Аристова Т. С., Ковшова М. Л., Рысева Е. А., Телия В. Н., Черкасова И. Н. Словарь образных выражений русского языка. Под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1992. 368 с.

ФСРЛЯ – Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель; АСТ, 2008. 828 с.

Kövecses Z. (1990). The Concept of Emotion: The Container Metaphor // Kövecses Z. Emotion Concepts. New York: Springer-Verlag New York. P. 144–159.

Partee B. H., Borschev V. Dva stakana moloka: Substances and Containers in Genitive of Measure Constructions in Russian // Русский язык в научном освещении, № 24 (2), 2008. С. 140–166.

Reddy M. J. (1979). The conduit metaphor: A case of frame conflict in our language about language // A. Ortony (Ed.), Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press. P. 284–310.

NE V SVOEJ TARELKE, VYBIT' IZ KOLEI, VYVESTI IZ SEBĀ: A CASE STUDY OF THE CONNECTION BETWEEN SEMANTIC AND LEXICO-GRAMMATICAL CHANGES OF EMOTIONAL-STATE IDIOMS IN RUSSIAN

Pavel S. Dronov

Ph. D., Senior Research Fellow
Yuri Stepanov Research Centre for Theory and
Practice of Communication
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences
1, building 1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, Russia
nord.dronov@gmail.com

The paper deals with three Russian emotional-state idioms and peculiarities of their transformations. The idioms in question, namely *ne v svoej tarelke* (lit. 'not in one's own plate', a loan translation of the French idiom *n'être pas dans son assiette ordinaire*), *vybit' iz kolei* (lit. 'to hit sb out of their tracing ruts'), and *vyvesti iz sebĀ* (lit. 'to move sb out of themselves'), share similar actant derivations, such as *ne v svoej koleje* vs. *v svoĭ koleĭ* (lit. 'to one's tracing ruts', a rough equivalent of *back on track*). The author argues that actant derivation in this idioms is guided, apart from their figurative meanings, by the personal

space metaphors they share. The emotional state is conceptualised as personal space, both external and internal, and the simultaneity of that external and eternal conceptualization is achieved by virtue of the container metaphor.

Keywords: idioms, lexico-grammatical changes, actant derivation, cognitive theory of metaphor, personal space metaphor, container metaphor

References

Baranov A. N., Dobrovolskij D. O. Predposylki igrovogo osmysleniya semantiki idiom [Prerequisites of play-based conceptualisation of idiom semantics] // *Karnaval v yazyke i kommunikatsii: kollektivnaya monografiya* [Carnival in Language and Communications: a Collective Monograph] / *Otv. red. [editor-in-chief] L.L. Fedorova.* M.: RGGU, 2016. P. 110–121. (In Russian).

Bierich A., Mokienko V. M., Stěpanova L. Slovar' russkoi frazeologii [Dictionary of Russian Phraseology]. *Pod red. [Edited by] V.M. Mokienko.* SPb.: Folio-Press, 1998. 704 p. (In Russian).

Dobrovolskij D. O. Konveriya i aktantnaya derivatsiya vo frazeologii [Conversion and actant derivation in phraseology] // *Slovo i yazyk: Sb. Statei k vos'midesyatiletiju akad. Yu.D. Apresyana* [Word and Language: Essays in Honour of Yuri D. Apresyan] / *Otv. red. [Managing editors] I.M. Boguslavskii, L.L. Iomdin, L.P. Krysin.* M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. P. 207–227. (In Russian).

FSRLYa – Fedorov A. I. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological Dictionary of the Standard Russian Language]. M.: Astrel; AST, 2008. 368 p. (In Russian).

Ioanesyan Ye. R. Simptomaticheskaya leksika v funktsii Magn [Symptomatic vocabulary functioning as Magns] // *Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue], № 2, 2019.* P. 34–48. (In Russian).

Kovshova M. L. Semantika i pragmatika frazeologizmov (lingvokul'turologicheskii aspekt). Avtoreferat ... dokt. filol. nauk. [Semantics and Pragmatics of Figurative Units: the Linguoculturological Aspect. Synopsis of the Doctoral Thesis] M., 2009. 49 p. (In Russian).

Kövecses Z. The Concept of Emotion: The Container Metaphor // *Kövecses Z. Emotion Concepts.* New York: Springer-Verlag New York, 1990. P. 144–159.

Lakoff J., Johnson M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]. M.: URSS, 2004. 256 p. (In Russian).

NKRYa: Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus] [Electronic source]. URL: <https://ruscorpora.ru>. (retrieval date: 10.02.2020). (In Russian).

Partee, B.H., Borschev, V. Dva stakana moloka: Substances and Containers in Genitive of Measure Constructions in Russian // *Russkiy yazyk v nauchnom osveschenii* [Russian Language and Linguistic Theory], No. 24 (2), 2008. P. 140–166.

Rakhilina Ye. V. Konteiner i soderzhimoe v russkom yazyke: naivnaya topologiya [Container and contained in the Russian language: the naïve topology] // *Yazykovye znacheniya. Metody issledovaniya i printsipy opisaniya. Pamyati O.N. Seliverstovoi* [Linguistic Meanings. Methods of Research and Principles of Description. In Memoriam Olga N. Seliverstova]. M.: MPGU, 2004. P. 233–257. (In Russian).

Reddy M. J. (1979). The conduit metaphor: A case of frame conflict in our language about language // *A. Ortony (Ed.), Metaphor and Thought.* Cambridge: Cambridge University Press. P. 284–310.

SOVRYa – Aristova T. S., Kovshova M. L., Ryseva Ye. A., Teliya V. N., Cherkasova I. N. Slovar' obraznykh vyrazheniy russkogo yazyka [Dictionary of Russian Figurative Units]. Pod red. [Edited by] V.N. Teliya. M.: Otechestvo, 1992. 369 p. (In Russian).

Vinogradov V. V. Istoriya slov: okolo 1500 slov i vyrazheniy i bolee 5000 slov, s nimi svyazannykh [The History of Words: Circa 1500 Words and Phrases and More Than 5000 Words Connected Thereto] / Otvetstvennyi redaktor [Editor-in-chief] N.Yu. Shvedova. M.: IRYa RAN, 1999. 1138 p. (In Russian).

УДК 81'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-70-82

**A BLENDED METHOD TO INVESTIGATE THE DYNAMICS
OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
AND VERBAL COMMUNICATION¹**

<p>Istvan Lenart Associate Professor Institute of Linguistics and Intercultural Communication Sechenov First Moscow State Medical University Moscow, Trubetskaya ul. 8 2 <i>lenart_i@staff.sechenov.ru</i></p>	<p>Иштван Ленарт доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первый МГМУ им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет) ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, г. Москва <i>lenart_i@staff.sechenov.ru</i></p>
<p>Orsolya Endrody Associate Professor Institute of Intercultural Psychology and Pedagogy Eotvos Lorand University Budapest, Kazinczy u. 23-27. <i>endrody.orsolya@ppk.elte.hu</i></p>	<p>Орсолья Энроди-Надь доцент Института межкультурной психологии и педагогики Университет им. Лоранда Этвеша ул. Казинци, 23-27, г. Будапешт <i>endrody.orsolya@ppk.elte.hu</i></p>
<p>Irina Markovina Professor, Director Institute of Linguistics and Intercultural Communication Sechenov First Moscow State Medical University Moscow, Trubetskaya Ul. 8 2 <i>markovina_i_yu@staff.sechenov.ru</i></p>	<p>Ирина Марковина профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первый МГМУ им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет) Трубецкая ул., д.8, стр. 2, г. Москва <i>markovina_i_yu@staff.sechenov.ru</i></p>
<p>Adilya Makhmutova Languages instructor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication Sechenov First Moscow State Medical University Moscow, Trubetskaya ul. 8 2 <i>makhmutova_a_r@staff.sechenov.ru</i></p>	<p>Адиля Махмутова преподаватель Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первый МГМУ им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет) ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, г. Москва <i>makhmutova_a_r@staff.sechenov.ru</i></p>

---

¹ The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project #18-512-23004 “Cross cultural comparison of Russian and Hungarian verbal consciousness. Phase 1: Verbal consciousness of pre-school children (aged 4-5 years)”, and the New National Excellence Program (UNKP-17-4) of the Ministry of Human Capacities of Hungary.

СМЕШАННЫЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ¹

Одной из наиболее актуальных проблем психолингвистики является проблема усвоения языка в онтогенезе, детская речь. Возможным способом лучшего понимания процесса формирования культурно- специфического языкового образа мира и речевого онтогенеза является исследование языковых ассоциаций носителей культуры различных возрастных групп. В настоящем исследовании мы провели ассоциативный эксперимент по методологии Московской школы психолингвистики и объединили его с методами корпусной лингвистики, чтобы сравнить языковое сознание и речевую компетенцию носителей русского языка разных возрастов: детей-дошкольников (4-5 лет), детей-школьников (10-12 лет) и взрослых.

Мы сравнили данные ассоциативного эксперимента (по 70 испытуемых из обеих возрастных групп) с данными корпусов CHILDES (детский корпус русского языка) и Araneum Russicum (корпус носителей языка старше 18 лет). Мы пришли к выводу, что данные, полученные в результате проведения ассоциативного эксперимента, хорошо дополняют массив лингвистических данных существующих корпусов. Более того, мы установили, что применение такого смешанного подхода, позволяет лучше понять процесс усвоения языка. Полученные результаты продемонстрировали динамику изменений языкового сознания в зависимости от возраста респондентов, а также развитие речевой компетенции в процессе усвоения языка и культуры, т.е. в процессе социализации.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, корпусная лингвистика, раннее детство, Sketch Engine, языковое сознание, социокультурное развитие, усвоение языка и культуры

Language acquisition from Early Childhood is a concern of utmost relevance of Psycholinguistics. A possible path to better understand the development of the culture-specific verbal image of the world and verbal communication patterns is through the investigation of word associations of language users of various age groups. In this research we applied the association experiment as it is used and interpreted by the Moscow School of Psycholinguistics blended it with Corpus Linguistic methods, in order to compare the linguistic image of the world and verbal communication of 4-5-year-old, 10-12-year-old Russian children, and adult language users. We compared the data obtained with the association experiment (70-70 respondents from both age groups) to the large-scale databases of CHILDES Russia child language corpus and Araneum Russicum corpus of adult (over 18 years) language users.

We concluded that the results gained with the association method well complemented the massive amount of linguistic data available in existing corpora. Furthermore, we stated that the application of blended methods including the association experiment and the Corpus Linguistic approach effectively contributed to getting an insight to the language acquisition process. The results obtained demonstrate the dynamics of age-related changes in the linguistic image of the world and communication patterns that occur in the process of language and culture acquisition, i.e. in the process of socialization.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ: проект 18-512-23004 «Кроскультурное исследование русского и венгерского языкового сознания. Фаза 1: языковое сознание детей дошкольного возраста (4-5 лет)» и Новой национальной программой развития (UNKP-17-4) министерства кадровых ресурсов Венгрии.

Keywords: association experiment, Corpus Linguistics, Early Childhood, Sketch Engine, verbal/linguistic consciousness, social-cultural development, language and culture acquisition, Russian language

Introduction

Psycholinguistic foundations

Psycholinguistics traditionally focuses on such research areas as ontogenesis of language competence, speech production, speech perception, speech communication, etc. As emphasized by Ufimtseva, Russian psycholinguistics has its own achievements in these research areas, the most significant of them being the development of speech production model (or the model of language competence functioning) based on aphasiological evidence (Akhtutina-Ryabova, A. A. Leontiev), the view of language as an activity structure (A. A. Leontiev), the theory of language consciousness (Tarasov, Ufimtseva) and the lacuna theory (Sorokin, Markovina) [Ufimtseva 2014b].

The research this article presents is an attempt to combine the methods of corpus linguistics with the widely used method of association experiment to obtain the data on how the linguistic image of the world develops in children in the process of social-cultural development and language acquisition. One of the core ideas of Russian psycholinguistics is the role of culture and language as a means to externalize ethnic consciousness. In other words, both culture and language unite people into one ethnic group. In the process of ontogenesis a child masters the semiotic function of the language and culture and through this gains access to the common knowledge about the world of representatives of the his/her native ethnic group. The knowledge about the world shared by all members of the culture is the basis for mutual understanding. It is the common knowledge that determines constructive communication within one culture implemented with the help of outer formal language based on the semiotic function of language and culture [Ufimtseva 2014a].

Our research aims to experimentally demonstrate how the linguistic image of the world develops in children in the process of social and cultural development and language acquisition. Another objective is to investigate the consciousness functioning in speech communication.

To identify the age-related changes in the linguistic consciousness in the process of socialization we applied the association experiment. To analyze how the linguistic consciousness serves communication we used the data obtained through the corpus linguistics method.

Early Childhood studies with emphasis on language skills and language acquisition

According to the Early Years Foundation Stage, which is a widely recognized basic document for the Early Years development in Great Britain but also known globally, between 4 and 5 children have the confidence to speak to others about their wants and interests. They extend their vocabulary, especially by grouping and naming. They can develop simple stories and explanations, and they use simple grammatical structures. It is very important to recognize that they often speak up during free-play and we can make them speak up with a stimulating and enabling environment. From the age of four, they can follow appropriate language and instructions [EYFS 2007].

According to psychologists and linguists, children are competent language users by the age of six. By the start of the school-years they gain a powerful language ability. By four they

understand and able to express themselves in complex sentences, however, they generalize to many grammar rules [Clark 2000; Cole & Cole 2001]. Gosy points out that 4-5-year-old speakers often use details when they explain situations [Gosy 2005]. In lower elementary classes and around 10-12 years of age children become able to understand the order of lexical elements, syntactic, and pragmatics in grammar. They can understand unusual order within phrases [Cole & Cole 2001]. Our research worked well among 10-12-year-olds probably, because the communication context is being led in dialogues, where teachers are interviewing the pupils, so children got used to the situation as well.

Corpus Linguistics and its role in investigating language acquisition

One of the most dynamically developing areas of linguistics is Corpus Linguistics, a relatively young area which gained significance after the late 1950-s when rapid development of computer technology facilitated the widespread use of large texts for linguistic analysis. A pioneering work of building an English-language corpus applicable for extensive linguistic investigation is the Brown corpus [Francis and Kucera 1964] that subsequently served as an example for further similar corpora of the English and other languages.

A linguistic corpus can be defined as “*A collection of linguistic data, either written texts or a transcription of recorded speech, which can be used as a starting-point of linguistic description or as a means of verifying hypotheses about a language.*” [Crystal 2008: 117]. The most substantial criteria of building a corpus [McEnry 2018] are: (1) it must be a large body of text (2) representative of language (3) in a machine-readable form, furthermore (4) must act as a standard reference about what’s typical in language, and (5) is often annotated with additional linguistic information.

A foundational distinction in Corpus Linguistics is between the *corpus-based* and the *corpus-driven approach* [Tognini-Bonelli 2001]. While corpus-based linguistic research aims at verifying a theoretical presumption or a hypothesis by application of linguistic corpora (thus applies corpora as a scientific method), corpus-driven research typically considers corpus as the exclusive reliable source of linguistic research that allows linguist to draw conclusions. In this paper, we committed ourselves to the first approach and consider corpora as a research method.

Methods

The association experiment

In psycholinguistics, association experiments are widely applied to investigate the content of the consciousness images externalized by the words of the language. Word associations are viewed as cognitive structures that serve to conceptualize experience accumulated through human activities in the ethnic culture. The association experiment allows for the individual consciousness and speech utterance mechanisms to be investigated by a researcher. It seems to be a unique research method to identify the mechanisms that a language speaker uses unconsciously. Data collected via large-scale association experiments is used to study the linguistic consciousness of various groups of people as their collective image of the world. In the research presented here, the authors apply for the second time [Lenart, Endrody, Markovina 2019] the association experiment approach combined with Corpus linguistic resources to contextualize associations with their various collocations [Leonard, Ufimtseva, Markovina 2019: 116].

Selected corpora

As set forth above, we applied the corpus-based approach in order to blend the association experiment with Corpus Linguistic methods, thus aimed at amalgamating the advantages of both perspectives. We compared the data obtained with the association experiment (70-70 respondents from both 4-5-year-old, 10-12-year-old age groups) to the large-scale databases of CHILDES Russia child language corpus and Araneum Russicum corpus of adult language users.

CHILDES is an acronym of the Child Language Data Exchange System, a corpus available in 24 languages in the Sketch Engine tool [Kilgarriff et als. 2014] including the CHILDES Russian corpus. The Russian corpus is compiled by transcripts of voice recordings of dialogues between 0-3-year old children and their family members and consists of nearly 60.000 tokens.

Araneum Russicum is one of the biggest corpora of the Russian language containing more than 1,2 billion tokens, nearly 860 million words from Russian-language websites. In this research we used the version available in Sketch Engine [Kilgarriff et als. 2014], the Araneum Russicum Russicum Maius (Russia-only Russian, 15.03) 1,20 G corpus.

Results

Table 1 displays top 15 results of the association experiment conducted with 70 Russian kindergarten children from the age group 3-5 and with 70 Russian schoolchildren from the age group 10-12. Displayed data include three word classes, nouns verbs and adjectives, excludes results from all other word classes (articles, prepositions, pronouns, etc.).

Visible overlapping in the verbal consciousness of the two age groups include words as *мама* (*mother*), *папа* (*father*), *маленький* (*small*), *человек* (*man*), *дом* (*home/house*), *играть* (*play*), *большой* (*big*), *цвет* (*color*) – more than half (8 out of 15) of the most frequent associations coincide in the two groups. The six most frequent associations of 3-5-year-old children can be all found in the results of the 10-12-year-old group.

Mother and *father* seem to take privileged place in the younger age group's consciousness (*mother* precedes *father*), these reactions drop back to 8th and 11th places in the 10-12-year-old group respectively. *Man* and *home/house* are both present in the top 15 results – items also included in the core of verbal consciousness of adult Russian language users.

Table 1

The 15 most frequent of words of the association experiments (nouns, verbs, adjectives)

	Russian 3-5 yrs		Russian 10-12 yrs	
1	мама (<i>mother</i>)	115	человек (<i>man</i>)	245
2	папа (<i>father</i>)	102	маленький (<i>small</i>)	65
3	маленький (<i>small</i>)	87	существо (<i>being</i>)	52
4	человек (<i>man</i>)	80	страны (<i>countries</i>)	47
5	дом (<i>home/house</i>)	61	добрый (<i>kind</i>)	44
6	играть (<i>play</i>)	54	большой (<i>big</i>)	41
7	люблю (<i>love</i>)	44	играть (<i>play</i>)	41
8	мальш (<i>kid</i>)	43	мама (<i>mother</i>)	36

9	хорошая (good, <i>f</i>)	43	цвет (color)	35
10	друг (friend)	41	жидкость (liquid)	32
11	семья (family)	36	папа (father)	29
12	большой (big)	35	лет (year)	28
13	белый (white)	33	люди (people)	26
14	цвет (color)	31	сестра (sister)	26
15	люди (people)	27	дом (home/house)	26

Key adjectives of both respondent groups are *big* and *small*, while *playing* – in the form of a verb – proves to be also an essential part of verbal consciousness in Early Childhood. Responses of the 10-12-year-old group included more abstract notions that are also more complex grammatically and in form i.e. *существо* (*being*) and *жидкость* (*liquid*).

When contrasting the results of our association experiment with data of the CHILDES Russia (Table 2) corpus (nouns, verbs, adjectives) the similarities include the appearance of *мама* (*mother*) and *напа* (*father*), again interestingly – similarly to the findings of the association test with 10-12-year-old children, *father* preceding *mother*.

Table 2

The 15 most frequent of words of selected corpora (nouns, verbs, adjectives)

	CHILDES Russia corpus		Araneum Russicum Corpus	
1	мальчик (boy)	381	может (may)	1,529,045
2	собака (dog)	236	будет (be)	1,440,635
3	будет (be)	119	время (time)	1,423,693
4	хочу (want)	116	есть (has)	1,262,757
5	видишь (see)	115	более (more)	1,247,207
6	собачка (small dog)	110	года (years)	1,067,703
7	надо (must)	109	является (is)	894,318
8	лягушка (frog)	105	работы (job)	828,425
9	папа (father)	100	России (Russia)	773,292
10	делает (do)	100	просто (simple)	722,367
11	мама (mother)	99	компания (company)	713,094
12	посмотри (look)	97	день (day)	660,297
13	сидит (sit)	79	области (region)	610,025
14	варенка (<i>varyenka</i> ; a dessert made of boiled condensed milk)	78	необходимо (necessary)	591,914
15	олень (deer)	76	больше (bigger)	591,008

Diminutive forms are strongly present in the top 15 most frequent occurrences of the CHILDES corpus including: *собачка* (small dog), *лягушка* (frog), and *варенка* (boiled condensed milk). Elements of everyday conversation between the child and his/her parents including verbal forms referring obviously to activities can be observed including *хочу* (want), *видишь* (see), *надо* (must), *делает* (does), and *сидит* (sits).

The Araneum Russicum database shows relatively low level of overlapping with results of our survey. *Big* (*большой*) appears in two forms: *более* (more) and *больше* (bigger), but no further similarities can be observed. Numerous items of the 15 most frequent words of this gigantic corpus may mirror the inclusion of a large number of written documents into the database *России* (Russia), *компании* (company), *день* (day), *области* (region).

After setting forth the most frequent 15 words of the overall results, we display below the top 10 lexical elements in each word class (nouns, adjectives, verbs, and others).

Besides the above presented observations about the parents' distinguished role in both age groups, we note that the 3-5-old children more typically associate to objects surrounding them (Table 3) in their everyday lives such as *игрушка* (toy) or *машинка* (toy car).

Table 3

The 10 most frequent nouns of the association experiments

	Russian group 3-5yr		Russian 10-12	
1	мама (mother)	134	человек (man/person)	305
2	человек (man/person)	120	страна (country)	61
3	папа (father)	111	существо (human being)	60
4	дом (house/home)	82	цвет (color)	45
5	друг (friend)	46	мама (mother)	38
6	семья (family)	44	жидкость (liquid)	34
7	мальш (kid)	43	семья (family)	33
8	игрушка (toy)	39	ребенок (child)	32
9	вода (water)	39	сестра (sister)	31
10	машинка (toy car)	38	папа (father)	31

Food-related words appear in the CHILDES Russia corpus (Table 4) including *варенка* (dessert made of boiled condensed milk) and *булочка* (bun) that reflects the relatively higher importance of nutrition in this period of life (0-3 years).

Table 4

The 10 most frequent nouns of selected corpora

	CHILDES Russia corpus		Araneum Russicum Corpus	
1	мальчик (boy)	381	время (time)	1,423,693
2	собака (dog)	236	года (year)	1,067,703
3	собачка (small dog)	110	работы (job)	828,425

4	лягушка (frog)	105	России (Russia)	773,292
5	папа (father)	100	компании (company)	713,094
6	мама (mother)	99	день (day)	660,297
7	варенка (varyonka, boiled condensed milk)	78	области (region)	610,025
8	олень (deer)	76	жизни (life)	565,731
9	дерево (tree)	75	человек (man/person)	486,725
10	булю (buns)	67	системы (system)	477,049

Adjectives with mainly positive meaning appear among the results – *хороший* (good), *добрый* (kind), *красивый* (nice), *настоящий* (real), *уютный* (cozy) *веселый* (happy), and *любимый* (favorite) – confirm that children in both age groups regard each other, themselves and the outer world (most of the questions referred to these spheres of life) in a positive manner. Ten out of 20 reaction words have a definitely positive connotation (Table 5).

Table 5

The 10 most frequent adjectives of the association experiments

	Russian group 3-5yr		Russian group 10-12yrs	
1	маленький (small)	115	маленький (small)	99
2	хороший (good)	95	добрый (kind)	77
3	большой (big)	57	большой (big)	63
4	добрый (kind)	40	хороший (good)	52
5	черный (black)	39	черный (black)	34
6	белый (white)	38	уютный (cozy)	29
7	красивый (nice)	29	плюшевый (plush)	26
8	настоящий (real)	21	веселый (happy)	24
9	плохой (bad)	18	красивый (nice)	22
10	разный (different)	18	любимый (favorite)	22

In contrast with our survey, in both selected corpora *просто* (simple) appears (Table 6): here we note that even though the word itself is in the form of an adverb, we displayed this result as it is very close in meaning and form to *простой* (simple).

Table 6

The 10 most frequent adjectives of selected corpora

	CHILDES Russia corpus		Araneum Russicum Corpus	
1	маленькая (small)	62	просто (simply)	722,367
2	большой (big)	57	необходимо (necessary)	591,914
3	хорошо (well)	53	других (other)	470,530

4	правильно (right)	34	лучше (better)	424,932
5	просто (simply)	23	российской (Russian)	324,028
6	красиво (beautifully)	22	особенно (special)	301,566
7	интересно (interesting)	15	менее (less)	293,435
8	пустая (empty)	11	любой (any)	290,428
9	обязательно (necessary)	10	различных (various)	273,410
10	красная (red)	10	возможно (perhaps)	266,482

Strikingly, seven out of the top 10 verbs totally coincide in both the 3-5 and the 10-12-year-old respondent groups (Table 7) including: *быть* (*be*), *играть* (*play*), *любить* (*love*), *жить* (*live*), *пить* (*drink*), *мочь* (*be able*), and *помогать* (*help*). *Знать* (*know*) is over-represented in the younger respondent group as kindergarten children responded to a relatively high proportion of questions with “*I don’t know*” (*не знаю*).

Table 7

The 10 most frequent verbs of the association experiments

	Russian group 3-5yr		Russian group 10-12yrs	
1	знать (know)	154	играть (play)	59
2	быть (be)	133	жить (live)	33
3	играть (play)	118	быть (be)	27
4	любить (love)	81	мочь (be able)	26
5	жить (live)	74	любить (love)	26
6	пить (drink)	45	пить (drink)	24
7	бывать (be regularly)	42	гулять (walk)	23
8	мочь (be able)	36	понимать (understand)	21
9	помогать (help)	34	ходить (go)	20
10	дружить (be friends)	29	помочь (help)	18

The 0-3-year-old children respondent group – as displayed by Table 8 below – can be characterized by activities of their everyday lives and interaction with their parents (besides the above mentioned reaction words we mention: *можно* (*may*) and *упал* (*has fallen down*)).

Apart from coinciding items (Table 8) – *может* (*may*), *быть* (*be*) – adults more typically apply more abstract and semantically complex lexical items including *является* (*is*), *позволяет* (*allows*), *следует* (*follows*), or *использовать* (*use*).

Table 8

The 10 most frequent verbs of selected corpora

	CHILDES Russia corpus		Araneum Russicum Corpus	
1	будет (will be)	119	может (may)	1,529,045
2	хочу (want)	116	есть (there is)	1,262,757

3	видишь (see)	115	быть (be)	1,223,223
4	надо (must/need)	109	является (is)	894,318
5	делает (does/makes)	100	имеет (has)	724,956
6	посмотри (look)	97	стоит (costs)	471,249
7	сидит (sits)	79	сделать (do)	468,815
8	смотри (look)	57	позволяет (allows)	441,269
9	можно (may)	52	следует (follows)	384,417
10	упал (has fallen down)	52	использовать (use)	319,985

Table 9 summarizes the 10 most frequent words of all four groups investigated. Results include prepositions – *в* (in), *у* (at), *с* (with), *на* (on), *из* (from/of), *для* (for) and *по* (by) –, conjunction words – *и* (and), *а* (and, but) –, negation word – *не* (not) – personal pronouns – *я* (I), *ты* (you) –, and adverb – *всегда* (always), besides others.

Table 9

The 10 most frequent words (excluding nouns, adjectives, verbs) of the association experiment and of selected corpora

	Russian group 3-5yrs		Russian group 10-12yrs		CHILDES Russia corpus		Araneum Russicum Corpus	
1	это (this)	297	с (with)	154	а (but/and)	1803	и (and)	30,834,806
2	не (not)	271	в (in)	140	и (and)	1291	в (in)	29,316,512
3	и (and)	269	не (not)	119	вот (here)	1285	на (on)	14,210,611
4	в (in)	261	и (and)	88	это (this)	1189	не (not)	10,200,118
5	он (he)	146	из (from/of)	82	что (what)	1040	с (with)	9,748,575
6	у (at, in)	132	на (on)	75	я (I)	866	что (what)	6,758,831
7	я (I)	121	моя (my)	45	не (not)	845		6,461,080
8	с (with)	113	очень (very)	43	на (on)	824	по (by)	6,280,415
9	меня (me)	87	я (I)	41	ты (you)	751	а (and/ but)	4,713,449
10	на (on)	83	всегда (always)	36	в (in)	741	как (how)	4,646,735

Conclusions

In this paper, we demonstrated the steps, and the changes in the linguistic competence that occur in the process of ethnic linguistic consciousness formation.

We revealed a remarkable overlapping in the verbal consciousness of 3-5-year-old and 10-12-year-old Russian children represented by more than half – 8 out of 15 – of the most frequent associations in the two age groups including the words: *мама* (mother), *папа* (father), *маленький* (small), *человек* (man), *дом* (home/house), *играть* (play), *большой* (big), *цвет* (color).

We stated that both *mother* and *father* take a privileged role in the 3-5-year-old age group's picture of the world, the association *mother* preceding the word *father*. Parents are less dominantly present in 10-12-year-old Russian children's verbal consciousness, marked by a drop in the position of *mother* and *father* to 8th and 11th places respectively.

The application of CHILDES Russia corpus confirmed the results of the association experiment by reasserting the substantial role of the family indicated by lexical items as *nana (father)* or *мама (mother)*, at the same time revealed that (1) activities in everyday life are equally noteworthy as indicated by the verbs *хочу (want)*, *видишь (see)*, *делает (do)*, *посмотри (look)*, *сидит (sit)*; (2) diminutive forms are present in 3-5-year-old children's image of the world marked by lexemes as *собачка (small dog)*; (3) Russian specificities appeared in the form of lacunae such as *варенка (varyenka, a dessert made of boiled condensed milk)*.

When we contrasted the results of the two association experiments with data of the Araneum Russicum database, we stated that the relatively low level of overlapping items include *big (большой)* in two different forms: *более (more)* and *больше (bigger)*. We furthermore concluded that a remarkable change in the individual's verbal consciousness can be observed between childhood and adulthood marked by multiple differences between results of the association experiments and data of the Araneum Russicum corpus, most unequivocally in the following areas: (1) use of more formal language represented by lexemes *Россия (Russia)*, *компания (company)*, or *области (region)*; (2) a shift from a dominantly positive picture of the world – displayed by such lexical items of the CHILDES corpus as *хорошо (well)*, *правильно (right)*, *красиво (beautifully)* – to a neutral approach; and (3) the linguistic data in all analysed age groups display similar frequency list if we take into account, conjunction words, negation words, personal pronouns, and adverbs.

In general, we can conclude that the application of blended methods by combining the association experiment with Corpus Linguistic methods dynamically and effectively contributed to gaining a clearer picture of the age-related development of Russian language users' verbal consciousness.

All in all, we can state that one of the major trends of Russian psycholinguistics is the study of the phenomenon of the cultural specificity of language consciousness by analyzing cross-linguistic data from free association experiments. New steps should be taken to collect similar data from other languages and cultures to continue with the cross-cultural comparison. The ultimate objective with this and other studies is to map cross-cultural ontologies that would facilitate intercultural communication and promote appreciation of other cultures [Lenart, Markovina, Endroby 2019; Leonard, Ufimtseva, Markovina 2019:111].

References

- Clark, Beverly A. (2000). First- and Second-Language Acquisition in Early Childhood // Issues in Early Childhood Education: Curriculum, Teacher Education, & Dissemination of Information. Proceedings of the Lilian Katz Symposium (Champaign, IL, November 5-7, 2000) <http://ericeece.org/pubs/books/katzsym/clark-b.pdf> (retrieval date: 27.05.2020).
- Cole, M., Cole, Sh. (2001). The Development of Children, 4th ed., Worth Publishers, New York.
- Crystal, D. (2008). A Dictionary of Linguistics & Phonetics. 6th edition. Blackwell.

- Early Years Foundation Stage, 2007, Department for Education and Skills, GB.
- Orsolya, E., Lénárt, I., Markovina, I.* (2020). Vállt vállnak vetve – gyerekek a gyermekkorról. *Gyermeknevelés* [Shoulder-to-shoulder – children about the childhood], 7. 2–3. pp. 125–135. https://gyermeknevelés.elte.hu/gyn_2019-2-3_endrody-lenart-markovina_125-135 (retrieval date: 2020.05.25). (In Hungarian.)
- Francis, W.N., Kucera, H.* (1964). A Standard Corpus of Present-Day Edited American English, for use with Digital Computers Department of Linguistics, Brown University, Providence, Rhode Island, USA. Revised 1971. Revised and Amplified 1979.
- Gosy, M.* (2005). *Pszicholinvisztika* [Psycholinguistics]. Budapest, Osiris Kiadó.
- Griffin, M., Lahman, M., Opitz, M.* (2014). Shoulder-to-shoulder research with children: Methodological and ethical considerations. *Journal of Early Childhood Research*, Vol. 14(1), p. 18–27.
- Kilgarriff, A., Baisa, V., Bušta, J., Jakubiček, M., Kovář, V., Michelfeit, J., Rychlý, P., Suchomel, V.* (2014). The Sketch Engine: ten years on. *Lexicography*, Vol. 1, No. 1, p. 7–36.
- Lenart, I.* (2017). Associations and verbal consciousness: an analysis based on four English and one Hungarian translation of Bulgakov's novel: The Master and Margarita. *Neohelicon*. Vol. 44. P. 487-504.
- Lenart, I.* (2016). Intercultural lacunae in Hungarian-Vietnamese communication with emphasis on entrepreneurial interactions. Doctoral dissertation. Eotvos Lorand University, Budapest.
- Lenart, I., Endrody-Nagy, O., Markovina, I., Makhmutova, A.* (2019). Mapping Russian and Hungarian pre-school children's verbal consciousness: cross-cultural research results // *Journal of Psycholinguistics*. 1(39), p. 118–137.
- Leonard, S.P., Ufimtseva, N.V., Markovina, I.Y.* (2019). Language, consciousness and culture: some suggestions to develop further the Moscow School of Psycholinguistics // *Language and Culture*. No. 47, p. 111–130.
- Leontiev A.A.* (1969). *Psicholingvisticheskie edinitsy i porozhdenie rechevogo vyskazaniia* [Psycholinguistic Units and Speech Generation]. Moscow: Nauka. (In Russian.)
- Leontiev A.N.* (1977). *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Politizdat: Moscow. 304 p. (In Russian.)
- Markovina, I. Y.* (1982). *Vlijanie lingvisticheskikh i jekstralingvisticheskikh faktorov na ponimanie teksta* [The influence of linguistic and extra-linguistic factors on text comprehension]. Dissertation, Moscow. (In Russian.)
- Markovina, I., Sorokin, Y.* (2006). The lacuna phenomenon and the problem of foreign culture comprehension: An experimental study of lacuna elimination strategies. *Panasiuk, I./ Schröder, H.* (Hrsg.). *Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung*. Berlin: LIT Verlag, p. 154-160.
- Panasiuk, I., Schröder, H.* (Hrsg.) *Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung*. Berlin: LIT Verlag, p. 154–160.
- Markovina I.* (2011). *Teoriya lakun v issledovanii problem mezhkulturnogo obscheniya*. *Etnopsicholingvisticheskiye osnovi lakunologii* [The lacuna theory in the investigation of the problems of intercultural communication. Ethnopsycholinguistic basics of lacunology]. LAP LAMBERT Academic Publishing. 212 p.
- McEnery T., Gabrielatos C.* (2006). *English Corpus Linguistics* // *Aarts, B., McMahon, A.* (eds.), *The Handbook of English Linguistics*. P. 33–71. Oxford: Blackwell.

McEnery T. (2018). *Corpus Linguistics: Method, Analysis, Interpretation*. Online course handout. Future Learn. Lanchester University.

Tarasov E.F. (1996). *Mezkulturnoye obshcheniye – novaya ontologiya analiza yazikovogo soznaniya* [Intercultural communication: new ontology of verbal consciousness analysis] // *Etnokulturnaya spetsifika yazikovogo soznaniya* [Ethnocultural specificity of linguistic consciousness]. Moskva: Russian Academy of Science Institute of Linguistics. P.7–22. (in Russian.)

Tognini-Bonelli, E. (2001). *Corpus linguistics at work*. John Benjamins Publishing.

Ufimtseva, N.V. (2014a). *The Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World* // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, Elsevier, Tomsk, 154, p. 36–43.

Ufimtseva, N. V. (2014b). *Russian Psycholinguistics: Contribution to the Theory of Intercultural Communication* // *International communication studies*, vol. XXIII: 1, 2014, P.1–13.

Vigotsky L.S. (1934). *Thinking and Speech* [Thought and Language]. Moscow-Leningrad: State Socio-Economic Publishing House. (In Russian.).

УДК 81'33 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-83-97

ЯЗЫКОВЫЕ РАССТРОЙСТВА У КИТАЙСКИХ ДЕТЕЙ С АУТИЗМОМ¹

Хуан Тяньдэ

Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт европейских языков и культур
Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли
510420, Гуанчжоу, пр. Байюньдао 2, д. 4, офис 205
tiande-88@yandex.ru

Лю Хэншун²

Кандидат психологических наук, доцент
Центр лингвистики и прикладной лингвистики
Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли
510420, Гуанчжоу, пр. Байюньдао 2, д. 8, офис 103
H120006@e.ntu.edu.sg

Языковое расстройство является одним из основных симптомов аутизма. В настоящее время исследований языкового расстройства у китайских детей с аутизмом ещё мало. Данная статья посвящена характеристике фонетических, семантических, синтаксических и прагматических особенностей речи китайских детей с аутизмом в целях выявления их типичных языковых расстройств с учётом специфики китайского языка. Связанная с этим теоретическая и прикладная лингвистическая информация призвана содействовать развитию патологической лингвистики и языковой реабилитации.

Ключевые слова: китайские дети с аутизмом, языковое расстройство, речевая характеристика, патологическая лингвистика, языковая реабилитация

Введение

Аутизм (расстройства аутистического спектра, РАС) – это неврологическое нарушение развития человека, характеризующееся разнообразными симптомами и различными формами проявления. Согласно пятому изданию Американского статистического руководства по психическим расстройствам [Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, DSM-V], клиническими проявлениями аутизма являются в основном языковое расстройство, расстройство, связанное с поведением в обществе (часто сопровождающееся повторяющимся поведением), узкий интерес и т.п. Аутизм трудно вылечить. Если у ребёнка диагностирован аутизм, это означает, что в его жизни появятся языковые, социальные и коммуникационные барьеры, которые создадут ему большие неудобства.

Последние статистические данные о распространённости расстройств аутистического спектра (ASD), опубликованные Центром США по контролю и профилактике заболеваний (CDC) в 2018 году, свидетельствуют, что из 59 детей один – с аутизмом.

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта в области гуманитарных и социальных наук Министерства образования КНР (№ 19YJC740045): 本文系中国教育部人文社科青年基金项目《汉语自闭症谱系障碍对含意理解的影响因素研究》(项目批准号: 19YJC740045)的阶段性研究成果。

² Автор-корреспондент.

В 2016 году – один ребёнок из 68. В Китае первый и пока последний отчёт об аутизме вышел в 2014 году; в нём сообщается, что в настоящее время в стране насчитывается более 10 миллионов людей с аутизмом, а число детей в возрасте до 14 лет, имеющих данный диагноз, может превышать 2 миллиона. Тем не менее, 98,7% населения не получили необходимой информации на эту тему, диагноз более, чем половине детей, не был поставлен вовремя, и поэтому было упущено наиболее подходящее время для вмешательства. Это привело к развитию следующих проблем: 1) слабые познавательные способности, затруднённое восприятие информации, неспособность выразить мысль своими словами; 2) много поведенческих проблем, отсутствие самоконтроля поведения; 3) плохая способность к самообслуживанию, неспособность жить самостоятельно и интегрироваться в школу и в общество в целом. Данными обстоятельствами обусловлена актуальность настоящей статьи. *Цель работы* – исследовать речевые характеристики на уровнях фонетики, семантики, синтаксиса и прагматики у китайских детей с аутизмом, предоставить дополнительный материал для исследований в области реабилитации языковых расстройств, тем самым содействовать развитию теории и практики патологической лингвистики и языковой реабилитации. *Задачи работы*: 1) проанализировать современное состояние исследований языковых расстройств детей с аутизмом в Китае; 2) описать фонетические, семантические, синтаксические и прагматические особенности языкового развития китайских детей с аутизмом; 3) разработать практические советы по совершенствованию исследований языковых расстройств у детей с аутизмом и охарактеризовать общие перспективы развития патологической лингвистики и языковой реабилитации. *Научная новизна*: китайский язык имеет специфические лингвистические и культурные характеристики, релевантные в аспекте рассматриваемой проблематики. Исследований языковых расстройств у китайских детей с аутизмом ещё крайне мало, а литература о языковых расстройствах у детей вообще не в полной мере отражает соответствующие особенности именно китайских детей с аутизмом. Предлагаемая статья призвана восполнить этот пробел.

Степень изученности темы языковых расстройств в Китае

В 2016-ом году Ли Цзиньюнь и Лэй Цзянхуа опубликовали статью «Новый шаг в исследовании языковых расстройств у детей с аутизмом (1996–2015)» [Ли, Лэй 2016: 27-33]. Авторы статьи выполнили статистический анализ научной литературы по языковым расстройствам у детей с аутизмом в Китае, изданной в период с 1996 по 2015 гг., в пяти аспектах: количество работ, исследователи, тематика, методы и содержание исследований. В данной работе отмечается, что в течение этих двадцати лет опубликовано только двадцать статей в авторитетных журналах, в период же с 1996 по 2005 появилось лишь две статьи. Главными исследовательскими центрами являются университеты, при этом ощущается недостаточность участия в данных исследованиях современных специалистов и значительные региональные различия с доминированием университетов Восточного Китая. Основным методом исследования – анализ зарубежной научной литературы; эмпирические методы используются редко. В имеющихся эмпирических исследованиях, экспериментальные материалы представляют собой в основном результаты редактирования китайских данных, в которых отсутствуют единые стандарты.

Мы осуществили поиск новейших работ (2015-2019) в Китайской научной электронной библиотеке [Электронный ресурс] по ключевым словам «дети с аутизмом» и «языковое расстройство». Всего была найдена 41 работа; 11 из них посвящены кли-

нической практике в области языковой реабилитации (опубликованы в медицинских журналах). В пяти статьях рассматривается влияние музыки на состояние языкового расстройства у детей с аутизмом, в трёх работах обсуждается создание системы оценки уровня языкового развития детей с аутизмом. Лишь двадцать статей о языковом расстройстве у детей с аутизмом носят лингвистический характер. На этом фоне расширение и углубление лингвистических исследований языкового расстройства у китайских детей с аутизмом представляется совершенно необходимым.

Фонетическое расстройство

Развитие фонетических навыков у детей с аутизмом происходит крайне медленно. Дети с низкофункциональным аутизмом часто не могут овладеть разговорной речью. Дети с высокофункциональным аутизмом могут продуцировать и понимать устную речь, но очень ограниченно [Ли, Чжоу 2006: 60]. На фонетическом уровне у них возникают такие ошибки, как замены, пропуски, сокращения, добавления звуков и т.п. Стоит отметить, что примеры ниже основаны на нашем собственном анализе. Например, произнесение «d» вместо «zh» – «dāng lǎo shī» вместо 张老师/zhāng lǎo shī «преподаватель Чжан», «shu» вместо «shi»; пропуск звука – произнесение «rao» как «ao»; сокращение «dao» в «da»; добавление – 飞机/fei ji «самолёт» звучит как «hwei ji». В современном китайском литературном языке существует тоновая система, включающая четыре тона: первый тон (Иньпин, “ā”), второй тон (Янпин, “á”), третий тон (Шаншен, “ǎ”) и четвёртый тон (Цюшен, “à”). Овладение третьим тоном является самой трудной задачей для китайских детей с аутизмом, дальше – освоение второго и четвёртого тонов. По этой причине большинство китайских детей с аутизмом используют первый тон вместо остальных тонов. Например, при произнесении предложения: 妈妈，我想喝水/Māmā wǒ xiǎng hē shuǐ «Мама, я хочу пить» они будут использовать первый тон вместо третьего. У китайских детей с аутизмом представлены различные степени языкового расстройства в процессе усвоения китайских тонов; подобным образом для русских детей самое сложное – это ударение в словах русского языка. Речь детей с аутизмом отличается от речи обычных детей и другими просодическими характеристиками: произнесение фраз преимущественно плавное, тон механический, высота звука используется недостаточно, отсутствуют мелодичность и чёткость артикуляции. Контроль громкости речи ослаблен, поэтому иногда издается резкий крик [Пань 2016: 25]. Паузы у китайских детей с аутизмом в основном возникают внутри предложения и не связаны с его семантическим и синтаксическим членением. Например, фраза 我叫黄晓明/Wǒ jiào huáng xiǎo míng «Меня зовут Хуан Сяомин» может быть произнесена так: 我(пауза)叫黄(пауза)晓明/«Меня (пауза) зовут Хуан (пауза) Сяомин».

Семантическое расстройство

Понимание смысла речи означает соотнесение слов с внешней средой [Ван 2014: 15]. Объём лексики, приобретаемой детьми с аутизмом, не слишком отличается от лексического запаса у обычных детей. Однако у детей с аутизмом представлено расстройство семантизации речи; они не могут правильно оперировать семантическими структурами, не могут связывать значения слов и стоящие за ними понятия с реальным миром. Кроме того, у них замедлен процесс рецепции речи, что приводит к трудностям в семантизации слов, поэтому часто они не могут понять общего значения высказывания, не могут сопоставить высказывание с действительностью. Таким образом, расстройство понимания речи обуславливает появление трудностей в социальной коммуникации. Например, у детей с аутизмом осложнено понимание слов, обозначаю-

щих психические процессы и состояния, такие, как «了解/liǎo jiě (“знать”)», «想/xiǎng (“думать”)», «明白/míng bai (“понимать”)», «感觉/gǎn jué (“чувствовать”)», «意/tóng yì (“соглашаться”)», и грамматических вспомогательных единиц, таких, как «着/zhe» (частица, указывает на продолжение действия или непрерывность состояния), «了/le» (частица, указывает на завершённость действия или изменения), «过/guò» (частица, в значении “раньше” или “уже”). Китайские дети с аутизмом употребляют данные слова в меньшей степени.

Синтаксическое расстройство

28 мая 2020-го года мы пригласили трех детей с аутизмом семи лет и трех обычных детей такого же возраста. Все они носители китайского языка. Мы провели эксперимент об особенностях составления предложений при аутизме. В начале эксперимента мы показали всем детям один и тот же рисунок, на котором была изображена семья, и попросили их описать данный рисунок, пообещав им награду за хороший ответ. Через минуту мы попросили детей начать рассказ. Результаты показали, что дети с аутизмом использовали короткие предложения и часто делали паузы, меняли порядок слов, часто упустили глаголы в простых предложениях, делали ошибки в лексических сочетаниях, и в целом с трудом воспроизводили фразы. И хотя в данном эксперименте принимало участие не так много испытуемых, тем не менее в определенной степени мы можем проследить, что к синтаксическим особенностям речи китайских детей с аутизмом относятся: короткие предложения, менее развитая лексика (в сравнении с обычными детьми того же возраста). Процессы и их последовательность в развитии лексики у детей с аутизмом примерно те же, что и у обычных детей. Механизм овладения языком у них аналогичен механизму овладения языком у обычных детей, но уровень развития речи гораздо ниже. Речи детей с аутизмом свойственно: короткие и синтаксически примитивные предложения; нередко изменение порядка слов в предложении на противоположный; использование простых синтаксических конструкций, понимание сложных и осложнённых предложений, а также выражение мыслей с их помощью крайне затруднены. Преобладают повествовательные предложения, восклицательные и вопросительные предложения встречаются реже, сфера использования грамматики узка. Структура грамматики проще, чем у обычных детей того же возраста. Дети с аутизмом не могут использовать грамматические средства языка свободно, часто используют их неправильно. Таким детям не удаётся достичь уровня владения грамматикой, характерного для речи обычных детей. Цзин Вэй и Фан Цзюньмин подчёркивают, что поскольку освоение грамматики детьми с аутизмом основано на подражании, они обычно применяют стратегию гештальт-обучения, в результате чего развитие грамматического строя их речи остаётся на низком уровне [Цзин, Фан 2011: 53–58].

Прагматическое расстройство

Прагматическое расстройство у детей с аутизмом проявляется в трёх феноменах: в коммуникативном аспекте, в разговорных навыках и в дискурсивной компетенции [Ли, Чжоу 2006: 60–66]. Стоит отметить, что примеры, приведенные ниже, основаны на нашем собственном анализе.

1) Коммуникативный акт. Дети с аутизмом могут использовать язык, чтобы выразить свои требования подобно обычным детям, но при этом отсутствуют социально ориентированные компоненты речи, например, комментарий, презентация, благодарность, информация в связи с запросом и т.д. Они редко комментируют текущие или прошлые действия, не предоставляют новой информации, не склонны выражать

свои намерения. Кроме того, для них невозможно свободное обсуждение любых тем, часто они говорят только в ситуации непосредственного руководства со стороны родителей. Типичный диалог: ребёнок с аутизмом: «Я простудился». Собеседник: «Ты ходил к врачу?» Ребёнок с аутизмом: «Мне нужно к тётке, потому что она в больнице».

2) Разговорные навыки. Большинство детей с аутизмом не знает, как шутить, не владеет понятием юмора. Нежелание что-то делать они обычно выражают плачем, криком или даже причиняют себе боль. У них слабая способность к участию в общении, они общаются в основном тогда, когда другие дети проявляют соответствующую инициативу. Например, обычный ребёнок спрашивает: «Можно посмотреть твои часы?». Реакция ребёнка с аутизмом на данный вопрос-просьбу – крик.

3) Дискурсивная компетенция. Дети с аутизмом часто говорят неопределённо, расплывчато, употребляют много неуместных слов, нарушают логику разговора и прагматические правила. Слушателям бывает очень трудно их понять. Например, вопрос: «Ты хочешь пойти в зоопарк?». Ответ ребёнка с аутизмом: «Вчера в парке я видел одну собаку».

Заключение

Языковое расстройство у китайских детей с аутизмом проявляется в следующем:

- 1) Фонетическое расстройство. Существуют очевидные проблемы со скоростью речи, артикуляцией и употреблением звуков, а также с просодией. В сфере звуков представлены такие ошибки, как замена, пропуск, сокращение и добавление звука. Что касается интонации, третий тон – самый трудный для детей с аутизмом, они часто заменяют его первым тоном. Кроме того, они могут делать неуместные паузы в предложениях, что способно вызвать эффект двусмысленности.
- 2) Семантическое расстройство. Словарный запас у детей с аутизмом меньше, чем у обычных детей. Дети с аутизмом преимущественно владеют словами с одним лексическим значением, с трудом понимают многозначные слова, синонимы и фразеологизмы; часто создают новые непонятные слова. Лексические значения слов и понятия не формируют системы в их сознании.
- 3) Синтаксическое расстройство. Структура предложения сокращается, а функциональные слова элиминируются вследствие ограниченности способностей логического мышления.
- 4) Прагматическое расстройство. Главные речевые проблемы у детей с аутизмом связаны с прагматическим аспектом речевой деятельности. Дети с аутизмом менее активно разговаривают, часто даже не могут чётко выразить свои потребности, мысли, мнения с помощью слов, которые они выучили. Понимание их речи может быть затруднительно. Некоторые дети используют созданные ими слова или словосочетания для выражения тех или иных стандартных значений.

На основе вышеупомянутых результатов исследования, мы попробуем предоставить некоторые советы для языковой реабилитации китайских детей с аутизмом.

- 1) Тренировка подражания произношения. Научить детей с аутизмом, как использовать свои ротовые мышцы и как выдохнуть, что позволит им освоить правильные навыки произношения. Особенно необходимо многократно тренировать третий тон.
- 2) Тренировка лексики. Необходимо разделить изучение лексики на несколько этапов: сначала изучать очень простые слова, которые непосредственно употребляются в бытовой жизни, далее можно использовать лексические карточки с китайским языком, связать эти карточки с реальными предметами, чтобы научить детей употреблять имя существительное. После этого можно просить их выполнить какие-то задачи, например, са-

даться, прийти, пить, включить телевизор, выключить свет и т.д., чтобы научить детей владеть глаголами. 3) Тренировка составления предложений. Можно играть с детьми в какие-то игры, например, дать им интересные рисунки с цветами и попросить детей описать их, используя краткие предложения. Естественно, вышеупомянутые методы будут эффективны только при интенсивных и регулярных занятиях.

Языковое расстройство у китайских детей ещё недостаточно исследовано. Зарубежная научная литература едва ли может всесторонне отразить речевые характеристики китайских детей с аутизмом, поскольку китайский язык имеет свои интралингвистические и культурные особенности. В связи с этим представляется необходимым активизировать исследования в области аутистической лингвистики в Китае. Данное научное направление нацелено на выявление основных особенностей речи китайских детей с аутизмом, анализ их специфических когнитивных характеристик, установление сходств и различий в речевой деятельности детей с аутизмом, говорящих на разных языках, создание лингвистического обеспечения решения задач патологической лингвистики и языковой реабилитации.

Литература

(перевод списка литературы с китайского языка на русский и английский языки – авторский)

陈瓊, 孟燕. 歌唱训练在孤独症儿童语言障碍干预中的应用 // 乐山师范学院学报. 2018年.第8期. 第119-122+140页. (Чен Ин, Мэн Ян. Применение музыки в коррекции языковых расстройств у детей с аутизмом // Вестник Лешанского педагогического университета. 2018. № 8. С. 119–122 + 140.)

常欣, 刘雨婷等. 音乐干预对自闭症儿童语言障碍的影响 // 心理科学进展. 2016年.第9期. 第1391-1397页. (Чан Синь, Лю Ютинь и др. Влияние музыкотерапии на языковые расстройства у детей с аутизмом // Достижения в области психологии. 2016. № 9. С. 1391–1397.)

陈俪媛. 超音段特征应用于自闭症儿童语言障碍的音乐治疗个案研究 // 武汉音乐学院硕士学位论文. 2018年. 85页. (Чэнь Лиюань. Исследование применения супрасегментных методов в музыкальной терапии для аутичных детей с нарушениями речи // Диссертация на соискание ученой степени магистра. Ухань: Уханьский музыкальный институт. 2018. 85 с.)

段玄锋, 郑月霞. 自闭症儿童语言障碍表现及训练方法综述 // 现代特殊教育. 2015年.第4期. 第41-45页. (Дуань Сюаньфэн, Чжэн Юэся. Краткое изложение результатов и методов обучения детей с аутизмом // Современное специальное образование. 2015. № 4. С. 41–45.)

冯鹏飞. 小儿智力糖浆联合综合康复训练对孤独症儿童语言障碍的疗效分析 // 中国药业. 2017年. 第11期. 第72-74页. (Фень Пэнфэй. Анализ лечебного эффекта «детского интеллектуального сиропа» в сочетании с комплексом реабилитационных мероприятий при лечении языковых расстройств у детей с аутизмом // Фармацевтическая промышленность Китая. 2017. № 11. С. 72–74.)

郭强, 刘巧云等. ICF-CY在学龄前自闭症儿童语言障碍评估中的个案研究 // 中国听力语言康复科学. 2019年. 第6期. 第413-416页. (Го Цян, Лю Цяюнь и др. Применение международной классификации ICF-CY при оценке языковых расстройств у детей дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра // Китайский научный журнал по проблемам восстановления слуха и речи 2019. № 6. С. 413–416.)

黄碧嫣. 例谈自闭症儿童语言交往障碍的康复训练 // 现代特殊教育. 2016年. 第9期. 第64-65页. (Хуан Биян. О реабилитации аутичных детей с нарушениями речевой коммуникации // Современное специальное образование. 2016. № 9. С.64–65.)

荆伟, 方俊明. 自闭症谱系障碍儿童词语习得研究述评 // 中国特殊教育. 2011年. 第10期. 第53–58页. (Цзин Вэй, Фан Цзюньмин. Обзор исследований освоения лексики детьми с расстройствами аутистического спектра // Китайское специальное образование. 2011. №10. С.53–58.)

贾晓旭, 于妍. 自闭症儿童语言障碍类型及训练策略分析 // 绥化学院学报. 2018年. 第4期. 第98-101页. (Цзя Сяосю, Юй Ян. Типы языковых расстройств и стратегий обучения детей с аутизмом // Вестник Института Суйхуа. 2018. № 4. С. 98–101.)

晋培鹤, 耿香菊. 66名学龄自闭症儿童语言障碍表现及其教育训练对策 // 中国校医. 2018年. 第12期. 第927–928+933页. (Джин Пэйхэ, Гэн Сянчжу. Показатели языковых расстройств у 66 детей школьного возраста с аутизмом и стратегии их обучения и подготовки // Китайский школьный врач. 2018. № 12. С. 927–928 + 933.)

李石军. 口部肌肉训练和感知训练治疗孤独症儿童语言交流障碍的疗效 // 医学信息. 2019年. 第12期. 第118–119页. (Ли Шицзюнь. Влияние тренировки мышц полости рта и тренировки восприятия реальности на лечение расстройства речевой коммуникации у детей с аутизмом // Медицинская информация. 2019. № 12. С. 118–119.)

李珊. 运用语义和语境配对设计对自闭症儿童词汇理解障碍的干预研究 // 南京师范大学硕士学位论文. 2018年. 55页. (Ли Шан. Клиническое исследование семантического и контекстно-парного проекта нарушения лексического восприятия у детей с аутизмом // Диссертация на соискание степени магистра. Нанкин: Нанкинский педагогический университет. 2018. 55 с.)

李曙光. 乔姆斯基与福柯理论视域下自闭症儿童语言障碍 // 南京师大学报 (社会科学版). 2016年. 第5期. 第112–119页. (Ли Шугуан. Взгляд на языковые расстройства у детей с аутизмом с позиции теорий Хомского и Фуко // Вестник Нанкинского педагогического университета (Серия социальной науки). 2016. № 5. С. 112–119.)

连翔. 谈自闭症儿童语言障碍早期干预的伦理观——基于关怀伦理学视角 // 贵州工程应用技术学院学报. 2015年. 第6期. 第98–103页. (Лян Сян. Об этике раннего вмешательства при языковых расстройствах у детей с аутизмом - на основе этического подхода // Вестник Гуйчжоуского инженерно-технологического института. 2015. № 6. С. 98–103.)

连翔. 自闭症儿童语言障碍的学习支持效果之比较分析——基于主客体互倚模型 // 贵州工程应用技术学院学报. 2016年. 第5期. 第60-65页. (Лян Сян. Сравнительный анализ влияния обучения на языковые расстройства у детей с аутизмом – на основе модели взаимозависимости субъект-объект // Вестник Гуйчжоуского инженерно-технологического института. 2016. № 5. С. 60–65.)

连翔. 《自闭症语言障碍早期干预课程研究》课题结题报告 // 儿童发展研究. 2017年. 第2期. 第51–57页. (Лян Сян. Отчет об исследованиях по теме «Методика раннего вмешательства при лечении языковых расстройств детей с аутизмом» // Исследования развития ребёнка. 2017. №2. С. 51–57.)

连翔. 自闭症儿童语言障碍个案干预效果之比较分析——基于关键反应训练 (PRT) // 陕西学前师范学院学报. 2017年. 第4期. 第69-74页. (Лян Сян. Сравнительный анализ видов лечения языковых расстройств у детей с РАС – на основе методики обучения опорным навыкам (PRT) // Вестник Шэньсиского дошкольного педагогического института. 2017. № 4. С. 69–74.)

李晓燕, 周兢. 自闭症儿童语言发展研究综述 // 中国特殊教育. 2006年. 第12期. 第60–66页. (Ли Сяоян, Чжоу Дин. Обзор исследований языкового развития детей с аутизмом // Китайское специальное образование. 2006. №12. С.60–66.)

李静郎, 雷江华. 自闭症儿童语言障碍研究新进展 (1996—2015) // 现代特殊教育. 2016年. 第10期. 第27–33页. (Ли Цзинюнь, Лэй Цзяньхуа. Новый шаг в исследовании языковых расстройств у детей с аутизмом (1996–2015) // Современное специальное образование. 2016. №10. С.27–33.)

马新歌. 自闭症儿童语言障碍问题的个案工作介入 // 江西财经大学硕士论文. 南昌. 2018年. 51页. (Ма Сингэ. Индивидуальная социальная работа по взаимодействию с аутичными детьми с языковыми проблемами // Диссертация на соискание степени магистра. Наньчан: Университет финансов и экономики Цзянси. 2018. 51 с.)

马东梅, 姜志梅等. 孤独症谱系障碍儿童语言功能评估探析 // 中国听力语言康复科学. 2019年. 第3期. 第175–178页. (Ма Доньмей, Цзян Чжэимей и др. Анализ оценки языковой функции у детей с расстройствами аутистического спектра // Китайский научный журнал по проблемам восстановления слуха и речи. 2019. № 3. С. 175–178.)

潘氏茶楣. 走出孤独: 自闭症儿童的语言障碍特征分类、评估及康复研究: 吉林大学硕士学位论文. 长春. 2016年. 145页. (Пань Ши Ча Мэй. От одиночества: классификация, оценка и лечение типов языковых расстройств у детей с аутизмом // Диссертация на соискание степени магистра. Чанчунь: Цзилиньский университет. 2016. 145с.)

宋姗姗, 静进等. 孤独谱系障碍儿童语言能力特点及早期影响因素 // 中国儿童保健杂志. 2015年. 第3期. 第278–280页. (Сон Шаньшань, Цзин Цзинь и др. Характеристики языковых способностей детей с расстройствами аутистического спектра и факторы раннего влияния // Китайский журнал здоровья детей. 2015. № 3. С.278–280.)

田利媛. 音乐干预疗法对自闭症患儿语言障碍的康复效果分析 // 临床研究. 2018年. 第9期. 第108–109页. (Тянь Лиюань. Анализ влияния музыкальной интервенционной терапии на реабилитацию языковых расстройств у детей с аутизмом // Клинические исследования. 2018. № 9. С. 108–109.)

谭慧. 体育游戏对孤独症儿童沟通行为的影响研究 // 湖南师范大学硕士论文. 长沙. 2017年. 80页. (Тан Хуэй. Исследование влияния спортивных игр на коммуникативное поведение детей с аутизмом // Диссертация на соискание степени магистра. Чанша: Хунаньский педагогический университет. 2017. 80 с.)

吴念. 孤独症语言交流障碍患儿采用口肌训练和感知训练治疗的效果对比 // 中国医学工程. 2018年. 第7期. 第63–65页. (Ву Нянь. Сравнение влияния тренировки мышц полости рта и тренировки восприятия реальности у детей с аутистическим расстройством языковой коммуникации // Китайская биомедицинская инженерия. 2018. № 7. С. 63–65.)

王静, 李靖婕等. 靳三针治疗自闭症患儿语言发育障碍疗效观察 // 中国继续医学教育. 2015年. 第22期. 第159–160页. (Ван Цзин, Ли Цзинцзе и др. Наблюдение за лечебным эффектом трехточечного иглокальвания внутренней поверхности лодыжки на лечение расстройств языкового развития у детей с аутизмом // Китайское дальнейшее медицинское образование. 2015. № 22. С. 159–160.)

王淼. 自闭症儿童语言障碍表现及康复训练研究 // 黑龙江教育学院学报. 2016年. 第2期. 第93–94页. (Ван Мяо. Исследование проявления языковых расстройств и видов лечения детей с аутизмом // Вестник Хэйлунцзянского педагогического института. 2016. №2. С. 93–94.)

王寅·语义理论与语言教学 // 上海: 上海外语教育出版社, 2014年. 413页。(Ван Инь. Семантическая теория и преподавание языка // Шанхай: Издательство образования в сфере иностранных языков в Шанхае, 2014. 413с.)

吴铭. 汉语自闭症儿童的语言障碍 // 陕西学前师范学院学报. 2018年. 第11期. 第109–112页。(Ву Мин. Языковые расстройства у китайских детей с аутизмом // Вестник Шэньсийского дошкольного педагогического института. 2018. № 11, С. 109–112.)

吴铭. 自闭症儿童的语言障碍 // 四川职业技术学院学报. 2018年. 第4期. 第120–125页。(Ву Мин. Языковые расстройства у детей с аутизмом // Вестник Сычуаньского профессионально–технического института. 2018. №4. С. 120–125.)

肖诚. 基于语言障碍的孤独症儿童教育策略研究 // 课程教学研究. 2017年. 第10期. 第35–37页。(Сяо Чень. Исследование стратегий обучения детей с аутизмом в зависимости от типов их языковых расстройств // Курс педагогических исследований. 2017. № 10. С. 35–37.)

杨峰, 周家秀等. 高功能孤独症儿童汉语普通话语言感知能力障碍的初步研究 // 中国儿童保健杂志. 2015年. 第12期. 第1287–1290页。(Ян Фэн, Чжоу Цзясиу и др. Предварительное исследование нарушения восприятия речи у китайских детей с высокофункциональным аутизмом // Китайский журнал здоровья детей. 2015. № 12. С. 1287–1290.)

杨婉玲. 自闭症儿童语言康复训练的思考 // 教育教学论坛. 2019年. 第10期. 第251–252页。(Ян Ванлин. Размышления о методах лечения языковых расстройств у детей с аутизмом // Образовательно–педагогический форум. 2019. № 10. С. 251–252.)

张晓宇, 吕孟丹等. 口部肌肉按摩联合感知训练治疗孤独症儿童语言交流障碍的临床价值分析 // 四川解剖学杂志. 2019年. 第1期. 第82–83页。(Чжан Сяоюй, Лу Мендан и др. Клинической анализ ценности массажа полости рта в сочетании с тренировкой восприятия реальности в лечении нарушений языковой коммуникации у детей с аутизмом // Сычуаньский журнал по анатомии. 2019. № 1. С. 82–83.)

张艳敏, 段佳丽. 小儿智力糖浆联合综合康复训练对孤独症儿童语言障碍的效果分析 // 北方药学. 2018年. 第8期. 第193页。(Чжан Яньминь, Дуань Цзяли. Анализ влияния «интеллектуального сиропа» в сочетании с реабилитационными мероприятиями на лечение нарушений языковой коммуникации у детей с аутизмом // Северная фармация. 2018. № 8. С. 193.)

张艳军. 口部肌肉训练和感知训练治疗孤独症儿童语言交流障碍的疗效观察 // 齐齐哈尔医学院学报. 2016年. 第36期. 第4541–4542页。(Чжан Яньцзюнь. Терапевтический эффект массажа полости рта в сочетании с тренировкой восприятия реальности при лечении языковых расстройств у детей с аутизмом // Вестник Цицикарского медицинского института. 2016. № 36. С. 4541–4542.)

张莹. 孤独症儿童语言障碍给予小儿智力糖浆及综合康复训练的整体效果研究 // 中国处方药. 2018年. 第5期. 第138–139页。(Чжан Ин. Исследование влияния «интеллектуального сиропа» в сочетании с комплексной реабилитацией на лечение аутичных детей с нарушениями речи // Китайские рецептурные препараты. 2018. № 5. С. 138–139.)

朱丹. 小儿智力糖浆联合综合康复训练对孤独症儿童语言障碍的临床疗效 // 医学信息. 2019年. 第14期. 第149–150页。(Чжу Дан. Клиническая эффективность «интеллектуального сиропа» в сочетании с комплексной программой по лечению языковых расстройств у детей с аутизмом // Медицинская информация. 2019. № 14. С. 149–150.)

朱玉冰. 自闭症儿童语言发展问题研究综述 // 吉林大学硕士论文. 2017年. 41页. (Чжу Юбин. Обзор исследований по развитию речи у детей с аутизмом // Диссертация на соискание степени магистра. Чанчунь: Цзилиньский университет. 2017. 41 с.)

周念莹. “气一元论”辨治中重度语言障碍自闭症思路探讨与疗效观察 // 南方医科大学硕士论文. 2015年. 75页. (Чжоу Няньин. Размышления о возможности лечения аутизма с языковыми расстройствами средней и тяжелой степени с помощью «Монизма Ци» // Диссертация на соискание степени магистра. Гуанчжоу: Южный медицинский университет. 2015. 75 с.)

郑方莉, 金云叶. 头针在自闭症儿童语言障碍康复治疗中的疗效观察 // 中医儿科杂志. 2016年. 第3期. 第68–70页. (Чжэн Фаньли, Джин Юнье. Клиническая эффективность иглокалывания кожи головы при лечении нарушений речи у детей с аутизмом // Педиатрия традиционной китайской медицины. 2016. № 3. С. 68–70.)

张秋, 王玉龙等. 音乐结合语言训练治疗儿童孤独症语言交流障碍的疗效观察 // 吉林医学. 2015年. 第18期. 第4151–4153页. (Чжан Цю, Ван Юлун и др. Наблюдение лечебного эффекта музыки в сочетании с языковой терапией у детей с аутистическим расстройством языковой коммуникации // Медицина Цзилинь. 2015. № 18. С.4151–4153.)

张瑞先, 项喜兵等. 自闭症儿童语言发展障碍的表现及机制探讨 // 《临床心身疾病》杂志编辑部专题资料汇编. 2015年. 第390–391页. (Чжан Жуйсянь, Сян Сибин и др. Проявления аутистического расстройства и механизм нарушения языкового развития у детей с аутизмом // Сборник отдела редакции Журнала «Клинических психосоматических заболеваний». 2015. С. 390–391.)

中国知网 (Китайская научная электронная библиотека) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Cnki.net/> (дата обращения: 05.12.2019)

LANGUAGE DISORDERS IN CHINESE AUTISTIC CHILDREN

Huang Tiande

PhD in Philology

Faculty of European Languages & Cultures

Guangdong University of Foreign Studies

2 Baiyun North Avenue, Guangzhou, the People's Republic of China 510420

tiande-88@yandex.ru

Liu Hengshuang

PhD in Psychology

Center for Linguistics and Applied Linguistics

Guangdong University of Foreign Studies

2 Baiyun North Avenue, Guangzhou, the People's Republic of China 510420

H120006@e.ntu.edu.sg

One of the key symptoms of autism is a language disorder. However, there are still few studies of language disorders in Chinese children with autism. Thus, taking into consideration the characteristics of the Chinese language, the authors of the article attempt to identify the phonetic, semantic, syntactic, and pragmatic aspects of speech features

peculiar to Chinese autistic children. We hope the results of the article will deepen our understanding of language disorders in Chinese autistic children and help develop pathological linguistics and language rehabilitation.

Keywords: Chinese autistic children, language disorders, speech features, pathological linguistics, language rehabilitation

References

Chen Ying, Meng Yan. Ge chang xun lian zai gu du zheng er tong yu yan zhang ai gan yu zhong de ying yong. [The use of music in the correction of language disorders in children with autism]. Le shan shi fan xue yuan xue bao. [Journal of Leshan Normal University]. 2018 nian. Di 8 qi. Di 119–122+140 ye. (In Chinese).

Chang xin, Liu Yuting deng. Yin yue gan yu dui zi bi zheng er tong yu yan zhang ai de ying xiang. [The effect of musical interference on language disorders in children with autism]. Xin li ke xue jin zhan. [Advances in Psychological Science]. 2016 nian. Di 9 qi. Di 1391–1397 ye. (In Chinese).

Chen Liyuan. Chao yin duan te zheng ying yong yu zi bi zheng er tong yu yan zhang ai de yin yue zhi liao ge an yan jiu. [A case study in music therapy: applying supra-segmental features to autistic children with language disorders]. Wu han yin yue xue yuan shuo shi lun wen. [Master's thesis of Wuhan Conservatory of Music]. 2018 nian. 85 ye. (In Chinese).

Duan Xuanfeng, Zheng Yuexia. Zi bi zheng er tong yu yan zhang ai biao xian ji xun lian fang fa zong shu. [Review on the performance and training methods of the language disorder for children with autism]. Xian dai te shu jiao yu. [Journal of Modern Special Education]. 2015 nian. Di 4 qi. Di 41–45 ye. (In Chinese).

Feng Pengfei. Xiao er zhi li tang jiang lian he zong he kang fu xun lian dui gu du zheng er tong yu yan zhang ai de liao xiao fen xi. [Effect of children's intelligence syrup combined with comprehensive rehabilitation training for treating communication barrier of autistic children]. Zhong guo yao ye. [Chinese Pharmaceutics]. 2017 nian. Di 11 qi. Di 72–74 ye. (In Chinese).

Guo Qian, Liu Qiaoyun deng. ICF–CY zai xue ling qian zi bi zheng er tong yu yan zhang ai ping gu zhong de ge an yan jiu. [Application of ICF–CY in the assessment of language disorder in preschool children with autism spectrum disorder]. Zhong guo ting li yu yan kang fu ke xue. [Chinese Scientific Journal of Hearing and Speech Rehabilitation]. 2019 nian. Di 6 qi. Di 413–416 ye. (In Chinese).

Huang Biyan. Li tan zi bi zheng er tong yu yan jiao wang zhang ai de kang fu xun lian. [The rehabilitation intervention of language disorder in autistic children]. Xian dai te shu jiao yu. [Journal of Modern Special Education]. 2016 nian. Di 9 qi. Di 64–65 ye. (In Chinese).

Jing Wei, Fang Junming. Zi bi zheng pu xi zhang ai er tong ci yu xi de yan jiu shu ping. [A review of the researches into word learning by children with autistic spectrum disorder]. Zhong guo te shu jiao yu. [Chinese Journal of Special Education]. 2011 nian. Di 10 qi. Di 53–58 ye. (In Chinese).

Jia Xiaoxu, Yu Yan. Zi bi zheng er tong yu yan zhang ai lei xing ji xun lian ce lue fen xi. [Analysis of language barrier types and training strategies for children with autism]. Sui hua xue yuan xue bao. [Journal of Suihua University]. 2018 nian. Di 4 qi. Di 98–101 ye. (In Chinese).

Jin Peihe, Geng Xianju. 66 ming xue ling zi bi zheng er tong yu yan zhang ai biao xian ji qi jiao yu xun lian dui ce. [Language impairment and educational training strategies for 66 school - aged children with autism]. *Zhong guo xiao yi.* [Chinese Journal of School Doctor], 2018nian. Di 12 qi. Di 927–928+933 ye. (In Chinese).

Li Shijun. Kou bu ji rou xun lian he gan zhi xun lian zhi liao gu du zheng er tong yu yan jiao liu zhang ai de liao xiao. [Therapeutic effect of oral muscle training and perceptual training on language communication disorder in children with autism]. *Yi xue xin xi.* [Medical Information], 2019 nian. Di 12 qi. Di 118–119 ye. (In Chinese).

Li shan. Yun yong yu yi he yu jing pei di she ji dui zi bi zheng er tong ci hui li jie zhang ai de gan yu yan jiu. [An interventional study of lexical comprehension disorders in autistic children using a semantic-to-context mapping design]. *Nan jing shi fan da xue shuo shi lun wen.* [Master's thesis of Nanjing Normal University]. 2018 nian. 55 ye. (In Chinese).

Li Shuguang. Qiao mu si ji yu fu ke li lun shi yu xia zi bi zheng er tong yu yan zhang ai. [Language disorders of children with autism viewed from the perspectives of Chomsky and Foucault's Theories]. *Nan jing shi da xue bao (she hui ke xue ban).* [Journal of Nanjing Normal University (Social Science Edition)]. 2016 nian. Di 5 qi. Di 112–119 ye. (In Chinese).

Lian Xiang. Tan zi bi zheng er tong yu yan zhang ai zao qi gan yu de lun li guan – ji yu guan huai lun li xue shi jiao. [Talking about the ethics of early intervention in autistic children language barrier – from the viewpoint of caring ethics]. *Gui zhou gong cheng ying yong ji shu xue yuan xue bao.* [Journal of Guizhou University of Engineering Science]. 2015 nian. Di 6 qi. Di 98–103 ye. (In Chinese).

Lian Xiang. Zi bi zheng er tong yu yan zhang ai de xue xi zhi chi xiao guo zhi bi jiao fen xi – ji yu zhu ke ti hu yi mo xing. [A comparative analysis to learning support effect of autistic children language barrier – based on subject and object of intimacy model]. *Gui zhou gong cheng ying yong ji shu xue yuan xue bao.* [Journal of Guizhou University of Engineering Science]. 2016 nian. Di 5 qi. Di 60–65 ye. (In Chinese).

Lian Xiang. «zi bi zheng yu yan zhang ai zao qi gan yu ke cheng yan jiu» ke ti jie ti bao gao. [Research report on «Early intervention on language disorders for autistic children»]. *Er tong fa zhan yan jiu.* [Research on Children's Development]. 2017 nian. Di 2 qi. Di 51–57 ye. (In Chinese).

Lian Xiang. Zi bi zheng er tong yu yan zhang ai ge an gan yu xiao guo zhi bi jiao fen xi – ji yu guan jian fan ying xun lian (PRT). [The comparison of language disorder treatment effects in individual cases of children with autism – based on pivotal response training (PRT)]. *Shan xi xue qian shi fan xue yuan xue bao.* [Journal of Shanxi Xueqian Normal University]. 2017 nian. Di 4 qi. Di 69–74 ye. (In Chinese).

Li Xiaoyan, Zhou Jing. Zi bi zheng er tong yu yan fa zhan yan jiu zong shu. [A review on language development of autistic children]. *Zhong guo te shu jiao yu.* [Chinese Journal of Special Education]. 2006 nian. Di 12 qi. Di 60–66 ye. (In Chinese).

Li Jingyun, Lei Jianghua. Zi bi zheng er tong yu yan zhang ai yan jiu xin jin zhan (1996—2015). [New development in the research on language disorder of autistic children (1996—2015)]. *Xian dai te shu jiao yu.* [Journal of Modern Special Education]. 2016 nian. Di 10 qi. Di 27–33 ye. (In Chinese).

Ma Xinge. Zi bi zheng er tong yu yan zhang ai wen ti de ge an gong zuo jie ru. [Casework intervention of language disorders in autistic children]. *Jiang xi cai jing da xue shuo shi lun*

wen. [Master's thesis of Jiangxi University of Finance and Economics]. Nan chang. 2018 nian. 51 ye. (In Chinese).

Ma Dongmei, Jiang Zhimei deng. Gu du zheng pu xi zhang ai er tong yu yan gong neng ping gu tan xi. [Exploration and analysis of language functions for autism spectrum disorders]. Zhong guo ting li yu yan kang fu ke xue. [Chinese Scientific Journal of Hearing and Speech Rehabilitation]. 2019 nian. Di 3 qi. Di 175–178 ye. (In Chinese).

Pan Shi Cha Mei. Zou chu gu du : Zi bi zheng er tong de yu yan zhang ai te zheng fen lei, ping gu ji kang fu yan jiu. [Out of loneliness: research on feature classification, assessment and rehabilitation of autistic children's language barrier]. Ji lin da xue shuo shi xue wei lun wen. [Master's thesis of Jilin University]. Chang chun. 2016 nian. 145 ye. (In Chinese).

Song Shanshan, Jing Jin deng. Gu du pu xi zhang ai er tong yu yan neng li te dian ji zao qi ying xiang yin su. [Linguistic characteristics and early influence factors in children with autism spectrum disorders]. Zhong guo er tong bao jian za zhi. [Chinese Journal of Child Health Care]. 2015 nian. Di 3 qi. Di 278–280 ye. (In Chinese).

Tian Liyuan. Yin yue gan yu liao fa dui zi bi zheng huan er yu yan zhang ai de kang fu xiao guo fen xi. [The impact of music intervention therapy on the rehabilitation of language disorders in Autistic children]. Lin chuang yan jiu. [Clinical Research]. 2018 nian. Di 9 qi. Di 108–109 ye. (In Chinese).

Tan Hui. Ti yu you xi dui gu du zheng er tong gou tong hang wei de ying xiang yan jiu. [Research on influence of sport games on communication behavior of autistic children]. Hu nan shi fan da xue shuo shi lun wen. [Master's thesis of Hunan Normal University]. Chang sha. 2017 nian. 80 ye. (In Chinese).

Wu Nian. Gu du zheng yu yan jiao liu zhang ai huan er cai yong kou ji xun lian he gan zhi xun lian zhi liao de xiao guo dui bi. [Comparisons of oral muscle training and reality perception training in autistic children with language communication disorders]. Zhong guo yi xue gong cheng. [China Medical Engineering]. 2018 nian. Di 7 qi. Di 63–65 ye. (In Chinese).

Wang Jing, Li Jingjie deng. Jin san zhen zhi liao zi bi zheng huan er yu yan fa yu zhang ai liao xiao guan cha. [Observation on the efficacy of the Jin three-needle technique in treating children with autistic language disorders]. Zhong guo ji xu yi xue jiao yu. [China Continuing Medical Education]. 2015 nian. Di 22 qi. Di 159–160 ye. (In Chinese).

Wang Miao. Zi bi zheng er tong yu yan zhang ai biao xian ji kang fu xun lian yan jiu. [Manifestations of language disorders and rehabilitation training in Autistic children]. Hei long jiang jiao yu xue yuan xue bao. [Journal of Heilongjiang College of Education]. 2016 nian. Di 2 qi. Di 93–94 ye. (In Chinese).

Wang Yin. Yu yi li lun yu yan jiao xue. [Semantic theory and language teaching]. Shang hai: Shang hai wai yu jiao yu chu ban she. [Shanghai Foreign Language Education Press]. 2014 nian. 413 ye. (In Chinese).

Wu Ming. Han yu zi bi zheng er tong de yu yan zhang ai. [Language disorders in Chinese autistic children]. Shan xi xue qian shi fan xue yuan xue bao. [Journal of Shanxi Xueqian Normal University]. 2018 nian. Di 11 qi. Di 109–112 ye. (In Chinese).

Wu Ming. Zi bi zheng er tong de yu yan zhang ai. [Language Disorders in Children with Autism]. Si chuan zhi ye ji shu xue yuan xue bao. [Journal of Sichuan Vocational and Technical College]. 2018 nian. Di 4 qi. Di 120–125 ye. (In Chinese).

Xiao Cheng. Ji yu yan zhang ai de gu du zheng er tong jiao yu ce lue yan jiu. [Education

strategies for autistic children based on their language disorders]. *Ke cheng jiao xue yan jiu*. [Journal of Curriculum and Instruction]. 2017 nian. Di 10 qi. Di 35–37 ye. (In Chinese).

Yang Feng, Zhou Jiaxiu deng. Gao gong neng gu du zheng er tong han yu pu tong hua yu yan gan zhi neng li zhang ai de chu bu yan jiu. [Pilot study on speech perception abilities for mandarin Chinese speaking children with high functional autism]. *Zhong guo er tong bao jian za zhi*. [Chinese Journal of Child Health Care]. 2015 nian. Di 12 qi. Di 1287–1290 ye. (In Chinese).

Yang Wanling. Zi bi zheng er tong yu yan kang fu xun lian de si kao. [Reflections on language rehabilitation training for children with autism]. *Jiao yu jiao xue lun tan*. [Education Teaching Forum]. 2019 nian. Di 10 qi. Di 251–252 ye. (In Chinese).

Zhang Xiaoyu, Lü Men dan deng. Kou bu ji rou an mo lian he gan zhi xun lian zhi liao gu du zheng er tong yu yan jiao liu zhang ai de lin chuang jia zhi fen xi. [The clinical analysis of oral massage in combination with reality perception training on the language communication disorder in autistic children]. *Si chuan jie pou xue za zhi*. [Sichuan Journal of Anatomy]. 2019 nian. Di 1 qi. Di 82–83 ye. (In Chinese).

Zhang Yanmin, Duan Jiali. Xiao er zhi li tang jiang lian he zong he kang fu xun lian dui gu du zheng er tong yu yan zhang ai de xiao guo fen xi. [Effect of children's intelligence syrup combined with comprehensive rehabilitation training for treating communication barrier of autistic children]. *Bei fang yao xue*. [Journal of North Pharmacy]. 2018 nian. Di 8 qi. Di 193 ye. (In Chinese).

Zhang YanJun. Kou bu ji rou xun lian he gan zhi xun lian zhi liao gu du zheng er tong yu yan jiao liu zhang ai de liao xiao guan cha. [Therapeutic effect of oral muscle training and perceptual training on language communication disorder in children with autism]. *Qi qi ha er yi xue yuan xue bao*. [Journal of Qiqihar University of Medicine]. 2016 nian. Di 36 qi. Di 4541–4542 ye. (In Chinese).

Zhang Ying. Gu du zheng er tong yu yan zhang ai gei yu xiao er zhi li tang jiang ji zong he kang fu xun lian de zheng ti xiao guo yan jiu. [The overall effect of pediatric intellectual syrup and comprehensive rehabilitation training on language disorders in autistic children]. *Zhong guo chu fang yao*. [Journal of China Prescription Drug]. 2018 nian. Di 5 qi. Di 138–139 ye. (In Chinese).

Zhu Dan. Xiao er zhi li tang jiang lian he zong he kang fu xun lian dui gu du zheng er tong yu yan zhang ai de lin chuang liao xiao. [Clinical efficacy of children's intelligence syrup combined with comprehensive rehabilitation training for treating communication barrier of autistic children]. *Yi xue xin xi*. [Medical Information]. 2019 nian. Di 14 qi. Di 149–150 ye. (In Chinese).

Zhu Yubing. Zi bi zheng er tong yu yan fa zhan wen ti yan jiu zong shu. [A review of studies on language development of children with autism]. *Ji lin da xue shuo shi lun wen*. [Master's thesis of Jilin University]. 2017 nian. 41 ye. (In Chinese).

Zhou Nianying. “Qi yi yuan lun”bian zhi zhong zhong du yu yan zhang ai zi bi zheng si lu tan tao yu liao xiao guan cha. [The use of Qi Monism in treating autism with moderate to severe language impairment]. *Nan fang yi ke da xue shuo shi lun wen*. [Master's thesis of Southern Medical University]. 2015 nian. 75 ye. (In Chinese).

Zheng Fangli, Jin Yunye. Tou zhen zai zi bi zheng er tong yu yan zhang ai kang fu zhi liao zhong de liao xiao guan cha. [Clinical efficacy of scalp acupuncture therapy in rehabilitation of the language barrier in children with autism]. *Zhong yi er ke za zhi*.

[Journal of Pediatrics of Traditional Chinese Medicine]. 2016 nian. Di 3 qi. Di 68–70 ye. (In Chinese).

Zhang Qiu, Wang Yulong deng. Yin yue jie he yu yan xun lian zhi liao er tong gu du zheng yu yan jiao liu zhang ai de liao xiao guan cha. [The effect of language therapy combined with music on communication disability in children with autism]. *ji lin yi xue.* [Jilin Medical Journal]. 2015 nian. Di 18 qi. Di 4151–4153 ye. (In Chinese).

Zhang Ruixian, Xiang Xibing deng. Zi bi zheng er tong yu yan fa zhan zhang ai de biao xian ji ji zhi tan tao. [Discussion on the effectiveness and mechanism of impaired language development in children with autism]. «Lin chuang xin shen ji bing» za zhi bian ji bu zhuan ti zi liao hui bian. 2015 nian. [Journal of Clinical Psychosomatic Diseases]. Di 390–391 ye. (In Chinese).

Zhong guo zhi wang. [China national knowledge internet]. URL: <http://www.Cnki.net/> (retrieval date: 05.12.2019). (In Chinese).

УДК 83.21; 340.144.5 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-98-109

ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ *ЗАКОН* В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Яковлева Татьяна Афанасьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры арктического права и
права стран Азиатско-Тихоокеанского региона
юридического факультета СВФУ
Россия, 677027, Республика Саха (Якутия),
г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42, ГУК СВФУ
tanyakovleva@mail.ru

Москвина Юлия Валентиновна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности органов внутренних дел
Воронежского института МВД России
Россия, 394065, Воронеж, пр. Патриотов, д. 53, ВИ МВД РФ
juli313@yandex.ru

Лексема *закон* многозначна, в толковых словарях представлены четыре ее значения, в юридических – выделяют два основных. В поиске ответов на вопросы, какое значение из них преобладает в языковом сознании и от каких факторов зависит вербализация языкового сознания индивида, авторами проведено исследование отражения лексем *закон* в языковом сознании будущих юристов. Для выявления особенностей отражения исследованы значение слова *закон* в языковой картине мира, создана модель семантического поля лексем *закон* в языковом сознании отдельной группы людей, полученные данные сопоставлены между собой. Исследование значения слова *закон* в языковой картине мира проведено по следующему алгоритму: 1) изучена этимология лексем *закон*; 2) обобщены значения лексем, представленные в толковых и юридических словарях; 3) показан ряд слов-реакций на стимул *закон* из Русского ассоциативного словаря. Модель семантического поля отражения лексем *закон* создана по результатам проведенного свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) среди обучающихся юридических вузов. Для создания модели все слова-реакции были статистически обработаны, распределены по семантическим группам, что позволило провести сравнительно-сопоставительный анализ. Проведенное исследование показало широту и глубину отражения лексем *закон* в языковом сознании обучающихся юридических вузов и характеризующее их языковое сознание, представленное образами знаний, представлений, эмоционального отношения к *закону*, отраженными вовне языковыми знаками из их лексикона, формирующегося в процессе познания окружающего мира, особое место в котором занимает профессиональная учебная деятельность. В языковом сознании будущих юристов преобладает понимание категории *закон*, представленное в научной картине мира.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативный эксперимент, ассоциации, модель семантического поля, ассоциативное поле, лексема *закон*, правовые категории, правосознание, языковая картина мира, научная картина мира

Введение

Понятие и структура сознания являются предметом исследования многих наук: философии, права, психологии, психолингвистики, юридической психологии и др. В нашем исследовании попытаемся синтезировать цели и методы лингвистики, психолингвистики и юриспруденции.

В юридической науке под правосознанием понимают форму общественного сознания, которая характеризуется следующими признаками: отражает в сознании государственно-правовые явления и категории, выражается посредством мыслей, идей, представлений, эмоций и чувств, носителями его являются человек или группа людей. Все эти признаки свойственны внутреннему миру человека, однако только вербализованные образы, мысли, идеи, представления, эмоции и чувства могут быть восприняты другими носителями языка и культуры.

Основываясь на работах ученых в области философии, права, психологии и психолингвистики, авторы полагают, что в процессе изучения фундаментальных правовых явлений и категорий, в языковом сознании обучающихся понимание правовых категорий отражается в виде представлений или образов, выражающих ассоциативные связи со словами из их лексикона. Лексикон человека формируется в процессе всей его жизнедеятельности, в нем аккумулируются все слова, уясненные в результате познания окружающей действительности из разных источников, в том числе в процессе обучения в вузе.

Лексема *закон* многозначна, в толковых словарях представлены четыре ее значения, в юридических – выделяют два основных. В поиске ответов на вопросы, какое значение из них преобладает в языковом сознании и от чего зависит вербализация языкового сознания индивида, авторами проведено исследование отражения категории *закон* в языковом сознании будущих юристов.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: во-первых, исследовано значение слова *закон* в языковой картине мира, во-вторых, построена модель ассоциативного поля лексемы *закон*, в-третьих, полученные результаты сопоставлены между собой.

Обоснование и описание методов исследования

Термин «языковое сознание» объединяет две различные сущности – язык и сознание. Язык – это не просто слова («Language is not just words») [Lakoff 2000: 41]. С помощью языка действует сложный механизм познания и отражения мира в сознании личности. Сознание является отражением окружающей действительности в своем духовном мире и служит регулятором деятельности человека [Философский энциклопедический словарь 1983: 816]. Содержание сознания образуют преобразования реальной действительности в виде представлений, мыслей, идей, которые запечатлеваются в процессе воспитания, обучения, образования, познания окружающего мира.

Понятие «языковое сознание», по мнению Е.Ф. Тарасова, «указывает на образы сознания в качестве инструмента анализа знаний, ассоциированных с телами языковых знаков» [Тарасов 2001: 301-311]. Т.Н. Ушакова полагает, что «лингвистическая проекция бытия человека» является ядром языкового сознания и составляет основу его языковой картины мира [Ушакова 2004: 6–17].

Языковая картина мира, согласно А.А. Зализняк, – это совокупность представлений о мире, сложившаяся и отраженная в «обыденном сознании языкового коллектива»

[Зализняк <http>]. Язык, на котором фиксируется картина мира человека – в той или иной мере язык толкований [Апресян 1995: 37–67].

Следовательно, для выявления особенностей отражения лексемы *закон* в языковом сознании необходимо исследовать его значение в языковой картине мира, построить ассоциативную модель его отражения в языковом сознании отдельной группы людей, полученные данные сопоставить между собой.

Основой исследования правовой категории *закон* в языковой картине мира послужили следующие материалы:

- лексикографический, источником которого явились этимологические, толковые, ассоциативные словари русского языка, а также данные юридических словарей и энциклопедий;

- данные свободного ассоциативного эксперимента студентов ЮФ СВФУ и слушателей ВИ МВД России.

Цель работы обусловила выбор методов исследования:

- метод свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). Изучение ассоциаций является одним из доступных способов проникновения в психику человека [Юнг 1997]. А.А. Залевская полагает, что ассоциативный эксперимент является «средством доступа к системе энциклопедических знаний человека» и служит инструментом «измерения психологического значения слова» [Залевская 1990: 39];

- метод «семантического поля». З.К. Тарланов считает, что классификация слов по тематическим группам зависит от цели, но детализировать их можно по лексико-семантическим группам – предметным содержанием слов, их соотносительности с миром вещей, явлений и т.д. [Тарланов 1995: 189];

- количественные методы анализа данных эксперимента. Результаты ассоциативного эксперимента подверглись математическому анализу и статистической обработке. Вычисления количественных характеристик ассоциативного поля были проведены методом математической статистики и количественными методиками измерения значений [Горошко 2001: 320].

Данные методы позволяют упорядочить ассоциативные поля (АП) слов-реакций, полученных на слово-стимул, от наиболее частотных к единичным. Упорядоченные таким образом АП имеют концентрическую форму: ядро поля образуют наиболее частотные реакции, периферию составляют единичные. Построение такой модели ассоциативного эксперимента облегчает его оценку, подкрепляет надежность результатов и пополняет словарь ассоциативных слов.

Значение лексемы *закон* в языковой картине мира

В.Н. Телия языковую картину мира определяет как продукт сознания мыслей о мире, возникающие в результате взаимодействия мышления, действительности и языка [Телия 1988: 173–203]. По мнению А.Л. Вайсбергера, языковая картина мира «кодирует духовное, языковое и культурное своеобразие народа» [Вайсбергер 2004: 232]. Таким образом, картина мира отражается в языке, речи, сознании, литературе, культуре и является способом изучения окружающей действительности. Интересное мнение высказано Н.В. Уфимцевой: лингвистические словари – это результат рефлексии языкового сознания лингвиста, оказывающее влияние на языковое сознание других носителей языка. По ее мнению, модели способностей вербальной памяти «усредненного» носителя языка» отображены в Русском ассоциативном словаре [Уфимцева 2014: 23–27],

т.е. именно ассоциативный словарь человека может являться источником изучения языковой картины мира.

Изучение значения слова *закон* в языковой картине мира нами проведено по следующему алгоритму: 1) изучена этимология лексемы *закон*; 2) обобщены значения слова, представленные в толковых и юридических словарях; 3) показан ряд слов-реакций на стимул *закон* из Русского ассоциативного словаря.

В этимологическом словаре русского языка М. Фасмера, первоначальное значение лексемы *закон* – ‘начало’; родственное *подниматься* [Фасмер [http](#)]. А.Г. Преображенский считает, что первоначально *закон* имело значение: *за-претъ, за-граждение*, т.е. предел, до которого можно идти, или же, *в поконъ, зачинъ*, т.е. начало порядка [Преображенский [http](#)]. В Словаре И.И. Среднезевского зафиксированы следующие значения: 1) *свод нравственных и обрядовых правил какого-либо религиозного учения, вероисповедания*; 2) *постановление, правило, устав церкви*; 3) *церковный брак, венчание*; 4) *Ветхий завет*. [Среднезевский [http](#)]. По исследованиям О.Н. Трубачева первоначальное значение лексемы *закон* исходит от «установления, регламентации поведения, обязательств, главным образом между людьми» [Трубачев [http](#)]. По мнению Н.Г. Сичинава, *закон* (в диалекте *покон*) означал предел, ограничивающий свободу воли и действий человека [Сичинава 2013: 38–42].

Таким образом, слово *закон* изначально имело смысл *начало, свод правил, постановление, установление правил, предел свободы*.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, слово *закон* имеет четыре значения:

1) в значении законов природы, движения планет, общественного развития, рынка, которые не зависят от чьей-либо воли, объективно сложившиеся в окружающем мире;

2) совпадает с научным пониманием данного слова – нормативный правовой акт, регламентирующий общественный порядок, принятые государственной властью общеобязательные правила поведения в обществе;

3) связано со сложившимися устоями морали, нравственности (законы нравственности, неписанные законы);

4) в значении Закона Божьего, вероучения, свод правил какой-нибудь религии, основных принципов и идей религиозного вероучения [Ожегов [http](#)].

Толковые словари русского языка в основном закрепляют происхождение данного слова и применение его значения не только в отношении человеческого общества, но и природных явлений.

В юридических словарях представлены два его значения:

1) нормативный правовой акт, регулирующий наиболее важные общественные отношения, принимаемый в особом порядке органами государственной власти, обладающий высшей юридической силой;

2) источник права (его форма, внешнее выражение) [Тихомирова, Тихомиров 2014: 104].

В научной юридической литературе, следовательно, в учебном процессе, понятие *закон* рассматривается с точки зрения соотношения его с правом, государством, другими правовыми категориями и явлениями, порядком и законностью, обязанностями и ответственностью, изучается в значении источника права, нормативного правового акта, устанавливающего общеобязательное правило поведения.

В Русском ассоциативном словаре ассоциативный ряд к слову *закон* представлен 104 реакциями, ядро которого составляют ассоциации: *суров* (5), *божйй* (4), *есть закон* (3),

строгий (3), *суровый* (3), *выполнять* (2), *для всех* (2), *дышло* (2), *не писан* (2) (ассоциации, характеризующие эмоциональное отношение человека); слова-реакции, связанные с правовыми категориями и явлениями, незначительны и составляют примерно 10,5% от общего количества представленных слов-реакций: *правосудие* (2), *государство* (1), *наказание* (1), *о труде* (1), *о трудоустройстве* (1), *порядок* (1), *право* (1), *судья* (1) *уголовный кодекс* (1), *юридический* (1), *юрист* (1). [РАС <http>]

Модель семантического поля лексемы *закон* в языковом сознании обучающихся юридических вузов

Для создания модели семантического поля лексемы *закон* и выявления особенностей отражения научной картины мира в языковом сознании в 2018–2019 гг. был проведен свободный ассоциативный эксперимент. В эксперименте приняли участие 100 студентов 2–3 курсов юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (ЮФ СВФУ) бакалавриата по направлению подготовки «юриспруденция» и 100 слушателей 3-5 курсов Воронежского института МВД РФ (ВИ МВД России) специалитета по направлению подготовки «правоохранительная деятельность» очной формы обучения. По гендерной принадлежности: девушек 49% и юношей 51%, в возрасте 18–23 лет. Многие авторы акцентируют внимание на том, что к 20–23 годам формируется языковое сознание человека.

Перед испытуемыми (обучающимися) была поставлена задача – ответить на анкету, состоящую из 100 слов, среди которых было слово *закон*. Главным в ассоциативном эксперименте является первичная реакция на слово-стимул, т.е. испытуемые должны были записывать рядом с каждым словом-стимулом первое слово, которое придет им в голову (слово-реакцию). При этом должны писать предельно быстро, не раздумывая, быстрота реакций является обязательным условием работы в эксперименте. Именно такие связи являются индикаторами отношений между единицами лексикона человека, наиболее актуальные признаки сигнализируются в первичных ассоциациях человека, которые позволяют увидеть специфику отражения в языковом сознании его восприятие мира. Конечный результат образов и представлений, сложившихся в процессе приобретения ими знаний о категории *закон*, можно наблюдать в ассоциативных связях, отраженных в психике индивида. Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) – один из возможных и доступных методов исследования языкового сознания обучающихся.

Для интерпретации данных ассоциативного эксперимента нами были проведены:

1) распределение слов-реакций по тематическим группам, что позволило упорядочить их по семантике – ассоциативным полям;

2) статистическая (количественная) обработка позволила выстроить ряд слов-реакций от наиболее частотных к единичным, таким образом, было выявлено ядро ассоциативных полей, следовательно, и ядро коллективного языкового сознания отдельной группы обучающихся;

3) вычисление процентного соотношения каждого слова-реакции по отношению ко всему количеству полученных ответов и по отношению к отдельным группам испытуемых позволило провести сравнительно-сопоставительный анализ содержания образов и представлений в языковом сознании обучающихся в отдельной группе испытуемых и со сложившейся языковой картиной мира.

На слово-стимул *закон* получено 200 слов-реакций, которые сгруппированы нами по 4 основным ассоциативным группам и подгруппам:

1. Первую ассоциативную группу составили слова, связанные с его семантическим толкованием, т.е. со значениями, представленными в толковых словарях (20% от общего количества слов-реакций). Выделяя данную группу, мы исходили из того, что слово *закон* знакомо обучающимся из повседневной жизни в процессе передачи социального опыта родителями, знакомыми, учителями в школе и т.п. В данной группе выделены две подгруппы, связанные с многозначностью лексемы:

А) ассоциации, связанные с постановлениями государственной власти, в значении нормативного акта, принятого государственной властью, устанавливающего общеобязательные правила поведения в обществе. Данную подгруппу составили такие слова-ассоциации, как *правило(а)* (7,5), *кодекс* (2,5), *Конституция* (1), *Уголовный кодекс* (1), *НПА* (нормативный правовой акт) (1), *приказ* (0,5), *устав* (0,5).

Б) слова-реакции, связанные со сложившимися нравственными устоями, нормами морали, религии: *справедливость* (4,5), *честь* (1), *норма* (1), *мораль* (0,5).

Ядром ассоциативного поля явились слова-реакции *правило* и *справедливость* (11% от общего количества слов-реакций) (табл. 1). Частотность данных слов-реакций выше у обучающихся ЮФ СВФУ по сравнению с реакциями обучающихся ВИ МВД России. Ассоциативное поле у студентов гражданского вуза шире, чем у слушателей вуза МВД. Следует отметить, что отсутствуют реакции, связанные с законами природы и религией (например, *божий закон*, *законы физики*, *общества*). Слова-реакции, связанные с законом как источником права (*кодекс*, *Конституция*, *Уголовный кодекс*, *НПА* (нормативный правовой акт), *приказ*, *устав*) составили 7,5% (от общего количества слов-реакций)

Таблица №1

Слова-ассоциации, связанные с семантическим толкованием

Ассоциации к слову-стимулу <i>закон</i>	ВИ МВД России (кол-во слов)	ЮФ СВФУ (кол-во слов)	Ассоциации к слову-стимулу <i>закон</i>	ВИ МВД России (кол-во слов)	ЮФ СВФУ (кол-во слов)
правило(а)	1	12	НПА (нормативный правовой акт)		2
справедливость	1	8	норма		2
кодекс		5	приказ	1	-
Конституция		2	мораль		1
Уголовный кодекс		2	устав	1	-
честь		2			

2. Во вторую группу вошли слова-ассоциации, связанные с учебной деятельностью, которые составили 68 % от всего количества слов-реакций (табл. 2). Данная группа показывает связь слова с правовыми категориями как результат изучения права, правовых категорий и явлений. Учебная деятельность связана не только с изучением права, но и с самим учебным процессом, что предопределило деление на подгруппы:

А) с учебным процессом: *полиция* (7,5), *учеба* (1,5), *юристы* (1), *книга* (1). ЮФ (юридический факультет) (0,5), *работа* (0,5). Примечательно, что лексема «закон» вызвала ассоциативную связь с предстоящей работой курсантов в полиции, а гражданских студентов – юристами и работой, видимо, в общем значении.

Б) с изучением правовых категорий: ядро составили – *порядок* (27,5), *правосудие/суд* (11,5), *право(а)* (8,5); ближе к периферии – *государство* (2,5), *наказание* (2), *преступление* (0,5), *нарушение* (0,5), *законность* (0,5), *защита* (0,5) и др. (56,5% от общего количества слов-реакций). Следует отметить отсутствие ассоциаций с такими важными категориями, как *обязанность*, *ответственность*. Данная группа семантического поля является наиболее высокой как по частотности, так и, по сравнению с другими семантическими группами, по широте, что связано с научной картиной мира. По частотности слова-реакции превышают у курсантов ВИ МВД России, по широте – ЮФ СВФУ.

Таблица №2

Слова-ассоциации, связанные с учебной деятельностью

Ассоциации к слову-стимулу <i>закон</i>	ВИ МВД России (кол-во слов)	ЮФ СВФУ (кол-во слов)	Ассоциации к слову-стимулу <i>закон</i>	ВИ МВД России (кол-во слов)	ЮФ СВФУ (кол-во слов)
порядок	46	9	общество	-	1
правосудие/суд	19	4	защита	-	1
право(а)	1	16	преступление	-	1
полиция	15	-	законность	-	1
государство	2	3	нарушение	-	1
наказание	2	2	ЮФ	-	1
учеба	-	3	работа	-	1
юрист(ы)	-	2	обязанность	-	1
власть	2	-	РФ	-	1
книга	-	1			

3. Слова-ассоциации, связанные с эмоциональным отношением, мы разделили на три подгруппы (10%) (табл. 3):

А) характеризующие сам закон: *справедливый* (0,5);

Б) характеризующие отношение к закону: *несправедливость* (1,5), *соблюдать* (0,5), *строгость* (0,5), *для всех* (0,5), *есть* (0,5), *исполнение* (0,5), *не действует* (0,5), *обязательно* (0,5), *интерес* (0,5), *подчинение* (0,5), *страх* (0,5), *жестокость* (0,5), *сила* (0,5), *правда* (0,5), *запрет* (0,5);

В) связанные с фразеологическими оборотами: *закон суров* (0,5), *закон един* (0,5).

Отрицательная коннотация лексемы *закон* встречается незначительно выше по частотности, но ниже по широте, и выражена в формах *несправедливость*, *не действует*. Большей частью отношение к закону у обучающихся нейтральное. Более эмоциональными оказались студенты ЮФ СВФУ.

Таблица №3

Слова-ассоциации, связанные с эмоциональным отношением

Ассоциации к слову-стимулу <i>закон</i>	ВИ МВД России (кол-во слов)	ЮФ СВФУ (кол-во слов)	Ассоциации к слову-стимулу <i>закон</i>	ВИ МВД России (кол-во слов)	ЮФ СВФУ (кол-во слов)
несправедливость	3	-	не действует	-	1
соблюдать	2	-	правда	-	1
суров	-	1	запрет	-	1

справедливый	-	1	един	-	1
сила	-	1	есть	-	1
строгость	1	-	обязательно	-	1
страх	1	-	интерес	-	1
подчинение	-	1	исполнение	-	1
жестокость	1	-			

4. Оставшиеся слова-ассоциации, связанные с окружающим миром вещей и людей, составили четвертую группу, которая занимает незначительную часть – 0,75%: *человек* (1), *Фемида* (0,5).

Таким образом, наше исследование позволило выявить:

- восприятие лексемы *закон* и его отражение в языковом сознании обучающихся юридических вузов;
- содержательные образы сознания, раскрывающие значение и понимание слова *закон*;
- влияние обучения и отражение профессиональных знаний в языковом сознании обучающихся.

Выводы

В результате свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди обучающихся ЮФ СВФУ и ВИ МВД России, построена модель семантического поля лексемы *закон* в их языковом сознании.

Ядро семантического поля представлено следующими образами: по частоте центральное место занимают слова-реакции: *порядок* (27,5%), *суд/правосудие* (11,5%), *право(а)* (8,5%), *источники права* (7,5%), по широте – иные правовые категории и явления, уясненные в процессе обучения в юридическом вузе, что соответствует научной картине мира. Единственное, что хотелось бы отметить, центральное место занимает слово-реакция *порядок*, возможно, связанное со значением закона как источника права, устанавливающего порядок общественных отношений. Группа ассоциаций, связанная с учебной деятельностью, составила 67,5% от общего количества слов-реакций.

20% ассоциативных слов-реакций связаны со значениями слова *закон*, представленными в толковых словарях русского языка, т.е. общепринятыми значениями. Периферийную часть семантического поля составили слова, характеризующие эмоциональное отношение обучающихся, и, связанные с миром людей и вещей, которые в общей сложности составили 10,75% от общего количества слов-реакций.

Современное понимание лексемы *закон* сконцентрировано в значении *правило, постановление*, у респондентов отсутствуют ассоциации с такими значениями, как *начало, предел свободы, законы природных явлений* или с *теологией*. Как было сказано выше, в Русском ассоциативном словаре ядро семантического поля лексемы *закон* представлено эмоциональным отношением человека к категории *закон* (*суров, божий, есть закон, строгий, суровый* и др.), слова-реакции, связанные с правовыми категориями и явлениями, незначительны (10,5%). Наш эксперимент показал, что у респондентов ассоциативное поле лексемы *закон* представлено правовыми категориями и явлениями (73%), что характеризует отражение в сознании обучающихся научной картины мира, формируемой в результате получения ими профессионального образования.

Необходимо подчеркнуть один немаловажный факт: научная картина лексемы *закон* по своему семантическому наполнению у студентов гражданского вуза, СВФУ, шире, чем у слушателей ВИ МВД России.

Результаты проведенного исследования показали широту и глубину отражения лексемы *закон* в языковом сознании обучающихся юридических вузов. Языковое сознание представлено образами знаний, представлений, эмоционального отношения к *закону*, которые отражены вовне языковыми знаками из их лексикона, формирующегося в процессе познания окружающего мира, особое место в котором занимает профессиональная учебная деятельность. В языковом сознании будущих юристов преобладает понимание лексемы *закон*, представленное в научной картине мира, и формирует адекватное правосознание.

Литература

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. № 1, 1995. С. 37–67.

Вайсбергер Л. Родной язык и формирование духа /пер.с нем., вст.ст. и коммент. О.А. Радченко. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.

Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.: РАН Ин-т языкознания, 2001. 320 с.

Залевская А. А. Слово в лексиконе человека (Психолингвистическое исследование). Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1990. 280 с.

Зализняк А. А. Языковая картина мира // Энциклопедия кругосвет: универсальная научно-популярная энциклопедия [Электронный ресурс] URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html (дата обращения: 05.04.2020).

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. - М.: Изд-во Оникс-ЛИТ, 2012. 1376 с. [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 05.04.2020).

Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 2 (П-С). 416 с. [Электронный ресурс] URL: <http://etymolog.ruslang.ru> (дата обращения: 05.04.2020).

Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс] URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 05.04.2020).

Сичинава Н. Г. Слово «закон» в древности и сегодня // Материалы III-ей международной научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». Вып. 3. Ростов-на-Дону: Донское книжное изд-во, 2013. С. 38–42.

Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб, 1893. 1348 с. / <http://etymolog.ruslang.ru> (дата обращения: 05.04.2020).

Тарасов Е. Ф. Языковое сознание и его познавательный статус // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент: сб. научн. трудов. М.: Институт языкознания РАН, 2001. С. 301–311.

Тарланов З. К. Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск: изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. 189 с.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 173–203.

Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. Изд-е 5-е, перераб. и доп. М.: Изд. М. Ю. Тихомирова, 2014. 972 с.

Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси / О.Н. Трубачев; Росс. Акад. Наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005. 258 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.koob.ru/trubachov/> (дата обращения: 05.04.2020).

Уфимцева Н. В. Русский ассоциативный словарь как источник изучения русской языковой картины мира // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 27–29.

Ушакова Т. Н. Языковое сознание и структура рече-мысле-языковой системы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. научн. трудов // Сб. под ред. Н.В. Уфимцевой. М.-Барнаул. 2004. С. 6–17.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]: перевод О.Н. Трубачева. В 4-х томах. М.: Прогресс, 1986./ изд-во Терра, 2008. Том 3. 2944 с. // <https://vasmer.lexicography.online/> (дата обращения: 05.04.2020).

Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
Юнг К. Г. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк; сост. В.В. Зеленский, А.М. Руткевич. М.: Мартис, 1997.

Lakoff R. T. (2000). The language war. London: Berkeley. University of California Press.

REFLECTION OF THE LEXEME *LAW* IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF LAW STUDENTS

Yakovleva Tatyana Afanasyevna

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department of Arctic Law and
Law of Countries of the Asia-Pacific region, Faculty of Law,
North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
677027, Russia, Republic Of Sakha (Yakutia),
Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, NEFU
tanyakovleva@mail.ru

Moskvina Yulia Valentinovna

Candidate of Law Sciences,
senior lecturer of the Department
of Administrative Affairs of Internal Affairs Bodies,
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
394065, Russia, Voronezh, Patriots Ave., 53
juli313@yandex.ru

The lexeme *law* is polysemantic. In explanatory dictionaries there are four definitions of the given lexeme, while in law dictionaries there are two main ones. Reflection of the lexeme *law* in the linguistic consciousness of future lawyers was under the study. The authors tried to find out what meaning prevails in the linguistic consciousness and what factors the verbalization of the linguistic consciousness of an individual depend on. While revealing the peculiarities of the reflection, the semantic of the word *law* in the language picture of the world was considered, a semantic field of the lexeme *law* reflection in the linguistic consciousness of

a group of people was modelled and then the obtained data was analyzed. To construct the meaning of the lexeme *law* in the language picture of the world: 1) the etymology of the lexeme *law* was studied; 2) the definitions of the lexeme in explanatory and law dictionaries were summarized; 3) from the Russian Associative Dictionary the words-reactions to the stimulus *law* were selected out. In creating the semantic field model of the reflection of the lexeme *law* the results of a free associative experiment among law students were used. The words-reactions being statistically processed and distributed into semantic groups, a comparative analysis was made. The research demonstrated the scope of the reflection of the lexeme *law* in the linguistic consciousness of law students. Their linguistic consciousness in the form of knowledge, images, emotional attitude to the law is represented by external language signs. They build up their lexicon, which is formed during the acquisition of the surrounding world. In this process a special place is occupied by professional education. In the linguistic consciousness of future lawyers the lexeme *law* is predominantly understood as a category of the scientific picture of the world.

Keywords: linguistic consciousness, associative experiment, associations, semantic field model, associative field, the lexeme *law*, law categories, law consciousness, language picture of the world, scientific picture of the world

References

Apresyan Yu. D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya [The image of a person according to the language: an attempt to describe the system] // *Voprosy yazykoznanija* [Questions of linguistics]. № 1, 1995. P. 37–67. (In Russian).

Vajsberger L. Rodnoj yazyk i formirovanie duha /per.s nem., vst.st.i komment. O.A. Radchenko [Native language and the formation of the spirit / translation from German, article and comment. O. A. Radchenko]. Moscow: URSS Editorial, 2004. 232 p. (In Russian).

Goroshko E. I. Integrativnaya model' svobodnogo asociativnogo eksperimenta [Integrative model of free associative experiment]. Moscow: RAS Institute of linguistics, 2001. 320 P. (In Russian).

Zalevskaya A. A. Slovo v leksikone cheloveka (Psiholingvisticheskoe issledovanie) [Word in the human lexicon (Psycholinguistic research)]. Voronezh: Voronezh publishing House. University press, 1990. 280 p. (In Russian).

Zaliznyak A. A. Yazykovaya kartina mira [Language picture of the world] [Electronic resource] // encyclopedia circumnavigation: universal popular science encyclopedia https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html (retrieval date: 05.04.2020). (In Russian).

Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. 28th ed., pererab. - M.: Onyx-LIT Publishing house, 2012. 1376 p. (In Russian).

Preobrazhensky A. G. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 2 (P-S). 416 p. (In Russian).

Russkij asociativnyj slovar' [Russian associative dictionary] [Electronic resource] <http://www.thesaurus.ru/dict/> (retrieval date: 05.04.2020). (In Russian).

Sichinava N. G. Slovo «zakon» v drevnosti i segodnya [The Word «law» in ancient times and today] // Materials of the III international scientific and practical conference «Language and law: actual problems of interaction». Vol. 3. Rostov-on-don: Don book publishing house, 2013. P. 38–42. (In Russian).

Sreznevsky I. I. Materialy dlya Slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials for the Dictionary of the old Russian language]. St. Petersburg, 1893. 1348 p. (In Russian).

Tarasov E. F. Yazykovoe soznanie i ego poznavatel'nyj status [Language consciousness and its cognitive status] // Problems of psycholinguistics: theory and experiment: collection of scientific labours'. Moscow: Institute of linguistics, RAS, 2001. Pp. 301–311. (In Russian).

Tarlanov Z. K. Metody i principy lingvisticheskogo analiza [Methods and principles of linguistic analysis]. Petrozavodsk: publishing house of Petrozavodsk University, 1995. 189 p. (In Russian).

Telia N. V. Metaforizaciya i ee rol' v sozdanii yazykovoj kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world] // The Role of the human factor in language. Language and picture of the world. Moscow, 1988. Pp. 173–203. (In Russian).

Tikhomirova L. V., Tikhomirov M. Yu. Yuridicheskaya enciklopediya [Legal encyclopedia]. Ed-e 5-e, pererab. and additional M.: Ed. M. Yu. Tikhomirova, 2014. 972 p. (In Russian).

Trubachev O. N. V poiskah edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi [In search of unity: a philologist's view on the problem of the origins of Russia] / O. N. Trubachev; Ross. Acad. Sciences, In-t Rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. 3rd ed., additional M.: Nauka, 2005. 258 P. (In Russian).

Ufimtseva N. V. Russkij asociativnyj slovar' kak istochnik izucheniya russkoj yazykovoj kartiny mira [Russian associative dictionary as a source of study of the Russian language picture of the world] // Problems of history, Philology, culture. 2014. № 3 (45). P. 27–29. (In Russian).

Ushakova T. N. Yazykovoe soznanie i struktura reche-mysle-yazykovoj sistemy [Linguistic consciousness and the structure of the speech and thought of the language system] // Language consciousness: theoretical and applied aspects: collection of scientific papers // SB. ed. N. V. Ufimtseva. M-Barnaul. 2004. P. 6–17. (In Russian).

Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language] [Electronic resource]: translated by O. N. Trubachev. In 4 volumes. Moscow: Progress, 1986./ Terra publishing house, 2008. Volume 3. 2944 p. // <https://vasmer.lexicography.online/> (retrieval date: 05.04.2020). (In Russian).

Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Soviet encyclopedia, 1983. 840 P. (In Russian). (In Russian).

Jung, C. G. Analiticheskaya psihologiya: Proshloe i nastoyashchee [Analytical psychology: Past and present] / by C. G. Jung, E. Samuels, V. Odajnyk, John. Was raised; comp. V. V. Zelensky, A. M. Rutkevich. Moscow: Martis, 1997. (In Russian).

Lakoff, R. T. (2000). The language war. London: Berkeley. University of California Press.

ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ РЕЧИ У ДЕТЕЙ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ МЕТОДИК

Ощепкова Екатерина Сергеевна

ст. н. сотр. сектора общей психолингвистики

Института языкознания РАН

125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1

oshchepkovaes@iling-ran.ru

В статье ставится ряд вопросов, касающихся методов и методик оценки речи детей. На основе проанализированной литературы выявляются главные требования, предъявляемые к таким методикам, особенности оценки различных аспектов речи (фонетики, лексики и семантики, морфологии и синтаксиса, построения нарративов). Рассматриваются основные проблемы, связанные с проведением, обработкой и анализом полученных данных.

Методики оценки речи детей можно разделить на те, которые используются в рамках общепсихологической оценки когнитивных функций, в составе нейропсихологических батарей, а также на используемые только для обследования речи. При этом речевые функции, подлежащие оценке, также различаются в разных методиках. В статье анализируются достоинства и недостатки различных методик. Подробно рассматриваются, в частности, такие популярные методики обследования когнитивных функций детей, как тест Векслера, батарея Вудкок-Джонсон, шкалы детского развития Бейли, батарея оценки речи детей 4-12 лет, картиночный тест Пибоди и другие. Делается вывод о том, что несмотря на обилие и разнообразие инструментов для оценки речи детей разных возрастов, методик для анализа детской связной речи остаётся крайне мало.

Ключевые слова: онтогенез речи, оценка речевых функций, аспекты речевого развития, когнитивные функции, детская нейролингвистика

1. Актуальность разработки и внедрения методик оценки речевого развития ребенка

Психолингвистика детской речи объединила в себе достижения самых разных наук: онтолингвистики, возрастной психологии, логопедии и дефектологии, логопатологии детского возраста, детской нейропсихологии и других. Задач, которые ставятся онтопсихолингвистикой, довольно много, но в целом они сводятся к вопросу о том, как развивается речь ребенка в норме и патологии, как вовремя распознать отставание в развитии и какими методами можно скорректировать речевое развитие ребенка. При этом чрезвычайно важно отделить патологию от нормы и определить, какие критерии нормы при этом возможно брать за образец. Кроме того, важнейшей проблемой остается вопрос о влиянии на речевое развитие социокультурных факторов, а значит, имеется острая необходимость в инструментах, позволяющих сравнивать речевое развитие детей из разных лингвокультур.

Возвращаясь к проблеме нормы, нужно отметить, что сам по себе вопрос того, что является нормой, тоже нетривиален. Необходимо при этом помнить, что экологичный

подход к норме предполагает, что норма – это успешность достижения поставленной цели. Для общения взрослых коммуникантов ответ на эту проблему дал Е.Ф. Тарасов [Тарасов 2010]. Он справедливо отмечает, что главный показатель успешного общения (т.е. общения, в которой коммуниканты достигают своей цели) – это осуществление их совместной деятельности. То есть, если деятельность осуществляется и достигаются цели, стоящие перед коммуникантами, мы можем констатировать, что данные коммуниканты имеют нормативное функционирование речи.

Однако этот подход невозможен для общения взрослого и ребенка. Взрослый, вступающий в коммуникацию с ребенком, чаще всего ставит себе не просто цель организации совместной деятельности с ним, но и обучение ребенка правильному построению коммуникации, которое предполагает целый ряд аспектов. Это и понимание ребенком обращенной к нему речи, и правильное произнесение звуков, и употребление правильных слов, и грамматики. И, главное, умение ребенка строить связное речевое высказывание. Таким образом, часто целью коммуникации ребенка со взрослым является обучение последнего правильному использованию языка, улучшение его речевых навыков и компетенций. Поэтому для определения нормы у детей чаще всего используется критерий приближения к среднему. Разумеется, нельзя забывать и о вариативности развития детей [Доброва 2018], однако значительное отклонение от среднего по выборке в сторону ухудшения показателей и является патологией.

Таким образом, оценка уровня развития речи ребенка важна в самых разных сферах. Например, для родителей важно иметь некие ориентиры, чтобы понимать, насколько нормативно проходит развитие ребенка, пора ли предпринимать какие-то специальные усилия и показать его специалисту, или то, что кажется неправильным чересчур тревожной маме, – это вариант возрастной нормы? Для школьных учителей или воспитателей в детском саду важно понимать, нуждается ли ребенок в дополнительной помощи и насколько сильно отстает его речевое развитие от сверстников, а также уметь отделить недоразвитие речи от поведенческих, эмоциональных и других нарушений. Разумеется, работающие инструменты, позволяющие зафиксировать и наглядно представить уровень речи ребенка в начале и в конце работы, необходимы специалистам: нейропсихологам, логопедам, дефектологам. Кроме того, инструменты оценки речи детей как одной из высших психических функций необходимы ученым: психологам, лингвистам, когнитивистам, поскольку помогают выделить детей с разным уровнем развития речевых функций. Все это и многое другое предопределяет актуальность разработки, апробации и внедрения комплексных тестов для оценки речевого развития ребенка. Наиболее ценными будут такие методики, которые были не просто апробированы на больших выборках детей, но и стандартизированы, то есть те тесты, по которым собраны нормы: данный тест прошли сотни детей разных возрастов, без каких-либо медицинских диагнозов, предполагающих замедление или нарушение развития речи, и по их ответам были сформированы представления о том, как выполняет эти тесты большинство детей данного возраста.

2. Проблемы применения и интерпретации тестов оценки речевого развития

В применении и интерпретации тестов и методик на уровень развития речевых функций существует ряд проблем:

1. Смещение возрастных норм. С течением времени возрастные нормы развития некоторым образом смещаются. Если сравнить возрастные нормы этапов интеллектуального и речевого развития ребенка, отмеченные Ж. Пиаже и Л.С. Выготским, мы

увидим, что сейчас дети развиваются раньше, чем их сверстники 100 лет назад. То есть стадии развития остаются такими же, но возраст их освоения сдвигается. В настоящее время это особенно заметно на примере теста Векслера на интеллект, который часто перерабатывается в связи с так называемым «эффектом Флинна» [Flynn 1999].

2. Подвижность лексического состава и наиболее употребительной лексики. Изменяется окружающий мир, а значит – и лексика, которую используют взрослые, а следовательно, и дети. Некоторые дети не узнают какие-то элементы из «Луриевского альбома», непонятными становятся ситуации, изображенные для создания предложений или текстов.

3. Перевод и адаптация тестов на другие языки. Особые проблемы возникают при адаптации методик с одного языка на другой. Нужно не только перевести методики, но и адаптировать их, заменить лакунарные стимулы, убедиться, что в языке, на который переведена методика, сохранились схожие грамматические, фонетические и прочие трудности, характерные для методики на родном языке.

4. Соотношение тотальности исследования речи и временных затрат. Разумеется, чем более подробной будет батарея методик, чем больше различных аспектов речи ребенка она затронет, тем более точными будут результаты, однако в таком случае проведение и обработка тестов значительно усложняются, а также значительно увеличивается время, которое требуется на тестирование одного ребенка. Тем более, что исследователи редко ограничиваются только методиками оценки речи, часто они сопровождаются другими тестами. Кроме того, нужно учитывать, что детям до 7 лет сложно сосредоточиться на чем-то дольше 20-30 минут. Поэтому необходимо делать перерывы, что еще более увеличивает время проведения тестирования, усложняет обработку и т.п.

5. Индивидуальное или групповое обследование. Для большинства психологических исследований нужны большие выборки респондентов. В этом случае проводимые методики должны быть максимально простыми и удобными в проведении, не требующими высокой квалификации тестируемых. Такие методики противопоставляются полному нейропсихологическому или другому клиническому обследованию ребенка, по результатам которого можно делать выводы об уровне его развития и тех психических функциях, которые нуждаются в корректировке. Нельзя забывать, что по результатам скрининговых методик мы не можем делать вывод о недоразвитии ребенка или ставить ему клинический диагноз.

6. Аспекты речи, подлежащие оценке. Когда в исследовании говорится о развитии речи ребенка, это может подразумевать довольно широкий спектр тех речевых функций, которые у него оценивались. Как мы покажем ниже, некоторые методики, часто используемые в массовых психологических обследованиях, оценивают только пассивный словарь ребенка, другие – активный и пассивный словарь. Национальный институт грамотности США (National Institute for Literacy) выделяет такие показатели развития речи ребенка: фонетический, лексический, синтаксический и символический [National Early Literacy Panel 2008]. Поэтому вопрос о том, какие именно аспекты наилучшим образом отражают развитие речи ребенка в целом, остается до сих пор актуальным.

7. Возможность статистического представления данных. Для статистической обработки данных наилучшими являются относительные шкалы, а для них разброс оценок должен быть достаточно велик. И если для объема лексического запаса разных детей это возможно, то оценка нарратива, смысловой адекватности, правильности построения предложений такой возможности часто не дает и предполагает представление дан-

ных в виде интервальной или даже порядковой шкалы.

8. Экологическая валидность методик оценки. Тот факт, что ребенок может показать на картинке предмет, соответствующий услышанному слову, или четко и правильно произносит все звуки, не свидетельствует о том, что он может правильно употреблять слова в речи, выстраивать правильное связное высказывание или понимать фразеологизмы. Некоторые батареи тестов (например, Woodcock-Johnson IV) специально стараются разрабатывать экологически валидные тесты, однако это, скорее, исключение из правил. На наш взгляд, наиболее валидным остается создание ребенком связного монологического высказывания или адекватное речевое поведение в диалоге, однако из-за сложностей проведения и оценки этих аспектов они почти не включаются в батареи методик.

9. Этические аспекты адаптации и проведения тестов. Не секрет, что при публикации результатов исследований в западных журналах зачастую требуется предоставить письменное согласие респондентов. При этом, если речь идет о детях, могут потребовать письменное информированное согласие обязательно обоих родителей. Все это создает дополнительные трудности в и без того непростом процессе сбора данных. Есть методики, которые, оценивая уровень развития речи ребенка, обращаются напрямую к его родителям с просьбой заполнить соответствующие анкеты [Fenson 1993]. Однако предпочтительным все же остается обследование речи напрямую у детей.

3. Обзор зарубежных тестов и батарей методик для оценки речи детей

3.1 Общепсихологические методики, тесты на интеллект

Как мы уже отметили выше, детская речь является объектом целого ряда наук и научных дисциплин: онто-, психо-, нейролингвистики, теоретической лингвистики, возрастной, педагогической, когнитивной психологии, логопедии, дефектологии и многих других. Все они нуждаются в инструментах как индивидуальной оценки развития речи отдельного ребенка, так и данных массового обследования детей, поскольку развитие речи напрямую связано с развитием других когнитивных функций, саморегуляции, способности к обучению и т.д. Поэтому батареи методик для оценки речи детей, в каких бы дисциплинах, методических и методологических подходах они ни появлялись, используются во всех этих науках, однако для разных целей, имея разный предмет исследования. Например, в рамках возрастной и педагогической, а также когнитивной психологии речь ребенка предстает как одна из когнитивных функций и исследуется ее влияние на развитие у детей памяти, внимания, когнитивной гибкости, способности к переключению и т.д. В нейропсихологии по речевому развитию и речевой деятельности детей можно сделать вывод о развитии основных функциональных блоков мозга ребенка, о его готовности к школьному обучению, а также выявить факторы и причины недоразвития. В логопедии или дефектологии, используя те же тесты и методики оценки речи, разрабатываются программы коррекции и восстановительного обучения.

Тесты и батареи методик, оценивающих развитие речи, могут быть рассчитаны на разный возраст: начиная от нескольких месяцев и заканчивая глубокой старостью (в этом случае обычно указывают возраст 90+). Главное при этом – нормализация данных на разных возрастах. В случае детской методики шаг может быть и полгода, а взрослые версии иногда нормируют с шагом в 5-10 лет.

В связи со сложностями и проблемами, перечисленными в первой части нашей статьи, постоянно появляются или переводятся с других языков всё новые батареи тестов для исследования речевых функций как детей, так и взрослых. В рамках нашей статьи

мы сосредоточимся на тех диагностических инструментах, которые уже прочно вошли в научный обиход и активно используются.

Исторически первые методики, оценивающие речь, были разработаны в психологии. С психологической точки зрения, речь является одной из высших психических функций, а потому она оценивается наряду с гнозисом, памятью, мышлением, вниманием и т.д.

Первым максимально разработанным тестом для оценки когнитивных функций детей, как принято считать, стал тест А. Бине и Т. Симона, разработанный на французском языке для того, чтобы определять готовность детей к школе. Этот тест, так же, как и разработанный Л.М. Терменом на его основе тест Стэнфорд–Бине, призванный определить интеллектуальный возраст ребенка, включает субтесты на развитие речи [Terman 1916]. Начиная с трех лет ребенку предлагают задания на пассивный и активный словарь (ребенка просят показать называемые предметы или наоборот, назвать то, что изображено на картинках), в более поздних возрастах задания, в том числе, на речь, усложняются: появляются задания на заполнение пропущенных слов, составление предложения и т.п. Многие критиковали и критикуют шкалу интеллекта Стэнфорда–Бине именно потому, что в основе оценки интеллекта ребенка – его владение языком. Поэтому позже были разработаны невербальные шкалы, позволяющие сравнивать детей из разных лингвокультур. На русский язык тест Симона–Бине был переведен и адаптирован в 1921 году А.П. Нечаевым [Нечаев 1921]. Данный тест включал, в частности, субтесты на называние, оканчивание слов и фраз, повторение фраз различной длины и т.п. Шкала Стэнфорд–Бине несколько раз обновлялась, перерабатывалась; в настоящее время используется Пятая версия этого теста. Шкала остается довольно популярной, хотя используется чаще для обследования интеллекта, а не речи.

Далее методики на оценку речи включались в такие известные батареи, как Шкала измерения интеллекта Векслера (знаменитая шкала, измеряющая IQ). Шкала Векслера впервые была предложена в 1949 году [Wechsler 1949]. Она являлась переработкой более ранней шкалы Векслера–Белльвью [Wechsler 1939]. Изначально детская версия шкалы (WISC) была предназначена для детей 5–15 лет. В неё включались три субшкалы: вербальный, невербальный и общий интеллект. Тест Векслера остается одним из самых используемых для оценки самых разных когнитивных функций. С 2014 года используется уже 5-я версия для детей. Теперь она переработана для детей 6–16 лет [Wechsler 2014]. Кроме того, существует вариант методики Векслера для дошкольников (WPPSI). Он перерабатывался 4 раза и в настоящее время используется 4-я версия, вышедшая в 2012 году. Этот вариант теста рассчитан на детей от 2 лет 6 месяцев до 7 лет 7 месяцев.

На русский язык переводятся и адаптируются не все варианты данных шкал. Так, если Детская шкала Векслера (WISC) была адаптирована для русскоязычной выборки еще в 70-ые годы [Панасюк 1973], то вариант для дошкольников (WPPSI) – только в начале 2000-ых [Ильина 2006]. В настоящее время переведена на русский язык и проходит апробацию и стандартизацию в Институте психологии РАО уже 5-я версия детской шкалы. В обеих детских шкалах Векслера вербальный интеллект ребенка оценивается с помощью субтестов: осведомленность, понятливость, арифметический, сходство, словарный, повторение цифр. На самом деле, из шкал, составляющих вербальный интеллект к развитию речи можно отнести разве что словарный: он предполагает, что ребенок дает объяснение различным сложным словам. Однако баллы ставятся не за

его способность сформулировать грамматически правильное предложение, а за умение выделить дифференциальные семы в данном понятии. Кроме того, оценивается собственно знание ребенком данного слова.

Для психолингвистики важным здесь является прежде всего вопрос, можно ли смешивать интеллект и развитие речи, как их дифференцировать. Причем этот вопрос актуален как для тех, кто занимается исследованием интеллекта (что такое интеллект сам по себе, в отрыве от других когнитивных функций), так и для тех, кто занимается речью ребенка (он не смог придумать адекватный рассказ по картинке, потому что ее не понял или не смог описать, ребенок назвал сливу ягодой потому что у него не сформировано понятие ягоды или он не знает этого слова и т.д.).

Среди плюсов использования данной методики можно отметить ее широкую распространенность, что позволяет проводить глубокий анализ, интерпретацию полученных результатов в сравнении с ранее проведенными исследованиями на разных языках.

Кроме тестов на оценку интеллекта существует несколько батарей для оценки общего развития ребенка. Они также включают в себя как субтесты, оценивающие речь, так и другие аспекты. Однако в этих батареях развитию именно речи уделяется намного больше внимания.

Одной из наиболее используемых батарей для оценки уровня развития детей от 3 лет и старше является Тест Вудкока-Джонсон (Woodcock-Johnson Test). Этот тест назван в честь его создателей и был введен в научный оборот в 1973 году. В настоящее время используется его 4-я версия [McGrew, LaForte, Schrank 2014]. В данный тест включены 3 батареи: тест на когнитивные способности, тест академических достижений (чтение, письмо, математика) и тест устной речи. Совместно они формируют систему для оценки общих интеллектуальных способностей, частных интеллектуальных способностей, устной речи и академических достижений и нормированы для людей от 2 до 90+ лет на выборке 7 416 человек.

Тесты на устную речь в батарее Вудкока-Джонсон включают в себя следующие задания: называние картинок, понимание устной речи (и дополнение предложения необходимыми элементами), сегментация (разделение слова на слоги и фонемы), быстрое называние картинок (на время), повторение предложений (с увеличивающейся длиной и сложностью), понимание инструкций (ребенку даются сложные инструкции по картинке, включающие предлоги времени, например, «Покажи машину на перекрестке, после того как ты укажешь на одну из летящих птиц»), соединение звуков (ребенку называются звуки или морфемы, из которых он должен составить слово), быстрота извлечения из памяти слов (ребенку предлагается назвать как можно больше слов, относящихся к определенной категории), звуковая осведомленность (ребенку предлагается придумать рифму к определенному слову), и три субтеста на испанском: словарный запас, понимание устной речи и понимание инструкций. Кроме того, в шкалу когнитивных способностей также входят субтесты, которые можно отнести к оценке речи: устный тезаурус (знание слов, умение находить синонимы и антонимы), фонологическая осведомленность (назвать слово, в котором заданный звук находится в заданной позиции; назвать как можно больше слов, начинающихся с одного звука; заменить одну или несколько фонем в слове так, чтобы получилось другое слово), пересказ истории, визуально-аудиальное обучение (ребенку предлагается расшифровать ребусы, обозначающие модели предложений и составить на основе этих моделей свои предложения) и запоминание слов в определенной последовательности.

К тестам на развитие речи можно, на наш взгляд, отнести и батарею на оценку академических достижений, поскольку она включает в себя тест на орфографию, понимание прочитанного, чтение, письмо (как обычное, так и на скорость), пересказ, исправление ошибок и др.

Данная батарея методов привлекательна еще и тем, что рассчитана на билингвов как с субординативным, так и с координативным билингвизмом (на материале английского и испанского языков) и позволяет определить уровень владения обоими языками и когнитивные сложности, возникающие на одном из них или обоих.

Для данной батареи методик прекрасно разработаны как статистические методы обработки данных, так и методические рекомендации по использованию данного инструмента в практике (включая заключения по конкретным случаям), методические рекомендации по коррекции обнаруженного недоразвития той или иной функции. [Mather, Jaffe 2016]. Методика представляет собой прекрасно проработанный инструмент для оценки развития когнитивного развития детей и взрослых с упором на речевые функции. Однако у нее имеется, с нашей точки зрения, два главных недостатка: а) она не переведена на русский язык; б) в ней полностью отсутствует какой-либо тест на создание связного высказывания, а именно последнее представляет собой тот результат, для которого и необходимо развитие всех остальных аспектов речевой деятельности. Впрочем, если использование методики без согласования с издательством, перевода и адаптации невозможно, то методические рекомендации и комплексный подход к заключениям (включающим не только полное представление диагностических данных, в том числе, в графическом представлении, но и рекомендации для родителей, для самого ребенка и для его учителей) представляются довольно ценными и заслуживающими внимания российских специалистов.

Кроме того, существует множество так называемых скрининговых шкал, то есть небольшие тесты, предназначенные для первичного ознакомления с когнитивным развитием ребенка. Среди подобных шкал можно назвать Скрининг раннего развития (ESI: The Early Screening Inventory) [Meisels et al. 2019], Шкала детских способностей МакКарти (McCarthy Scales of Children's Abilities) [Levin 2011] и многие другие.

3.2 Нейропсихологические методики

Другим направлением психологии, в котором активно используется оценка речевых функций, является клиническая психология, а более конкретно – нейропсихология и нейролингвистика. В рамках нейропсихологии были разработаны и апробированы основные методики на развитие и функционирование речи в норме и при патологии, а нейролингвистика использует эти данные для построения целостной модели порождения и восприятия речевого высказывания.

С начала ее развития как науки нейропсихологию интересует прежде всего то, как изменяются когнитивные функции человека при нарушении мозговых структур различной этиологии: в результате инсульта, черепно-мозговой травмы и т.п. Для того чтобы оценить степень повреждений, а затем – эффективность восстановительных мероприятий, в нейропсихологии был разработан ряд тестов, в дальнейшем объединенных в батареи, а потом получивших и взрослую, и детскую версии. Многие тесты при этом были построены на базе методов, предложенных отечественным нейропсихологом А.Р. Лурией. На Западе на основе методов Лурии были созданы «Луриевское нейропсихологическое обследование» (LNI), батарея «Лурия-Небраска» (LNNB), «Батарея оценки для детей Кауфмана» (KABC), «Система когнитивной оценки Das Naglieri» (DN: CAS),

и другие методики и батареи тестов (Three Step Task, EXIT, КАИТ и т.п.).

Довольно часто нейропсихологические батареи имеют адаптации для детей разных возрастов. Например, на основе батареи Халстеда-Рейтана (HRNB: Halstead-Reitan neuropsychological battery), рассчитанной на взрослых, имеющих нейрокогнитивный дефицит (в виде дополнения у батареи есть Скрининговый афазиологический тест Рейтана-Индиана), разработана батарея Халстеда-Рейтана для детей 9-14 лет и батарея Рейтана-Индиана для детей 5-8 лет, включающая пробы на фонематический анализ звучащей речи.

Есть также нейропсихологические батареи, специально разработанные для детей, например, скрининговый тест Comprehensive neuropsychological screening instrument for children (CNSIC), включающий субтесты на импрессивную и экспрессивную речь.

Одна из наиболее популярных на Западе нейропсихологических батарей тестов для оценки развития детей, включая их речевое развитие – это Шкала детского развития Бейли (Bayley Scales of Infant Development – III). Этот тест предназначен для оценки развития детей раннего возраста (от 1 до 42 месяцев) и охватывает 5 параметров: когнитивное, языковое (экспрессивное и рецептивное), моторное, социально-эмоциональное и адаптивное развитие ребёнка. Тест был разработан Нэнси Бейли еще в 20-е годы 20 века и применялся ею в работе более 40 лет, прежде чем в 1969 году вышла его официальная коммерческая версия. В настоящее время используется 3-я редакция данного теста, введенная в научный оборот в 2006 году, через 8 лет после смерти самой Бейли. Шкала считается эклектичной [Lennon et al. 2008], поскольку различные тесты были заимствованы из разных других батарей. Шкала включает в себя как наблюдение за самим ребенком, так и заполнение опросника его родителями или опекунами. В основном Шкала Бейли используется для детей, у которых при рождении были выявлены факторы риска задержки или отклоняющегося развития, а также для детей раннего возраста, имеющих отклонения в их развитии. На русском языке шкала не стандартизирована, однако она уже успешно применяется [Бакушкина и др. 2018].

Кроме собственно нейропсихологических существуют инструменты диагностики в виде клинических батарей или тестовых методик.

Например, широко распространена Клиническая шкала оценки основных речевых функций, предложенная авторами E. Semel, E.H. Wiig, W. Secord (Clinical evaluation of language fundamentals, CELF) и предназначенная для людей от 5 лет до 21 года 11 месяцев (с 2013 года используется 5-я версия этой методики) [Wiig 2013]. Эта методика на русский язык не переведена.

Таким образом, нейропсихология представляет свой подход к разработке и применению методов оценки речевых функций, в том числе у детей. В нашей стране это направление хорошо развито, поскольку работы А.Р. Лурии продолжают развиваться его учениками и последователями.

3.3 Речевые методики

Наконец, есть ряд батарей тестов, призванных оценить только речевое развитие детей для самого широкого круга исследовательских и прикладных задач. Они также могут применяться для клинических целей, однако призваны оценивать именно речь, а не другие психические функции.

Для оценки речевого, точнее, коммуникативного развития детей младшего возраста очень популярен опросник МакАртура-Бейтс, переведенный и адаптированный для русскоязычной выборки. Авторы русскоязычной версии – М.Б. Елисеева, Е.А. Верши-

нина, В.Л. Рыскина, С.Н. Цейтлин собрали результаты более 1800 детей [Елисеева, Вершинина, Рыскина 2016]. К сожалению, данный опросник предполагает исследование детей только до 36 месяцев. Это опросник для родителей, т.е. он используется для анализа оценки родителями речевого развития их ребенка.

В Европе широко используется «Европейская батарея устной речи» (European oral language battery), особенно в её французской версии «Батарея оценки устной речи детей-афатиков 4-12 лет» (Batterie d'évaluation du langage oral de l'enfant aphasique, ELOLA: standardisation française (4-12 ans) [DeAgostini, Metz-Lutz 1998]. На её основе в Италии была создана батарея «Batteria per la Valutazione del Linguaggio in bambini dai 4 ai 12 anni», BVL4-12; Marini, Marotta, Bulgheroni & Fabbro (“Battery for linguistic assessment of children from 4 to 12 years” [Marini, Marotta 2014]), переведенная и адаптированная затем для ряда языков, в том числе русского [Marini, Eliseeva 2017]. В настоящее время данная методика проходит стандартизацию для русскоязычной выборки. Эта батарея является наиболее полной, поскольку включает в себя оценку всех аспектов речи, причем как продуктивной, так и рецептивной. В частности, она включает тесты на артикуляцию, называние, семантическую беглость, фонологическую беглость, тест на завершение предложений, создание нарративов, различение фонем, понимание лексики, грамматики, вынесение грамматических суждений, понимание идиоматических выражений, понимание языковой и эмоциональной просодии, тест на повторение слов, псевдослов и предложений. Таким образом, данная методика охватывает все аспекты речи, однако предполагает весьма значительные временные затраты, поскольку только на сбор данных на каждого ребенка затрачивается не менее часа, а часто около полутора часов. К тому же данная методика предполагает довольно сложную процедуру оценки и анализа полученных результатов. Поэтому такие комплексные батареи являются скорее исключением. Чаще используются методики, предназначенные для оценки одного-двух аспектов речи ребенка.

Например, Comprehensive test of phonological processing, STOPP [Wagner 1999] для респондентов 5-24 лет. Данный тест включает 13 субтестов, в основном, на называние, повторение, фонетическое деление слов и неслов и т.п. Для этого теста также нет перевода и адаптации на русский язык.

Еще один широко используемый, например, в США тест – это “Языковой тест Бэнксона” (BLT: Bankson Language Test – III (США)) [Bankson et al. 2018]. В нем исследуются три основные категории: семантика (знание как конкретных предметов, действий, функций, категорий, так и знание предлогов, умение подобрать антонимы и т.п.); грамматика (морфологические и синтаксические правила: использование видо-временной системы глаголов, сравнительная и превосходная степень, умение строить отрицание, задавать вопросы и многое другое) и прагматика (умение строить разные типы дискурса). Важно, что результаты использования этой батареи могут быть представлены в виде стандартизированных баллов, процентилей, что удобно для статистической обработки больших массивов этих данных. Тест разработан и стандартизирован для возраста от 3 до 6 лет 11 месяцев на выборке 1200 детей из 10 штатов США. С 2018 года в практику введена уже 3-я редакция этого теста.

Однако наиболее удобно для оценки речи использовать картиночные словарные тесты. Они наиболее экономичны как в процессе проведения, так и для обсчета. Не требуется значительных усилий для обучения тестируемых. Они просты в применении. Такие тесты могут быть как для обследования только импрессивной речи (ребенку на-

зывается слово, и его просят показать одну из четырех картинок), так и для экспрессивной (показывается картинка, которую требуется назвать).

Специально для обследования импрессивной речи, в частности, пассивного словарного запаса ребенка используется «Картиночный словарный тест Пибоди (Peabody picture vocabulary test, 1997). В настоящее время распространена 4-я версия этого теста [Dunn, Dunn 2007]. Тест может использоваться, начиная от 2 лет 6 месяцев, при этом верхняя граница не обозначена. С одной стороны, этот тест, как мы уже указывали, ограничен только словарной подсистемой языка, с другой – он широко используется в психологических массовых исследованиях, поскольку экономичен по времени, легко обрабатывается и, как показали исследования, коррелирует с другими тестами на уровень владения языком. В настоящее время проводится его перевод и адаптация для русского языка.

Кроме теста Пибоди для оценки тезауруса используется Британская шкала оценки словарного запаса (British Picture Vocabulary Scale или BPVS). Она разработана и апробирована для детей от 3 до 16 лет [Dunn et al. 1997]. Так же, как и в тесте Пибоди, ребенку называют слово и просят показать соответствующий рисунок, выбрав его из четырех, представленных на данном листе. Для обследования каждого ребенка требуется 10-15 минут. В настоящее время используется 3-я редакция данного теста.

В отличие от двух описанных выше тестов, Тест на активный и пассивный словарь (CREVT: Comprehensive Receptive and Expressive Vocabulary Test) позволяет оценить как пассивное знание ребенком слов, так и умение их употреблять. Тест CREVT был разработан для людей от 5 до 89 лет. Его проведение занимает 20-30 минут. В настоящее время используется 3-я версия (нормативы у 1535 человек были собраны по этой методике в 2011 году). Тест был стандартизирован по возрасту, гендеру, расе [Wallace, Hammill 2013]. Тест позволяет не только оценить, насколько объем словаря ребенка соответствует возрастным нормам, но и каков разрыв между активным и пассивным словарем. Предлагается также формула для расчета Общего словарного индекса испытуемого или группы.

В качестве стимульного материала в данном тесте используются фотографии, тогда как в других чаще – картинки. Кроме того, в данной методике респонденту предлагают выбрать названное ему слово не из 4, а из 6 цветных фотографий, сгруппированных по тематическому принципу (животные, транспорт, виды деятельности, одежда, бытовая техника и т.п.). Активный словарь измеряется с помощью задания “дать определение названному слову”). Данная методика также не была переведена на русский язык.

Резюме

Ограниченные рамки статьи, мы оставили в стороне от рассмотрения такие известные батареи методик, как Reynell Developmental Language Scales, Preschool Language Scales IV, the Mullen Scales of Early Learning, the Receptive-Expressive Emergent Language Scales, the Battelle Developmental Inventory, the Brazelton's Neonatal Behavioral Assessment Scale, Test of Preschool Early Literacy, Oral & Written Language Scale. Возможно, это станет материалом для нашей следующей статьи. Тем не менее, на основе проанализированных инструментов мы можем сделать следующие выводы.

Для оценки речевого развития детей в зарубежной науке разработаны, апробированы и применяются различные батареи тестов. Их можно разделить как по целям (выявить определенное нарушение, узнать степень отставания от сверстников, определить, чем обусловлено отставание в школе, провести научное исследование и т.п.), так и по возрасту, полноте и т.п.

Лучше всего развиты и применяются варианты тестов или субтесты на знание слов. Это обусловлено, на наш взгляд, простотой проведения данного теста, его показательностью и т.д. Довольно часто лексические навыки приравниваются к владению языком, что, на наш взгляд, конечно, неверно. Разработанные методики оценки часто используются для проведения различного рода научных исследований, то есть они должны иметь довольно широкую шкалу значений. Однако тест на знание слов, с нашей точки зрения, вряд ли может быть показателем способности ребенка строить грамматически правильные предложения из этих слов, а главное – отражать его способность к адекватной, правильной коммуникации и к построению связных и цельных речевых высказываний. Наконец, нельзя не отметить, что методик оценки развития связной речи ребенка (будь то личный нарратив, пересказ, создание рассказа по картинке) по-прежнему остается крайне мало. И это остается большой проблемой, поскольку именно создание цельного и связного рассказа является тем результатом, к которому необходимо стремиться при развитии речи детей.

Литература

Бакушкина Н. И., Киселев С. Ю., Львова О. А., Сулейманова Е. В., Туктарева И. В. Использование шкал Бейли (BAYLEY-III) для оценки нейрокогнитивного развития детей в норме и при патологии // Теоретическая и экспериментальная психология, 2018. Т. 11. № 1. С. 85–94.

Доброва Г. Р. Вариативность речевого развития детей. М.: Языки славянской культуры, 2018. 264 с.

Елисеева М. Б., Вершинина Е. А., Рыскина В. Л. Макартуровский опросник: русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Нормы развития. Образцы анализа. Комментарии. Иваново: ЛИСТОС, 2016. 76 с.

Ильина М. Н. Психологическая оценка интеллекта у детей. СПб.: Питер, 2006. 368 с.

Нечаев А. П. Простейшие измерения степени умственного развития у детей с приложением особого альбома таблиц. Сызрань, 1921. 43 с.

Панасюк А. Ю. Адаптированный вариант методики Векслера. М., 1973. 79 с.

Таппер Д. Е. Продолжающееся влияние идей Лурия на Североамериканскую нейропсихологию: теория и ее применение // I Международная Конференция Памяти Л. Р. Лурия: Сб. Докладов, под ред. Е.Д. Хомской, Т.В. Ахутиной. М.: РПО, 1998. С.87 – 94.

Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. 2010. Т.2. Вып.12. С. 20–26.

Bankson, N.W., Mentis, M., Jagielko, J.R. (2018) BELT-3: Bankson Expressive Language Test. Third Edition. ProEd.

Fenson, L. (1993) MacArthur Communicative Development Inventories: User's Guide and Technical Manual Cengage Learning.

De Agostini, M., Metz-Lutz, M.N., Van Hout, A., Chavance, M., and Deloche, G. (1998) Oral Language Evaluation Battery of Aphasic Children: A French Standardization // Revue de Neuropsychologie. №8. P. 319–67.

Dunn, L.M., Dunn, D.M. (2007) PPVT-4: Peabody picture vocabulary test Minneapolis, MN.: Pearson Assessments.

Dunn, L.M., Dunn, D.M., Whetton, Ch., Burley, J. (1997) British Picture Vocabulary Scale (2nd ed.) NFER-Nelson.

Flynn, J. R. (1999) Searching for justice: The discovery of IQ gains over time. *American Psychologist*. Vol.54(1). P. 5–20.

Lennon, E.M., Gardner, J.M., Karmel, B.Z., and Flory, M.J. (2008) Bayley Scales of Infant Development // *Encyclopedia of Infant and Early Childhood Development*. Academic Press. P. 145–156.

Levin, E. (2011) McCarthy Scales of Children's Abilities. // Goldstein S., Naglieri J.A. (eds) *Encyclopedia of Child Behavior and Development*. Springer, Boston, MA.

Marini, A., Marotta, L., Bulgheroni, S., and Fabbro, F. (2014) *Batteria Per La Valutazione Del Linguaggio in Bambini Dai 4 Ai 12 Anni*. Firenze: Giunti O.S. Organizzazioni Speciali.

Marini, A., Eliseeva, N., Gorobets, E.A., and Filippova, O.G. (2017) An Introduction to the Russian Adaptation of the Battery for the Assessment of Language in Children (Bvl_Ru) // 4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences & Arts SGEM. P. 541–48.

Mather, N., Jaffe, L.E. (2016) *Woodcock-Johnson IV: reports, recommendations, and strategies*. Wiley.

McGrew, K.S., LaForte, E.M., & Schrank, F.A. (2014) *Technical Manual*. Woodcock-Johnson IV. Rolling Meadows, IL: Riverside.

Meisels, S.J., Marsden, D.B., Henderson, L.W., Wiske, M.S. (2019) *The Early Screening Inventory*. Third Edition (ESI-3). Minneapolis, MN.: Pearson.

National Early Literacy Panel. *Developing – early literacy: Report of the National Early Literacy Panel*. (2008) Washington, DC: National Institute for Literacy. Available at <http://www.nifl.gov/earlychildhood/NELP/NELPreport.html>. (retrieval date: 10.02.2020).

Terman, L.M. (1916) *The measurement of intelligence. An explanation of and a complete guide for the use of the Stanford revision and extension of The Binet-Simon intelligence scale*. Boston: The Riverside Press Cambridge.

Wagner, R.K. (1999) *CTOPP: Comprehensive Test of Phonological Processing*. PRO-ED.

Wallace, G., Hammill, D.D. (2013) *CREVT-3: Comprehensive Receptive and Expressive Vocabulary Test*. Third Edition. ProEd.

Wechsler, D. (1939) *Wechsler-Bellevue intelligence scale*. New York: The Psychological Corporation.

Wechsler, D. (1949) *Wechsler intelligence scale for children*. New York: The Psychological Corporation.

Wechsler, D. (2014) *Wechsler intelligence scale for children*. Fifth edition. Bloomington, MN: Pearson.

Wiig, E.H., Semel, E., Secord, W.A. (2013) *Clinical Evaluation of Language Fundamentals*. Fifth Edition (CELF-5). Minneapolis, MN.: Pearson.

CHILDREN LANGUAGE ASSESSMENT: A FOREIGN BATTERIES REVIEW

Ekaterina S. Oshchepkova

PhD, Senior Researcher

Department of Psycholinguistics

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

1, building 1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, 125009 Russia

oshchepkovaes@iling-ran.ru

The author examines a number of questions regarding the methods and techniques for assessing children's language development. The literature review shows that the main requirements for such techniques are identified, especially the assessment of various aspects of speech (phonetics, vocabulary and semantics, morphology and syntax, narrative construction). The author estimates the main problems associated with the procedure and analysis of the data.

Methods for assessing children's speech can be divided into those used in the framework of the general psychological assessment of cognitive functions, as part of neuropsychological batteries, and also just for language assessment. The author analyzes the advantages and disadvantages of various test batteries. In particular, such popular tests as the Wechsler test, the Woodcock-Johnson battery, the Bailey child development scale, the Battery for the Assessment of Language in Children (Bvl_Ru), the Peabody picture test and others are examined in detail. The author concludes that despite the abundance and variety of tools for assessing children language, there are very few tools for narration evaluation.

Keywords: language development, language assessment, cognitive functions, child neurolinguistics

References

Bakushkina N.I., Kesel'gov S. Yu., L'vova O.A., Sulejmanova E.V., Tuktareva I.V. Ispol'zovanie shkal Bejli (BAYLEY-III) dlja ocenki nejrokognitivnogo razvitija detej v norme i pri patologii [Use of Bayley-III Scales To Assess Neurocognitive Development Of Children In Norm And In Pathology] // Teoreticheskaja i jeksperimental'naja psihologija, 2018. Vol. 11. № 1. P. 85–94. (In Russian).

Dobrova G.R. Variativnost' rechevogo razvitija detej [Childre language development variety]. M.: 2018. 264 p. (In Russian).

Eliseeva M.B., Vershinina E.A., Ryskina V.L. Makarturovskij oprosnik: russkaja versija. Ocenka rechevogo i kommunikativnogo razvitija detej rannego vozrasta. Normy razvitija. Obrazcy analiza. Kommentarii [McCarthy Scales of Children's Abilities: russian version. Norms, examples, comments]. Ivanovo: LITOS, 2016. 76 p. (In Russian).

Il'ina M.N. Psihologicheskaja ocenka intelekta u detej [Children intelligence assessment]. SPB, 2006. 368 p. (In Russian).

Nechaev A.P. Prostejschie izmerenija stepeni umstvennogo razvitija u detej s prilozheniem osobogo al'boma tablic. [The simplest measures of children intelligence]. Syzran', 1921. 43 p. (In Russian).

Panasjuk A.Ju. Adaptirovannyj variant metodiki Vekslera [Wechsler intelligence scale: adaptation]. M., 1973. 79 p. (In Russian).

Tapper D.E. Prodolzajushheesja vlijanie idej Lurija na Severoamerikanskiju nejropsihologiju: teorija i ee primenenie [The lasting Luria's ideas influence on neuropsychology in North America: theory and practice] // 1 Mezhdunarodnaja Konferencija Pamjati L. R. Lurija: Sb. Dokladov, pod red. E.D. Homskoj, T.V. Ahutinoj. M.: RPO, 1998. P. 87 – 94 (In Russian).

Tarasov E.F. Problemy teorii rechevogo obshhenija [Problems of communication theory] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2010. Vol.2. Issue12. P. 20–26. (In Russian).

Bankson, N.W., Mentis, M., Jagielko, J.R. (2018) BELT-3: Bankson Expressive Language Test. Third Edition. ProEd.

Fenson, L. (1993) MacArthur Communicative Development Inventories: User's Guide and Technical Manual Cengage Learning.

De Agostini, M., Metz-Lutz, M.N., Van Hout, A., Chavance, M., and Deloche, G. (1998) Oral Language Evaluation Battery of Aphasic Children: A French Standardization // *Revue de Neuropsychologie*. №8. P. 319–67.

Dunn, L.M., Dunn, D.M. (2007) PPVT-4: Peabody picture vocabulary test Minneapolis, MN.: Pearson Assessments.

Dunn, L.M., Dunn, D.M., Whetton, Ch., Burley, J. (1997) British Picture Vocabulary Scale (2nd ed.) NFER-Nelson.

Flynn, J. R. (1999) Searching for justice: The discovery of IQ gains over time. *American Psychologist*. Vol.54(1). P. 5–20.

Lennon, E.M., Gardner, J.M., Karmel, B.Z., and Flory, M.J. (2008) Bayley Scales of Infant Development // *Encyclopedia of Infant and Early Childhood Development*. Academic Press. P. 145–156.

Levin, E. (2011) McCarthy Scales of Children's Abilities. // Goldstein S., Naglieri J.A. (eds) *Encyclopedia of Child Behavior and Development*. Springer, Boston, MA.

Marini, A., Marotta, L., Bulgheroni, S., and Fabbro, F. (2014) *Batteria Per La Valutazione Del Linguaggio in Bambini Dai 4 Ai 12 Anni*. Firenze: Giunti O.S. Organizzazioni Speciali.

Marini, A., Eliseeva, N., Gorobets, E.A., and Filippova, O.G. (2017) An Introduction to the Russian Adaptation of the Battery for the Assessment of Language in Children (Bvl_Ru) // 4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences & Arts SGEM. P. 541–548.

Mather, N., Jaffe, L.E. (2016) Woodcock-Johnson IV: reports, recommendations, and strategies. Wiley.

McGrew, K.S., LaForte, E.M., & Schrank, F.A. (2014) Technical Manual. Woodcock-Johnson IV. Rolling Meadows, IL: Riverside.

Meisels, S.J., Marsden, D.B., Henderson, L.W., Wiske, M.S. (2019) The Early Screening Inventory. Third Edition (ESI-3). Minneapolis, MN.: Pearson.

National Early Literacy Panel. Developing – early literacy: Report of the National Early Literacy Panel. (2008) Washington, DC: National Institute for Literacy. Available at <http://www.nifl.gov/earlychildhood/NELP/NELPreport.html>. (retrieval date: 10.02.2020).

Terman, L.M. (1916) The measurement of intelligence. An explanation of and a complete guide for the use of the Stanford revision and extension of The Binet-Simon intelligence scale. Boston: The Riverside Press Cambridge.

Wagner, R.K. (1999) CTOPP: Comprehensive Test of Phonological Processing. PRO-ED.

Wallace, G., Hammill, D.D. (2013) CREVT-3: Comprehensive Receptive and Expressive Vocabulary Test. Third Edition. ProEd.

Wechsler, D. (1939) Wechsler-Bellevue intelligence scale. New York: The Psychological Corporation.

Wechsler, D. (1949) Wechsler intelligence scale for children. New York: The Psychological Corporation

Wechsler, D. (2014) Wechsler intelligence scale for children. Fifth edition. Bloomington, MN: Pearson.

Wiig, E.H., Semel, E., Secord, W.A. (2013) Clinical Evaluation of Language Fundamentals. Fifth Edition (CELF-5). Minneapolis, MN.: Pearson.

УДК: 81.23 81.119 003 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-124-145

О СОСТОЯНИИ ФОНОСЕМАНТИКИ В РОССИИ
Статья третья. Российские фоносемантические школы и центры

Шляхова Светлана Сергеевна

доктор филологических наук,
зав. кафедрой иностранных языков и связей с общественностью
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Россия, 614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29
shlyahova@mail.ru

Данная статья является третьей в цикле публикаций, посвященных обзору фоносемантических исследований в России. В первой статье был представлен обзор теоретических и информационно-организационных проблем в исследовании лингвистического иконизма в России. Во второй – давался обзор развития отечественной фоносемантики в рамках конференций и симпозиумов; предлагался обзор существующих программ фоносемантического анализа текста (технологии Ni-Nume) и основных фундаментальных исследований в области лингвистического иконизма. Настоящая статья посвящена обзору проблематики фоносемантических исследований российских научных школ и центров. База научных центров и школ, связанных с рассматриваемой проблемой, уже создана в России (Санкт-Петербург, Пятигорск, Бийск, Пермь, Саратов, Уфа), выявлены основные проблемы, которые в российской лингвистике исследуются наиболее активно: обоснование фоносемантики как самостоятельной научной дисциплины, ее категорий, законов, закономерностей; фоносемантические универсалии в области звукосимволизма и ономотопеи на материале различных языковых семей; обоснование иконической концепции происхождения языка; обоснование протоконцептуального иконического пространства языка и др.

Ключевые слова: психолингвистика; фоносемантика; лингвистический иконизм; звукосимволизм; ономотопея; звуко-цветовая ассоциативность; научные сообщества

1. Введение

Цикл статей являет собою обзор состояния фоносемантических исследований в России, который обобщает и систематизирует накопленный опыт и существующие проблемы в этой области научного знания.

В первой статье [Шляхова 2018] были определены теоретические, организационные и информационные проблемы в области исследования лингвистического иконизма в российской науке. Во второй статье [Шляхова 2019] был предложен обзор специализированных (фоносемантических) конференций и семинаров в российском научном дискурсе, начиная с конца 60-х гг. XX в., а также обзор основных фундаментальных исследований по лингвистическому иконизму и программному обеспечению фоносемантического анализа текста (технологий Ni-Nume).

Цель данной третьей статьи – обзор проблематики фоносемантических исследований российских научных школ и центров.

На сегодня в России и за рубежом сложились научные школы и центры, которые не имеют прочных научных связей. В России можно говорить о нескольких научных цен-

трах, занимающихся проблемами лингвистического иконизма: Петербургская фоносемантическая школа (основатель С.В. Воронин); Саратовская психолингвистическая школа (основатель И.Н. Горелов); Пятигорская фоносемантическая школа (руководитель А.Б. Михалев); Бийская фоносемантическая школа (руководитель Е.Б. Трофимова); Пермский фоносемантический кружок (руководитель С.С. Шляхова); Московская школа экологической биолингвистики (основатель В.Д. Ильичев); Уфимская психолингвистическая школа (руководитель Т.М. Рогожникова).

Однако в сознании научной общественности данные центры не спозиционированы как научные школы, несмотря на долгосрочность, системность и многочисленность серьезных исследований.

Сегодня в российской лингвистике наблюдается устойчивый интерес к фоносемантическим проблемам (рис. 1).

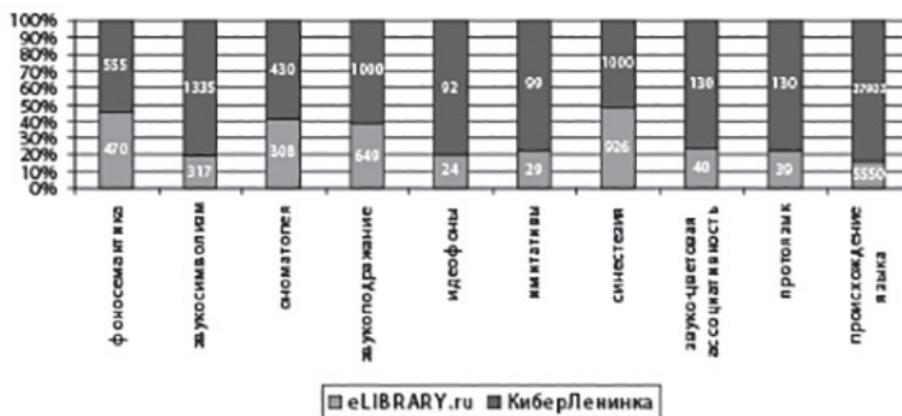

Рис. 1. Количество публикаций в российских электронных библиотеках (по запросам)

Рассмотрим подходы различных российских фоносемантических школ к исследованию звукового иконизма.

2. Российские фоносемантические школы и центры

2.1. *Петербургская фоносемантическая школа*: основатель – С.В. Воронин, Санкт-Петербургский государственный университет. В рамках Петербургской фоносемантической школы решаются следующие проблемы:

- обоснование фоносемантики как самостоятельной научной дисциплины, ее категорий, законов, закономерностей;
- моделирование звукоизобразительной системы языка;
- фоносемантическая этимология;
- универсальная типология ониматопов;
- иконическая концепция происхождения языка;
- обоснование принципа двойкой – произвольной / произвольной – природы языкового знака; разработан метод фоносемантического анализа;
- выявление объективных критериев определения звукоизобразительного слова;
- формулировка основных законов образования и эволюции языкового знака;

- обоснование категории фонотипа как основной категории фоносемантики;
- обоснование понятия и определение природы синкинестэмии – базиса звукоизобразительности;
- деиконизация звукоизобразительного слова и др.

Станислав Васильевич Воронин (1935-2001) – выдающийся российский лингвист, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Санкт-Петербургского университета; один из основоположников российской научной фоносемантики; основатель Петербургской фоносемантической школы, в русле которой (совместно с профессорами Ю.А. Сорокиным (Москва) и А.В. Пузыревым (Пенза) проводились конференции, публиковались сборники докладов и статей, коллективные монографии.

Рождение фоносемантики как самостоятельного раздела языкознания принято связывать с именем С.В. Воронина, в лингвистических трудах которого находит свое концептуальное оформление русскоязычная фоносемантическая мысль [Воронин 1982]. В.В. Левицкий выделяет три основные работы как основу русскоязычной фоносемантики: В.В. Левицкий «Семантика и фонетика» (1973), А.П. Журавлёв «Фонетическое значение» (1974) и С.В. Воронин «Основы фоносемантики» (1982) [Левицкий 2009: 11]. Все работы являются «пионерскими» в этой области, однако, на наш взгляд, именно работы С.В. Воронина надолго определяют пути и перспективы возможного развития фоносемантики. Работы А.П. Журавлева [Журавлев 1974] и В.В. Левицкого посвящены, прежде всего, звуко-символизму; в монографии С.В. Воронина обосновано выделение фоносемантики как науки в целом.

Начало Петербургской фоносемантической школы положила кандидатская диссертация С.В. Воронина «Английские ономатопы: типы и строение» (1968), в которой впервые были разработаны объективные основы классификации звукоподражательной лексики. Данная классификация основана по понятию *фонемотип* (позднее термин был заменен на *фонотип*) – фонема (группа фонем), объединенных общими дифференциальными акустико-артикуляторными признаками, которые обладают универсальными характеристиками (спирант, вибрант, гуттуральный и т.п.).

По мнению С.В. Воронина, основной инструмент фоносемасиолога – моделирование звукоизобразительных слов на уровне фонотипа [Воронин 1969, 1989]. С.В. Ворониным была предложена универсальная классификация ономатопов по соотносимости с их денотатом, которая оказалась принципиально применима к материалу ономатопои других родственных и неродственных языков. Классификация позволяет приступить к разработке фоносемантических типологии и универсалии. Одна из главнейших фоносемантических универсалий следующая: в ЗИС любого языка мира наличествуют три класса и два гиперкласса ономатопов [Воронин 1982].

Классификация С.В. Воронина была разработана на материале английского языка с привлечением материалов других языков. В дальнейшем эта классификация проверялась на материале таких языков, как индонезийский (И.Б. Братусь), башкирский (Л.З. Лапкина), лезгинский (И.А. Мазанаев), осетинский (Т.Х. Койбаева), эстонский (Э. Вельди), грузинский (Н.Д. Канкия), русский (С.С. Шляхова, М.Г. Вершинина), немецкий (С.С. Шляхова, О.В. Шестакова), итальянский (Е.А. Шамина), коми-пермяцкий (С.С. Шляхова, А.С. Лобанов] и мн. др. Оказалось, что звукоизобразительные слова различных языков сопоставимы друг с другом на уровне фонотипа.

В 1982 г. С.В. Воронин защищает докторскую диссертацию на тему «Основы фоносемантики», где было сформулировано и аргументировано наличие объективных законов, управляющих связью между звуком и смыслом в слове. В работах С.В. Воронина впервые фоносемантика рассматривается как самостоятельная ветвь лингвистики, целью которой является изучение связи звука и значения в слове.

С.В. Воронин обосновал принцип двоякой – произвольной / непроизвольной – природы языкового знака, вносящий существенную поправку в «принцип произвольности» Ф. де Соссюра [Воронин 1999]; разработал метод фоносемантического анализа, вводящего объективные критерии определения звукоизобразительного слова; сформулировал основные законы образования и эволюции языкового знака; выявил категорию фонотипа как основную категорию фоносемантики.

Под руководством С.В. Воронина было защищено 25 кандидатских диссертаций (Братусь И.Б. (1976), Петрова Л.И. (1978), Афанасьев А.Ю. (1984), Мазанаев И.А. (1985), Климова С. В. (1986), Сабанадзе М.Я. (1987), Барташова О.А. (1987), Койбаева Т.Х. (1987), Слоницкая Е.И. (1987), Шамина Е.А. (1988), Канкия Н.Д. (1988), Иванова М.В. (1990), Пономарева С.В. (1991), Ермакова Н.М. (1993), Кузьмич И.В. (1993), Петухова Е.В. (2001), Бартко Н.В. (2002) и мн. др.), в которых развиваются и углубляются положения фоносемантики, выдвинутые С.В. Ворониным. Все исследования являются уникальными.

Сторонники Петербургской фоносемантической школы придерживаются изобразительной (иконической) теории происхождения языкового знака, основы которой изложены в статье «The iconic theory of language origin», опубликованной в журнале «Вопросы психолингвистики» в 2003 г. [Воронин 2003].

Фоносемантические идеи Петербургской фоносемантической школы во многом определяют теоретическую базу докторских диссертаций и фоносемантических концепций А.Б. Михалева, Ж. Колевой-Златевой, Л.П. Прокофьевой, Н.В. Дрожачих, Е.В. Сундуевой, С.С. Шляховой [Михалев 1995; Шляхова 2005; Дрожачих 2006; Прокофьева 2007; Колева-Златева 2008; Сундуева 2011] и др.

Вклад Петербургской фоносемантической школы в развитие русскоязычной и мировой фоносемантики переоценить невозможно. Пройдет еще не один десяток лет, пока открытия С.В. Воронина станут очевидны для многих лингвистов, которые смогут в полной мере осознать величие его лингвистической мысли и в полной мере воспользоваться его теорией.

В рамках Петербургской фоносемантической школы сегодня развивается веб-проект «Iconicity Atlas» [Флакман, Ноланд 2016] – интерактивный многоязычный сравнительный словарь иконических слов, состоящий из имеющегося лексикографического материала [Флакман 2016] и собранного авторами полевого материала; реализован проект «Фоносемантика» в Википедии.

2.2. *Саратовская психолингвистическая школа*: основатель проф. И.Н. Горелов, Саратовский государственный университет. В рамках Саратовской школы решаются следующие фоносемантические проблемы:

- обоснование тезиса о примарной мотивированности языкового знака;
- психолингвистическое экспериментальное исследование звуко-символизма;
- цвето-графемная синестезия, звуко-цветовая ассоциативность (русский и английский);

– разработка программного обеспечения анализа звуко-цветовой ассоциативности прозы, поэзии и драматургии (русский и английский).

Илья Наумович Горелов (1928-1999) – выдающийся российский лингвист, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Саратовского государственного университета, один из крупнейших отечественных специалистов по психолингвистике. Внес большой вклад в становление и развитие фоносемантики.

В 1969 г. на семинаре по проблемам мотивированности языкового знака И.Н. Горелов выдвинул тезис об обусловленности звукосимволизма психофизиологическим механизмом синестезии [Горелов 1969]. Эта идея стала плодотворной для большинства последующих исследований, хотя отмечается вероятность, что «оба фактора – синестезия и языковая привычка взаимодействуют (в большей или меньшей степени) в процессе решения испытуемыми поставленной перед ними задачи» [Левицкий 1998: 59].

Труды И.Н. Горелова по психолингвистике вносят серьезный вклад в развитие этого направления языкознания, обосновывая целостную психолингвистическую концепцию, которая объясняет природу соотношения мышления и речи, звука и смысла, развития языка и речи в фило- и онтогенезе, порождения и понимания речи и т.д. Эти проблемы представлены в работе «Проблема функционального базиса речи в онтогенезе» [Горелов 1974].

Концепция функционального базиса речи в общих чертах заключается в том, что в сознании человека существует и функционирует некое семиотическое образование, невербальный код, который состоит из телесно-вокально-изобразительных знаковых компонентов (функциональный базис речи). По мнению ученого, «указанная система занимает, по-видимому, промежуточный уровень между первосигнальной и второсигнальной системами» [Горелов 2003: 33]. Знаковым материалом этой коммуникативной системы становятся невербальные компоненты: жесты, мимика, несловесные вокализации, интонация речи и др.

Последующие исследования речевого онтогенеза, проводимые учениками И.Н. Горелова, полностью подтверждает правоту этой гипотезы [Седов 2008].

Концепция И.Н. Горелова существенно меняет контуры фундаментальной теории современной психолингвистики. Она ставит под сомнение многие положения лингвистики, которые обрели статус аксиом. Например, положение о немотивированности фонетической формы языкового знака. Да, левым своим полушарием, опираясь на возможности фонематического восприятия, мы различаем слова в речевом потоке. Но древние механизмы нашего сознания, из правого (безъязыкого) полушария на бессознательном уровне включают механизмы фоносемантики, заставляя нас искать звуковые соответствия между формой и содержанием. Эксперименты, разработанные И.Н. Гореловым, убедительно показывают реальное существование потребности в гармонии между звуком и смыслом, которая существует в сознании человека [Горелов, Седов 2008: 15-20].

Наиболее яркими учениками И.Н. Горелова, которые разрабатывали проблемы лингвистического иконизма, являются К.Ф. Седов и Л.П. Прокофьева.

Следует сказать, что широкая известность исследований А.П. Журавлева [Журавлев 1991, 2004 и др.] стала возможной благодаря в том числе и диссертационному совету Саратовского государственного университета [Журавлев 1974], в котором была защищена его диссертация.

Работы К.Ф. Седова хорошо известны широкой научной общественности, а потому остановимся на фундаментальных работах Л.П. Прокофьевой, посвященных исследованию звуко-цветовой ассоциативности.

Основные положения теории Л.П.Прокофьевой представлены в монографии «Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное», которая представляет собой результат комплексного исследования звуко-цветовой ассоциативности в языке и художественной речи на материале русского и английского языков. Вводится представление об универсальной звуко-цветовой картине мира, формирующейся на фоносемантическом уровне, ее национально обусловленных чертах и особенностях индивидуального проявления в речи и художественном тексте. Предлагаются методики анализа цветовой символики звука в художественном тексте с использованием современных компьютерных технологий и интерпретационный алгоритм выявления эмоциональной и символической информации в тексте с учетом идиостиля [Прокофьева 2007]. Подробно программное обеспечение, созданное Л.П. Прокофьевой, представлено во второй статье этого цикла (программа ЗВУКОЦВЕТ).

Сегодня в рамках Саратовской психолингвистической школы реализуется проект «Сенсорная мотивированность языкового знака» [Елина, Прокофьева 2018].

2.3. *Пятигорская фоносемантическая школа*: руководитель проф. А.Б. Михалев, Пятигорский государственный лингвистический университет. В рамках Пятигорской фоносемантической школы развиваются следующие идеи:

- теория фоносемантического поля (уникальные исследования);
- фоносемантическая этимология;
- обоснование протоконцептуального иконического пространства языка;
- иконическая концепция происхождения языка;
- исследование звукоизобразительности морфемотипов, фонемем, инициалей, финалей.

Методологическая концепция Пятигорской фоносемантической школы – теория фоносемантического поля (ФСП) А.Б. Михалева [Михалев 1995], которая построена на следующих принципах (краткая формулировка принципов предложена А.Б. Михалевым для проекта «Лингвистический иконизм (ЛИК)»):

1. Язык – это система, которая обязательно предполагает регулярные и, по возможности, объяснимые связи между элементами. Полагается, что лексико-семантическая, фонетическая и грамматическая подсистемы языка возникают и функционируют на общих когнитивных основаниях, к которым относится синтез пяти органов чувств и их объективация в артикулируемых звуках (языке), служащих для человека основными средствами концептуализации и категоризации действительности.

2. В языке столько же сходств, сколько и различий (вопреки сосюрговскому «в языке нет ничего, кроме различий»), поскольку те дифференциации, которые варьируют на более конкретных для наблюдения уровнях, могут объединяться по некоторым общим признакам на вышестоящих уровнях, как, например, аллофоны – в фонему, а фонемы – в фонемотип. Простая диалектика: каждое сходство предполагает различие и наоборот.

3. В языке нет ничего произвольного. Все связи между элементами чем-то обусловлены, мотивированы. Язык зарождается, развивается и функционирует под постоянным воздействием мотивированности: фонетической, морфологической, семантической, прагматической. Можно предположить, что на начальных стадиях языкового становления ведущую роль играла фонетическая мотивированность.

4. Своим происхождением язык обязан звукоизобразительности: первочеловек, избрав ведущим артикуляционно-слуховой способ коммуникации, создает первые языковые знаки на основе имитации звучаний и незвуковых признаков внешней действительности посредством собственных артикуляционно-акустических возможностей. Иными словами, семиотическая закладка осуществляется с помощью звукоподражания и звукоимитации.

5. Принцип аттракции, притяжения: сходные по звучанию формы «притягивают» сходные понятия. Таким образом, вокруг исходного звукоизобразительного значения, «схваченного» соответствующей имитирующей артикуляцией, формируются когерентные значения, которые в своей совокупности можно представить в виде семантических полей. Точно такой же принцип находим в основе полисемии и аффиксального словообразования, с той лишь разницей, что смыслообразующей единицей выступает не слово или корневая основа, а начальный звук (или фонемотип).

В теории ФСП предусматривается также возможность выведения определенной протокорневой единицы – морфемотипа. Он образован двумя начальными консонантными фонотипами с вариативным гласным между ними. Под фонотипом понимается инвариант, объединяющий различные фонемы по некоторому общему признаку: напр. [гutturальный]: фонемы /г/ и /к/, [лабиальный, взрывной] – /б/, /п/, [спирант] – /з/, /с/, /ж/, /ш/, /х/ и т.д. Так же, как фонотип, выступающий в качестве инварианта для фонем, морфемотип является инвариантом для корневых морфем.

Основываясь на этих принципах, теория ФСП открывает путь для систематизации всей лексики любого языка и, соответственно, его семантического пространства как одного из слоёв языковой картины мира.

Под руководством А.Б. Михалева были защищены диссертации М.Д. Зимовой (2005), Ж.М. Тамбиевой (2003), М.А. Джукаевой (2010), Н.В. Папка (2002), Н.Н. Левиной (2007), М.А. Даниловой (2007), С.А. Атаджанян (2014) и др.

Развитие теории ФСП в работах учеников приводит А.Б. Михалева к постановке проблемы протоконцептуального пространства языка, о чем говорилось в первой части настоящего цикла статей [Шляхова 2018].

2.4. *Бийская фоносемантическая школа* (Лаборатория антропоцентрической типологии языков): руководитель – проф. Е.Б. Трофимова, Алтайская государственная академия образования, Бийск. В рамках Бийской фоносемантической школы рассматриваются:

- проявление иконизма в условиях психолингвистического эксперимента;
- иконическая концепция происхождения языка;
- исследование процессов окказиональной вербализации и восприятия сигналов разной природы носителями русского, английского, китайского, корейского, японского, алтайского и др. языков;
- сопоставительные исследования по выявлению иконических свойств в звукоподражаниях и междометиях в русском, японском, английском, китайском, корейском, монгольском и др. языках.

Под руководством Е.Б. Трофимовой защищены диссертации М.Э. Сергеевой (2002), Е.Ю. Деревягиной (Филипповой) (2008), Т.А. Пруцких (2009), Е.В. Панькиной (2009), С.В. Никрошкиной (2010), В.Ю. Вашквичюс (2011), Одончимэг Тумээ (2013), Е.И. Кривошеевой (2015) и др.

Уникальные исследования – экспериментальное выявление механизмов организации речевого материала при наименовании объектов действительности, не получивших

языковой кодификации. В качестве объектов, используемых в роли стимулов в процессе вербализации, привлекались различного рода шумы (шуршание фольги, падение тяжелого предмета и т.д.); незвуковые сигналы – неноминированные оттенки цвета и формы; восприятие вербальных номинаций эмоций, а также фотостимулы и музыкальные фрагменты, репрезентирующие базовые эмоции. Психолингвистические эксперименты доказывают наличие иконической составляющей в реакциях респондентов.

Результаты исследования нашли отражение в коллективных монографиях [Трофимова и др. 2009, 2011].

Изучается также системная организация естественных языковых единиц, включающих фоносемантическую составляющую: проводятся сопоставительные исследования по выявлению иконических свойств в звукоподражаниях и междометиях в русском, японском, английском, китайском, корейском, монгольском языках.

2.5. *Пермский фоносемантический кружок*: руководитель проф. С.С. Шляхова, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Несмотря на немногочисленность (Шляхова С.С., Шестакова О.В., Вершинина М.Г., Ташкинова В.А., Котомцева Е.А.) участников кружка (по этой причине пока нельзя говорить о научной школе), пермским фоносемасиологам удалось сделать многое, в том числе внести вклад в разработку многих проблем фоносемантики:

- обоснование протоконцептуального иконического пространства языка (фоносемантическая картина мира);
- маргинальная лингвистика (уникальные исследования);
- иконическая концепция происхождения языка;
- исследование звукоизобразительности коми-пермяцкого языка (уникальные исследования);
- моделирование звукоизобразительной системы языка, универсальная типология ономастопов (русский, немецкий, коми-пермяцкий);
- фоносемантическая этимология;
- системность, универсальность и этничность ономастопеи (русский, немецкий, коми-пермяцкий);
- фоносемантическая лексикография: русский, немецкий, коми-пермяцкий (уникальные исследования);
- диалектная фоносемантика;
- экспериментальное исследование фонетического значения и цвето-графемной синестезии (коми-пермяцкий язык).

Методологическая концепция Пермского фоносемантического кружка в исследовании ономастопеи – теория о системности фоносемантических маргиналий (ФМ-система) С.С. Шляховой [Шляхова 2005], которая кратко сводится к следующему:

1. Звукоподражания и первичные междометия (фоносемантические маргиналии) рассматриваются как линейные системы в современной синхронии и статике и как нелинейные – в диахронии и динамике. Фоносемантические маргиналии (ФМ) являются теми «языковыми окаменелостями», которые в своей структуре и функционировании сохраняют признаки всех стадий развития языка, как в генезисе и диахронии, так и в современной синхронии. В онтогенезе ФМ являются переходным моментом между имитацией жестов и ситуаций и речевыми фактами, между лепетом и словесной речью, а в целом между безъязычным и языковым периодом развития. В филогенезе – переход от проторечи к абстрактному языку, от жестовой речи к звуковому языку. Феномен ФМ

понимается как «начало» человеческой речи («проторечь»), а ФМ-образование выступает как протосемиотический знак, подвергаемый культурно-языковой семиотизации.

2. ФМ-система понимается как базовая подсистема звукоизобразительной (иконической) системы языка и как периферийная подсистема языка в целом. Зона ФМ-системы понимается как зона перетекания биосферы в семиосферу, преобразования не-семиотического звука в семиотический. ФМ-система представляет собою системно-структурное образование, развивающееся во взаимосвязи и взаимозависимости с внутренней (языковая система) и внешней (внеязыковая звучащая реальность – фоносфера) средой ее существования. Возможность выделения ФМ-системы в рамках звукоизобразительной системы (ЗИС) языка обусловлена в том числе и нивелировкой отдельных универсальных законов звукоизобразительности в ФМ-системах (закон относительной денатурализации языкового знака). Свойства маргинальности ФМ-системы проявляются на всех уровнях и во всех видах существования ФМ.

3. Внешней средой ФМ-системы является *фоносфера* (звукосфера, соносфера) – звуковой континуум, репрезентированный как на материально-пространственном, так и абстрактном уровнях, заполненный разнотипными биологическими (часто неосознаваемыми), техническими и культурно-семиотическими звуковыми системами. Фоносфера, возникая на уровне биосферы, через ноосферу становится частью семиосферы, образуя многочисленные звуковые коды (музыкальный, языковой, биоакустический и др.). Фоносфера маргинальна, поскольку существует в «просвете», «зазоре» между био- и семиосферой.

4. Системность ФМ-системы обусловлена: а) наличием собственной единицы, организующей систему (ФМ); б) особым типом знаковости (безусловная примарная мотивированность); в) наличием особой функции (биологической, протосемиотической); г) особой структурой, обусловленной устройством фоносферы; д) спецификой функционирования (преимущественно области проявления различной степени измененного сознания и языковой периферии); е) спецификой парадигматических и синтагматических отношений, обусловленной фоносемантическими свойствами ФМ. Данные параметры обеспечивают закрытость и устойчивость ФМ-системы.

5. Одновременно с этим ФМ существуют как нелинейная самоструктурирующаяся среда (случайное обретение системой того или иного свойства), где автономные свойства ФМ-знаков, заданные на биологическом уровне, репрезентируются в разного рода дискурсах. Следствием этого являются особенности функционирования и существования ФМ в речи – обрядово-игровой и магически-религиозного дискурса; идиолектная заумь; «говорение» при патологиях речи и в состояниях измененного сознания. Данные формы речи обеспечивают открытость и неустойчивость ФМ-системы.

6. Объективацией нелинейной природы ФМ-системы является *«другая» речь (маргинальные формы речи)* как особый вид коммуникации, связанный со специфическими коммуникативными функциями и коммуникативным пространством, где на первый взгляд знаковое пространство не вычленяется, линейный звукоряд представляется хаосом, который, однако, порождает сложный внутренний порядок. Это естественный человеческий коммуникативный код; реальная и в определенной мере стабильная знаковая система, используемая в некотором социуме, времени и пространстве, первичной субстанцией которой является звуковая (акустическая) материя, однако звуковые проявления «другой» речи шире инвентаря фонем. Доминантной формой «другой» речи является заумь.

Пермские фоносемасиологи целенаправленно ведут работу по лексикографической фиксации звукоизобразительных слов. Установлено, что фиксация ономотопей в словарях требует разработки особых фоносемантических критериев. Сопоставление ономотопей в двуязычных словарях целесообразно на основе универсальных (акустический признак; фонемная, фонотипная, фонестемная идентичность; грамматический класс иконических единиц) и идиоэтнических (фонестемная языковая специфика; звукоизобразительная мотивировка и звукоизобразительная этимология с похожей семантикой) фоносемантических признаков.

В 2004 г. создан словарь русских звукоподражаний [Шляхова 2004], в 2011 г. – немецко-русский словарь ономотопей [Шляхова, Шестакова 2011], в которых системное описание единиц выводится из их фоносемантических характеристик.

В работах Пермского фоносемантического кружка вводятся и разрабатываются понятия *фоносемантическая картина мира*, *звуковая фоносемантическая картина мира* [Шестакова 2013; Вершинина 2013; Шляхова 2016; Шестакова 2016]. В работах пермских исследователей на уровне ономотопей представлены фоносемантические картины мира русского и немецкого языков, а также звуковая фоносемантическая картина мира диалектной речи. Установлено, что в ономотопее эксплицируется подавляющее большинство сфер окружающей действительности за исключением некоторых узких специальных областей экономики, права, истории, религии и т.п. В семантике ономотопов (через семантические переходы) восстанавливается целостная картина бытия человека во множестве аспектов его проявления.

Фоносемантическая звуковая картина мира имеет следующие дифференцирующие системообразующие свойства: а) внешняя среда – фоносфера; б) внутренняя среда – звукоизобразительная система языка, эксплицируемая ономотопеей; в) иконичность, реализуемая за счет иконичности базовых эксплицирующих единиц (ономотопей). Основной эксплицирующей единицей звуковой картины мира является ономотопея.

В работах пермских исследователей (С.С. Шляхова, О.В. Шестакова) ставится *вопрос о синкретичности звукоподражательности и звукосимволизма*. На сложность проблемы разграничения ономотопей и звукосимволических слов указывают многие факты: неразличение этих явлений в иллюстративном материале, в типологиях, системных описаниях, словарях, грамматиках и даже специальных исследованиях; сведение их к общему принципу – иконизму; многочисленные этимологии и пр. Примеры наложения, слияния, синкретичности звукоподражательности и звукосимволизма находим у многих авторов, что, на наш взгляд, связано с синкретичной семантикой древних корней. Предлагаются возможные механизмы образования иконических слов.

Можно полагать, что ономотопея сохраняет свойства некогда «единых синкретических, первоначально нерасчлененных комплексов» (В.В. Левицкий), к которым восходит множество семантических единиц, возникших в различных и.-е. языках в процессе развития и дифференциации этих нерасчлененных комплексов. Зыбкость, маргинальность границ между звукоподражательностью и звукосимволизмом отражают синкретизм древнего мышления, который сохраняется в сфере иконизма в современной синхронии. Анализ проблемы позволил выдвинуть предположение о том, что иконическая природа ономотопей и звукосимволических слов, связанная с семантическим синкретизмом древних основ, обуславливает единство семантического пространства всех слов иконического происхождения. Установление маргинальности границ и совпадающих семантических полей звукоподражательной и звукосимволи-

ческой областей позволяет предположить некий универсальный код иконического слова как такового.

Уникальными являются *исследования звукоизобразительности коми-пермяцкого языка* (Шляхова С.С., Лобанова А.С., Вершинина М.Г.), который впервые получает собственно фоносемантическую интерпретацию.

В 2012 г. издана монография «Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке» [Шляхова 2012], в которой дается системное описание звукоизобразительной системы (ЗИС) коми-пермяцкого языка на фоне широкого сопоставительного материала индоевропейских и финно-угорских языков.

В течение десяти лет по методике А.П. Журавлева и Л.П. Прокофьевой проводятся *психолингвистические эксперименты по определению фонетического значения и звуко-цветовой ассоциативности графонов коми-пермяцкого языка* (С.С. Шляхова, М.Г. Вершинина), получены предварительные результаты. К предлагаемым А.П. Журавлевым шкалам в нашем эксперименте добавлена шкала «свой-чужой», т.к. в коми-пермяцком языке есть звуки, заимствованные из русского [Шляхова 2014, 2015, 2015а; Shlyakhova 2015, 2018].

Сегодня пермскими фоносемасиологами реализуется международный научный веб-проект «Лингвистический Иконизм (ЛИК). Фоносемантика. Иконизм. Звукосимволизм. Ономатопоэзия. Междометия. Звуковые жесты. Фонетический символизм. Мимология. Идеофоны. Синестезия. Семиотика иконизма», посвященный проблемам лингвистического иконизма [Шляхова 2016а].

2.6. *Уфимская психолингвистическая школа («фоносемантический проект» уфимских психолингвистов)*: руководитель проф. Т.М. Рогожникова, Уфимский государственный авиационный технический университет» (УГАТУ). Основные проблемы, разрабатываемые в Уфе:

1. психолингвистическое экспериментальное исследование звукосимволизма;
2. цвето-графемная синестезия, звуко-цветовая ассоциативность (русский, английский, татарский, башкирский);
3. разработка программного обеспечения анализа звуко-цветовой ассоциативности текстов (русский, английский, татарский, башкирский).

В рамках Уфимской психолингвистической школы, статус которой сейчас поддерживают 25 исследователей, занимающихся моделированием динамических аспектов семантики, сформировалась «фоносемантическая группа» (Р.А. Даминова, Н.В. Ефименко, Г.Р. Кочетова, Р.В. Яковлева и Э.Ф. Хасанова), реализующая фоносемантический проект, главной целью которого является разработка программного обеспечения для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в слове и тексте для русского, английского, татарского и башкирского языков, о чем подробно писалось во второй статье этого цикла (программы БАРИН, БАТЫР, СЧЕТОВОД) [Шляхова 2019].

Одним из важных результатов проделанной работы являются модели, представленные в виде картин ассоциативной цветности, в которых в равных долях закодированы ассоциативные цвета всех звукобукв русского, английского, татарского и башкирского языков. Эти картины могут рассматриваться как ассоциативный цветовой фон языка, впитавший в себя национально-культурную специфику. Идею создания подобных моделей предложила Т.М. Рогожникова, технически ее выполнил Д.Д. Кудашов. Ассоциативная цветность звукобукв русского языка богата синим цветом и его оттенками. Английский язык в ассоциативной цветовой гамме изобилует оранжевыми, желтыми

вкраплениями, создавая яркий солнечный фон. Психологическая цветность звукобукв башкирского языка сравнима с фисташковым цветом, а цветность звуков татарского языка – с изумрудным. В настоящее время перепроверяется ассоциативный цветовой фон других исследуемых языков [Рогожникова 2012, 2013].

Сегодня в рамках Уфимской психолингвистической школы реализуется проект «Суггестивные ресурсы вербальных моделей» [Рогожникова 2018].

2.7. *Московская школа экологической биолингвистики*: основатель проф. В.Д. Ильичев, руководитель проф. О.Л. Силаева, Лаборатория экологии и управления поведением птиц Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва. Основные решаемые проблемы:

- проблемы коммуникации человека и животных и птиц;
- иконическая концепция происхождения языка: в основе начала формирования речи человека – звуки природы и сигналы животных и птиц;
- открыт глобальный акустико-имитативный процесс, объединяющий все коммуникативные системы человека и животных.

В.Д. Ильичев основал новое направление гуманитарной орнитологии – экологическую биолингвистику (на стыке экологии, лингвистики, орнитологии, этологии и акустики), которая ведет начало от изучения межъязыковых параллелизмов в названиях птиц и способностями птиц к имитации человеческого голоса.

В результате сопоставительного анализа акустических коммуникационных систем человека и животных было выявлено не только сходство этих систем, но и подтверждена звукоподражательная теория глоттогенеза, доказано, что прототипом речевых фонем были звуки природы, и в подавляющем большинстве – сигналы птиц.

Экологическая биолингвистика тесно связана с биоакустикой, лингвистикой, экологией, этологией, зоопсихологией, психологией, физиологией (артикуляторная физиология и физиология слуха), нейрофизиологией, семиотикой, паралингвистикой, психолингвистикой и другими науками. Наиболее тесно экологическая биолингвистика связана с фоносемантикой.

Представители перечисленных наук мало осведомлены о работах друг друга. Лингвисты, психологи и философы плохо знают о том, что происходит в зоопсихологии, не знают о новейших достижениях в усвоении речи животными. Этологам и зоопсихологам не хватает знаний в области теоретических основ лингвистики, в частности, общей и прикладной фонетики, речевой акустики, а также – философии [Силаева 1998].

В 1976 г. на Первом международном симпозиуме по биолингвистике в Галле (Германия) биолингвистика официально была признана в качестве нового научного направления, что открыло перспективы совместного изучения коммуникации животных и человека. В 80-х гг. XX в. в рамках биолингвистики родилось новое направление – экологическая биолингвистика.

Экологическая биолингвистика – это наука о звукоподражательном поведении человека и животных, о взаимовлиянии их акустических коммуникаций, которая изучает имитативные системы общения между субъектами, несвязанными генетическим родством и не являющимися членами одной популяции. Установлено, что эти системы общения не могли быть изначально врожденными, а сформировались исключительно на базе экологических контактов. Имитативные экологические контакты материализовались в систему взаимного общения между неродственными субъектами одного биоценоза, владеющими соответственно разными природными системами сигнализации.

Социальные отношения между членами одного биоценоза не могли развиваться без опоры на звукоподражание. Имитационные экологические контакты сделали возможным обмен жизненно необходимой информацией между членами популяции и биоценоза; между птицами и млекопитающими; между рептилиями и копытными; между человеком и животными. Как акустическую коммуникацию в целом, так и ее компонент, звукоподражание, следует рассматривать в качестве адаптации животных к окружающей среде. Имитативная активность человека привела к формированию человеческого языка и речи, когда в условиях адаптации к окружающей среде человек в период своего становления стал использовать звуки данной среды в качестве компонентов своего акустического поведения [Силаева 1998].

Исследования имитативной активности животных способствуют изучению также и самой прототипной речевой коммуникации человека [Бенвенист 1974; Силаева 1998].

В рамках Московской школы экологической биолингвистики работали и работают Дубров А.П., Ишбердин Э.Ф., Тихонов А.В., Лебедева М.И., Никольский И.Д., Сорочкин Ю.А., Кулешова О.Д., Каменский И.И., Вараксин А.Н., Шапкин А.А. и др.

Наиболее последовательно идеи В.Д. Ильичёва развивает О.Л. Силаева – верная ученица и последовательница звукоподражательной теории глоттогенеза, которую она доказывает в рамках глобального акустико-имитативного процесса коммуникации человека и животных.

В 1990 г. О.Л. Силаевой была защищена кандидатская диссертация «Имитационные взаимоотношения между человеком и птицами и проблема говорения птиц» (Москва, ИПЭЭ РАН) [Силаева 1990]; в 1998 г. – докторская диссертация «Социально-экологические и биолингвистические аспекты звуковых имитаций птиц» (Москва, ИПЭЭ РАН) [Силаева 1998]. Итог многолетних исследований В.Д. Ильичева и О.Л. Силаевой представлен в монографиях [Ильичев 1990; Силаева 2008].

2.8. *Черновицкая фоносемантическая школа*: основатель – В.В. Левицкий, Черновицкий национальный университет, Черновцы, Украина. В данном обзоре нельзя не упомянуть имя В.В. Левицкого и Черновицкую фоносемантическую школу, поскольку сам Виктор Васильевич называл себя «человеком, рожденным в СССР», а основные исследования по лингвистическому иконизму приходятся на 60-90 гг. XX в., когда Украина еще не была самостоятельным государством.

Виктор Васильевич Левицкий (1938-2012) – выдающийся российско-украинский лингвист, доктор филологических наук, профессор Черновицкого университета, один из основателей российской фоносемантики, один из крупнейших в мире специалистов по звуковому символизму.

В рамках Черновицкой фоносемантической школы решаются следующие проблемы:

- объективный и субъективный звуковой символизм в разноструктурных языках;
- звуко-символизм отдельных согласных и гласных, дифференциальных признаков фонем (смычные, щелевые, аффрикаты, сонанты, лабиальные, дентальные и пр.), звукосочетаний, фонем в начальных или конечных позициях слова;
- этимологическое развитие и этимологические связи лексики различных индоевропейских языков;
- семантическое пространство индоевропейской лексики;
- определение величины семантического дифференциала фонетических признаков (т.е. способность дифференцировать семантику и.-е. корня или группы корней от других групп);

- исследование звуко-символизма в романо-германских языках (в том числе в сопоставительном плане);
- соотношение фонетического и коннотативного значения слова;
- фонетическое значение и мотивированность;
- семантические и стилистические функции фонем;
- статистическая методика семантических связей и фонетико-семантических корреляций;
- соотношение категорий *звучания – значение – цвет*;
- взаимосвязь «мажорности» и «минорности» с определенными фонемами и фонетическими характеристиками звуков и др.

С конца 60-х до начала 90-х годов в Черновицком университете под руководством проф. В.В. Левицкого проводились интенсивные исследования звукового символизма. Под руководством Виктора Васильевича подготовлено 42 кандидатских и 2 докторских диссертации (Н.Д. Капатрук, А.Д. Огуй, В.И. Кушнерик, С.В. Кийко, В.В. Дребет, Т.В. Джурюк, Л.В. Гиков, С.А. Кантемир, Н.Л. Львова, Ю.И. Мацкуляк, Н.Г. Есипенко, О.В. Найдеш, Т.А. Романова, О.В. Соловьева и др.).

Качественно новым шагом в области описания значений звуко-сочетаний явилась предложенная в этих работах статистическая методика выявления семанτικο-фонетических связей. Результаты исследования позволили автору утверждать, что «почти все двух- или трехфонемные сочетания в начале корня в английском языке связаны с определенным значением или определенным кругом значений» [Левицкий 1983: 14]. Такой же вывод относится и к немецкому языку.

На основе статистического анализа была обнаружена важная закономерность: фонетически сходные единицы (например, *bl, fl, sl, pl*) обнаруживают большее «семантическое» сходство и наоборот. Фонетическое сходство определялось наличием одного общего фонетического признака из следующих четырех: взрывность, фрикативность, латеральность (звук /l/) и дрожание (звук /r/). Одинаковыми семантическими функциями обладают фонетические сочетания, в которых в качестве первого элемента выступают взрывные или фрикативные согласные, а в качестве второго элемента – сходные фонемы /r/ или /l/ [Левицкий 2009: 71-72].

Проводя сопоставительное исследование звуко-символизма родственных (английский + немецкий, русский + украинский, украинский и молдавский) и неродственных (украинский + тамильский, русский и венгерский) языков, В.В. Левицкий делает вывод «о том, что звуко-символическое сходство между языками не зависит от их генетического родства» [Левицкий 1973; Левицкий 2009].

В процессе денатурализации языкового знака происходит преимущественная утрата примарной мотивированности, но не мотивированности вообще; примарная мотивированность в значительной мере замещается, вытесняется, «компенсируется» секундарной мотивированностью – семантической и морфологической.

Вклад Черновицкой фоносемантической школы в развитие российской, украинской и мировой фоносемантики трудно переоценить. Все, кто начинает исследования в области лингвистического иконизма, не могут обойтись без трудов В.В. Левицкого и его школы, поскольку их работы являются надежной теоретической базой для дальнейших исследований лингвистической мотивированности языкового знака.

3. Выводы

Сегодня в России сформировались и активно работают несколько научных центров, занимающихся проблемами лингвистического иконизма: Санкт-Петербург, Саратов, Пятигорск, Пермь, Бийск, Москва, Уфа. Обзор научной литературы, созданной в рамках исследований фоносемантических школ и центров России, позволяет выявить проблемы, которые в российской лингвистике исследуются наиболее активно:

- обоснование фоносемантики как самостоятельной научной дисциплины, ее категорий, законов, закономерностей (А.П. Журавлев, С.В. Воронин, В.В. Левицкий);
- фоносемантические универсалии в области звукоимоголизма и ономотопеи на материале различных языковых семей (С.В. Воронин, А.Б. Михалев, С.С. Шляхова, О.В. Шестакова, Н.В. Дрожащих, Л.П. Прокофьева, Е.Б. Трофимова, Т.М. Рогожникова и др.);
- обоснование иконической концепции происхождения языка (С.В. Воронин, А.Б. Михалёв, Н.В. Дрожащих, С.С. Шляхова и др.);
- деиконизация звукоизобразительного слова (М.А. Флакман и др.);
- обоснование протоконцептуального иконического пространства языка: теория фоносемантического поля (А.Б. Михалёв), иконическое пространство языка (Н.В. Дрожащих), фоносемантическая картина мира (С.С. Шляхова);
- okkaзиональная фонологизация шумов в разноструктурных языках и проявление иконизма в условиях психолингвистического эксперимента (Е.Б. Трофимова);
- системность ономотопеи, интеръективов, вокальных жестов, «заумной речи» (заумь, тексты бредовых и трансовых состояний, «квазизыки» футуристов, обэриутов, постмодернистов, детские квазизыки и пр.), а также их базовой позиции в происхождении и эволюции языка (С.С. Шляхова и др.);
- лексикографическая фиксация звукоизобразительных (фоносемантических) единиц (С.С. Шляхова, О.В. Шестакова, М.А. Флакман и др.);
- звуко-цветовая ассоциативность (цвето-графемная синестезия) (А.П. Журавлев, Л.П. Прокофьева, С.С. Шляхова, Т.М. Рогожникова и др.);
- рограммное обеспечение для фоносемантического анализа английского, русского (В. Шалак, Л.П. Прокофьева, Т.М. Рогожникова), татарского, башкирского и немецкого (Т.М. Рогожникова) языков и др.

Подводя итоги исследования состояния фоносемантики в России, следует говорить об активном развитии этого направления исследований, о впечатляющих результатах, полученных российскими учеными. В то же время необходимо решать организационно-информационные проблемы фоносемасиологов России: регулярная организация научных форумов; содействие публикации в различной форме (рецензирование, консультации) научных трудов; поддержка профессионального общения; формирование профессионального сообщества; формирование корпуса научных текстов по проблемам лингвистического иконизма и др.

Литература

- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974. 448 с.
- Вершинина М. Г.* Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира (на материале пермских говоров): автореф. дисс. канд. филол. н. Пермь: ПГУ, 2013. 20 с.
- Воронин В. С.* Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. 248 с.

Воронин С. В. Знак не-произволен и произволен: новый принцип на смену принципу Соссюра // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: Материалы Всероссийской конференции (Пенза, 8-11 декабря 1999 г.). М.; Пенза: Институт психологии и Институт языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1999. С. 128–130.

Воронин С. В. The iconic theory of language origin // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 5–12.

Горелов И. Н. О возможной примарной мотивированности языкового знака // Материалы семинара по проблемам мотивированности языкового знака. Л.: ИЯ АН СССР, 1969. С. 17–20.

Горелов И. Н. Проблемы функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск: Челябинск, гос. пед. ин-т, 1974. 116 с.

Горелов И. Н. Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003. 320 с.

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2008. 320 с.

Дрожащих Н. В. Синергетическая модель иконического пространства языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2006. 32с.

Елина Е. А., Прокофьева Л. П. Проект «Сенсорная мотивированность языкового знака» // Вопросы психолингвистики. 2018. №3 (37). С. 92–112.

Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 160 с.

Журавлёв А. П. Звук и смысл. М.: Просвещение, 1991. 160 с.

Журавлёв А. П. Компьютерный звукоцвет. Янтарный сказ, 2004. 108 с.

Ильичев В. Д., Силаева О. Л. Говорящие птицы. М.: Наука, 1990. 208 с.

Колева-Златева Ж. С. Славянская лексика звуко-символического происхождения. Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 1. Дебрецен, 2008. 355 с.

Левецкий В. В. Семантика и фонетика (Semantics and Phonetics). Черновцы, 1973. 103 с.

Левецкий В. В. Начальные двухфонемные сочетания в английском языке (Initial Two-phoneme Combinations in the English Language) // Сочетаемость языковых единиц в германских и романских языках. Киев: Вища школа, 1983. С. 8–24.

Левецкий В. В. Звуковой символизм. Основные итоги (Sound Symbolism. Main Results). Черновцы, 1998. 130 с.

Левецкий В. В. Звуковой символизм. Мифы и реальность. Черновцы: Черновицкий национальный ун-т, 2009. 264 с.

Михалёв А. Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск, 1995. 213 с.

Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов, 2007. 280 с.

Рогожникова Т. М., Кочетова Г. Р. Ассоциативная цветность звуков башкирского и татарского языков // Вестник Башкирского университета. – Уфа: Изд-во БашГУ. 2012. Том 17, № 3 (Филология и искусствоведение). С. 1313–1320.

Рогожникова Т. М. Внутренняя форма и ее ассоциативная цветность // Всероссийская Интернет-конференция «Языковая действительность и действительность языка», посвященная памяти доктора филологических наук, проф. Травкиной А. Д. Тверь, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://rgf.tversu.ru/sites/default/files/doc-files/Rogozhnikova-2013.pdf> (дата обращения 08.03.2020).

Рогожникова Т. М. Проект «Суггестивные ресурсы вербальных моделей» // Вопросы психолингвистики. 2018. №4 (38). С. 163–174.

Седов К. Ф. Онтопсихоллингвистика: становление коммуникативной компетенции человека. М.: Лабиринт, 2008. 320 с.

Силаева О. Л. Имитационные взаимоотношения между человеком и птицами и проблема «говорения» птиц : автореф. дис. ... канд. биолог. н. М., 1990. 24 с.

Силаева О. Л. Социально-экологические и биоллингвистические аспекты звуковых имитаций птиц: дисс. ... докт. биолог. н. М., 1998. 278 с.

Силаева О. Л. Звукоподражание: наука и практика. М.: Сельсин АСБ. 2008. 232 с.

Сундурева Е. В. Вербализация чувственного восприятия средствами корневых согласных [ɡm] в монгольских языках: дисс... докт. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 363 с.

Трофимова Е. Б. Оказиональная вербализация звуковых и зрительных сигналов разноязычными носителями: коллективная монография / Е.Б. Трофимова, М.Э. Сергеева, Е. Ю. Филиппова. М.: URSS, 2009. 168 с.

Трофимова Е. Б. Узуальное и okazjiональное семиотическое пространство эмоций: коллективная монография / Е.Б. Трофимова, У.М. Трофимова, М.Э. Сергеева, М.С. Власов, Е.Ю. Филиппова, Т. Одончимэг. Улан-Батор-Бийск: Соёмбо-принтинг, КРА-САНД, 2011. 292 с.

Флакман М., Ноланд Н. Iconicity Atlas 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iconicity-atlas.com/index.htm> (дата обращения 08.03.2020).

Флакман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: НОУ ВПО Институт иностранных языков; Издательство РХГА, 2016. 201 с.

Шестакова О. В. Универсальное и специфическое в ономотопее (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. канд. филолог. н. Пермь: ПГУ, 2013. 20 с.

Шестакова О. В. Категоризация мира сквозь призму ономотопеи. Пермь: ПНИПУ, 2016. 301 с.

Шляхова С. С. «Дребезги» языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2004. 225 с.

Шляхова С. С. «Другой» язык: опыт маргинальной лингвистики. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т., 2005. 350 с.

Шляхова С. С., Шестакова О. В. Немецкая ономотопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь. Deutsche Onomatopoeitika: Forschungsgeschichte, Probleme, deutsch-russisches Wörterbuch. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2011. 289 с.

Шляхова С. С. Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке / С.С.Шляхова, А.С. Лобанова. Пермь: ПГГПУ, 2012. 296 с.

Шляхова С. С. Звуко-цветовая ассоциативность в коми-пермяцком языке (гласные) // Социо- и психоллингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 108–114.

Шляхова С. С. Звуко-графемно-цветовая ассоциативность в коми-пермяцком языке (согласные). Статья первая. Методика и результаты эксперимента // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. №1(29). 2015. С. 66–74.

Шляхова С. С. Звуко-графемно-цветовая ассоциативность согласных в коми-пермяцком языке. Статья вторая. Обсуждение эксперимента // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. №2(30). 2015а. С. 5–15.

Шляхова С. С., Вершинина М. Г. Фоносемантическая звуковая картина мира. Пермь: ПНИПУ, 2016. 424 с.

Шляхова С. С., Вершинина М. Г. Проект «Лингвистический Иконизм (ЛИК). Фоносемантика. Иконизм. Звукосимволизм. Ономотопея. Междометия. Звуковые жесты. Фонетический символизм. Мимология. Идеофоны. Синестезия. Семиотика иконизма» 2016а. [Электронный ресурс]. URL: <http://liconism.com> (дата обращения 08.03.2020).

Шляхова С. С. О состоянии фоносемантики в России. Статья первая. Проблемы в области исследования лингвистического иконизма // Вопросы психолингвистики. 2018. №1 (35). С. 99–114.

Шляхова С. С. О состоянии фоносемантики в России. Статья вторая. Фоносемантические конференции. Фундаментальные исследования. Программное обеспечение (технологии Hi-Hume) // Вопросы психолингвистики. 2019. №1 (39). С. 232–251.

Shlyakhova Svetlana S. (2015). Sound-grapheme-color Associativity in Komi-permyak Language (Vowels) // Asian Social Science. Vol. 11. No. 8. P. 300–314.

Shlyakhova Svetlana S. (2018). Frequency correlates in grapheme-color synaesthesia in komi-permyak language. *XLinguae*. Vol. 11. No. 02. p. 518-527. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.42

ON PHONOSEMANTICS IN RUSSIA

Article three. Russian phono-semantics science schools and centers

Svetlana S. Shlyakhova

Holder of an Advanced Doctorate in Linguistics
Head of the Department of foreign languages and public relations
Perm National Research Polytechnic University
614000, Perm, Komsomol prospect, 29
shlyakhova@mail.ru

The article represents the third part in the series of publications on phono-semantics in Russia. Thus, the first article has been devoted to the analysis of major problems and scientific trends on linguistic iconicity research in Russia. The second article discussed the development of the domestic phono-semantics in the framework of conferences and symposia. It also provided an overview of the existing programs of phono-semantic analysis of the text (technology Hi-Hume) and of the basic fundamental research devoted to the study of linguistic iconicity in Russia. The article under consideration is devoted to the review of the phono-semantic perspective studies of the Russian scientific schools and centers already established in St. Petersburg, Pyatigorsk, Biysk, Perm, Saratov, and Ufa. The avenues of research most actively pursued by Russian linguists are: substantiation of phono-semantics as an independent scientific discipline, defining its categories, laws, and characteristics; uncovering phono-semantic universals in sound symbolism and onomatopoeia across different language families; justifying the iconic theory of the origin of language; justifying the proto-conceptual iconic sphere of language, etc.

Keywords: psycholinguistics; phono-semantics; linguistic iconicity; sound symbolism; grapheme-color synaesthesia; onomatopoeia, scientific community

References

Benveniste E. *Obshhaja lingvistika* [General linguistics]. Moscow, 1974. 448 s. (In Russian).

Vershinina M.G. Jeksplikacija fonosfery v ruskoj fonosemanticheskoj zvukovoj kartine mira (na materiale permskih govorov) [Explication of fonosfera in Russian phonosematic sound picture of the world (based on Perm dialects)]. PhD philol. sci. Diss. Perm: Perm state national research University, 2013. 20 s. (In Russian).

Voronin S.V. Osnovy fonosemantiki [Fundamentals of phonosemantics]. Leningrad: Publishing house Leningrad University, 1982. 244 s. (In Russian).

Voronin S.V. Znak ne-proizvolen i proizvolen: novyj princip na smenu principu Sossjura [Sign non-arbitrary and arbitrary: a new principle to replace the principle of Saussure]. // Aktual'nye problemy psihologii, jetnopsiholingvistiki i fonosemantiki: materialy vseros. konf. [Actual problems of psychology, ethnopsycholinguistics and phonosemantics]. Moscow; Penza: Institute of psychology, Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences, Penza state pedagogical Institute. V.G. Belinsky Publ., 1999, s. 128-130. (In Russian).

Voronin S.V. The iconic theory of language origin. // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2003, no. 1, s. 5-12. (In Russian).

Gorelov I.N. O vozmozhnoj primarnoj motivirovannosti jazykovogo znaka [About a possible primary motivation of the linguistic sign]. // Materialy Seminara po probleme motivirovannosti jazykovogo znaka [Materials of the Seminar on the problem of motivation of the linguistic sign]. Leningrad: Nauka Publ., 1969, s. 17-20. (In Russian).

Gorelov I.N. Problemy funkcional'nogo bazisa rechi v ontogeneze [Problems of the functional basis of speech in ontogenesis]. Chelyabinsk: Chelyabinsk state pedagogical Institute Publ., 1974. 116 s. (In Russian).

Gorelov I.N. Izbrannye trudy po psiholingvistike [Selected works in psycholinguistics]. Moscow: Labirint Publ., 2003. 320 s. (In Russian).

Gorelov I.N., Sedov K.F. Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Labirint Publ., 2008. 320 s. (In Russian).

Drozhashih N.V. Sinergeticheskaja model' ikonicheskogo prostranstva jazyka [Synergetic model of the iconic space of language]. PhD philol. sci. Diss. Barnaul, 2006. 32 s. (In Russian).

Yelina E.A., Prokofyeva L.P. Proekt «Censornaya motivirovannost' yazykovogo znaka» [Project "Sensory motivation of linguistic sign"]. // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2018, no. 3(37), s. 92-112. (In Russian).

Zhuravlev A.P. Foneticheskoe znachenie [Phonetic value]. Leningrad: Leningrad state University Publ., 1974. 160 s. (In Russian).

Zhuravlev A.P. Zvuk i smysl [Sound and sense]. Moscow: Education Publ., 1991. 160 s. (In Russian).

Zhuravlev A.P. Komp'juternyj zvukocvet [Computer sound-color]. Yantarny Skaz Publ., 2004. 108 s. (In Russian).

Il'ichev V. D., Silaeva O. L. Govorjashhie pticy [Talking birds]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 208 s. (In Russian).

Koleva-Zlateva Zh. S. Slavjanskaja leksika zvukosimvolicheskogo proishozhdenija [Slavic vocabulary of sound symbolic origin]. Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 1. Debrecen, 2008. 355 s. (In Russian).

Levitsky V.V. Semantika i fonetika [Semantics and Phonetics]. Chernivtsi: Chernivtsi national University Publ., 1973. 103 s. (In Russian).

Levitsky V.V. Nachal'nye dvuhfonemnye sochetaniya v anglijskom jazyke [Initial Two-phoneme Combinations in the English Language]. // Sochetaemost' jazykovykh edinic v germanskih i romanskih jazykah [The combinability of linguistic units in Germanic and Romance languages]. Kiev: High School Publ., 1983, s. 8-24. (In Russian).

Levitsky V.V. Zvukovoj simbolizm. Osnovnye itogi [Sound Symbolism. Main Results]. Chernivtsi: Chernivtsi national University Publ., 1998. 130 s. (In Russian).

Levitsky V.V. Zvukovoj simbolizm. Mify i real'nost' [Sound symbolism. Myths and reality]. Chernivtsi: Chernivtsi national University Publ., 2009. 264 s. (In Russian).

Mikhalev A.B. Teorija fonosemanticheskogo polja [The Theory of Phonosemantic field]. Pyatigorsk, 1995. 213 s. (In Russian).

Prokofyeva L.P. Zvuko-cvetovaja asociativnost': universal'noe, nacional'noe, individual'noe [Sound-colour associativity: universal, national, individual]. Saratov, 2007. 280 s. (In Russian).

Rogozhnikova T.M., Kochetova G.R. Asociativnaja cvetnost' zvukov bashkirskogo i tatarskogo jazykov [Associative color sounds of the Bashkir and Tatar languages]. // Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]. Ufa: Publishing house of Bashkir state University. 2012. Vol, 17, No. 3 (Philology, art history I), s. 1313-1320. (In Russian).

Rogozhnikova T.M. Vnutrennjaja forma i ee asociativnaja cvetnost' [Internal form and its associative color]. // Vserossijskaja Internet-konferencija «Jazykovaja dejstvitel'nost' i dejstvitel'nost' jazyka», posvjashhennaja pamjati doktora filologicheskikh nauk, professora Travkinoj A.D. Materialy konferencii [Russian Internet-conference "Linguistic reality and the reality of language" dedicated to the memory of doctor of Philology, Professor A. D. Travkina. The conference Materials]. Tver, 2013. URL: http://rgf.tversu.ru/Linguistic_Reality_2013 (retrieval date 25.12.2015). (In Russian).

Rogozhnikova T.M. Proekt «Suggestivny'e resursy` verbal'ny`x modelej» [Project "Suggestive resources of verbal models"]. // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2018, no. 4(38), s. 163-174. (In Russian).

Sedov K.F. Ontopsiholingvistika: stanovlenie kommunikativnoj kompetencii cheloveka [Ontopsycholinguistics: formation of communicative competence of a person]. Moscow: Labyrinth Publ., 2008. 320 s. (In Russian).

Silaeva O.L. Imitacionnye vzaimootnosheniya mezhdru chelovekom i pticami i problema "govoreniya" ptic [Imitation relationships between humans and birds and the problem of "speaking" birds]. Moscow, 1990. 24 s. (In Russian).

Silaeva O.L. Social'no-jekologicheskie i biolingvisticheskie aspekty zvukovykh imitacij ptic [Socio-ecological and bilingual aspects of the sound imitations of birds]. Moscow, 1998. 278 s. (In Russian).

Silaeva O.L. Zvukopodrazhanie: nauka i praktika [Onomatopoeia: science and practice]. Moscow: Resolver ASB Publ., 2008. 232 s. (In Russian).

Sundueva E.V. Verbalizacija chuvstvennogo vosprijatija sredstvami kornevykh soglasnykh [rlm] v mongol'skih jazykah [Verbalization of sensory perception by means of root consonants [rlm] in Mongolian languages]. PhD philol. sci. Diss. Ulan-Ude, 2011. 363 s. (In Russian).

Trofimova, E.B., Sergeeva M.E., Filippova E.Y. Okkazional'naja verbalizacija zvukovykh i zritel'nykh signalov raznojazychnymi nositeljami [Occasional verbalization of audible and visual signals multilingual people: collective monograph]. Moscow: URSS Publ., 2009. 168 s. (In Russian).

Trofimova E.B., and etc. Uzual'noe i okkazional'noe semioticheskoe prostranstvo jemocij [Language usage and occasional semiotic space of emotion]. Ulaanbaatar - Biysk: Soyombo-printing Publ., Krasand Publ., 2011. 292 s. (In Russian).

Flaksman M.A., Noland N. Iconicity Atlas 2016. URL: <http://www.iconicity-atlas.com/index.htm> (retrieval date 08.03.2020).

Flaksman M.A. Slovar' angliiskoi zvukoizobrazitel'noi leksiki v diakhronicheskom osveshchenii [A Dictionary of English Iconic Words on Historical Principles]. St. Petersburg, Institute of Foreign Languages/RHGA, 2016. 201 s. (In Russian).

Shestakova O.V. Kategorizaciya mira skvoz' prizmu onomatopei [Categorization of the world through the prism of onomatopoeia]. Perm: Perm state national research Polytechnic University Publ., 2016. 424 s. (In Russian).

Shlyakhova S.S. «Drebezgi» jazyka: Slovar' russkih fonosemanticheskikh anomalij [The "debris" of the language: Russian Dictionary of phonosematic anomalies]. Perm: Perm state pedagogical University Publ., 2004. 225 s. (In Russian).

Shlyakhova S.S. «Drugoj» jazyk: opyt marginal'noj lingvistiki ["Other" language: the experiences of marginalized linguistics]. Perm: Perm state technical University Publ., 2005. 350 s. (In Russian).

Shlyakhova S.S., Shestakova O.V. Nemeckaja onomatopeja: istorija izuchenija, problemy, nemecko-russkij slovar' [German onomatopoeia: the history of the study, the problems, the German-Russian dictionary. Deutsche Onomatopoetika: Forschungsgeschichte, Probleme, deutsch-russisches Wörterbuch]. Perm: Perm state national research Polytechnic University Publ., 2011. 289 s. (In Russian).

Shlyakhova S. S., Lobanova A. S. Sound symbolism in Komi-Permyak language. Perm: Perm state humanities pedagogical University Publ., 2012. 296 s. (In Russian).

Shestakova O.V. Universal'noe i specificheskoe v onomatopee [Universal and the specific in onomatopoeia]. PhD philol. sci. diss. Perm: Perm state national research University, 2013. 228 s. (In Russian).

Shlyakhova S.S. Zvuko-cvetovaja associativnost' v komi-permjackom jazyke (glasnye) [Sound grapheme-colour associativity in Komi-Permyak language (vowels)]. // Socio- i psiholingvisticheskie issledovanija [Socio - and psycholinguistic research]. 2014. Vol. 2, s. 108-114. (In Russian).

Shlyakhova S.S. Zvuko-grafemno-cvetovaja associativnost' v komi-permjackom jazyke (soglasnye). Stat'ja pervaja. Metodika i rezul'taty jeksperimenta [Sound grapheme-colour associativity in Komi-Permyak language (consonants). Article one. The methodology and results of the experiment]. // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Herald of Perm state University. Russian and foreign Philology]. No. 1(29), 2015. s. 66-74. (In Russian).

Shlyakhova S.S. Zvuko-grafemno-cvetovaja associativnost' v komi-permjackom jazyke (soglasnye). Stat'ja vtoraja. Obsuzhdenie jeksperimenta [Sound grapheme-colour associativity in Komi-Permyak language (consonants). Article two. Discussion of the experiment]. // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Herald of Perm state University. Russian and foreign Philology]. No. 2(30), 2015a, s. 5-15. (In Russian).

Shlyakhova S.S., Vershinina M.G. Fonosemanticheskaya zvukovaya kartina mira [Phonosemantic sound picture of the world]. Perm: Perm state national research Polytechnic University Publ., 2016. 424 s. (In Russian).

Shlyakhova S.S., Vershinina M.G. Proekt «Lingvisticheskij Ikonizm (LIK). Fonosemantika.

Ikonizm. Zvukosimvolizm. Onomatopeya. Mezhdometiya. Zvukovy`e zhesty`. Foneticheskij simbolizm. Mimologiya. Ideofony`. Sinesteziya. Semiotika ikonizma» [Project “ Linguistic Iconicity (LIC). Phonosemantics. Iconicity. Sound symbolism. Onomatopoeia. Interjections. Sound gestures. Phonetic symbolism. Mimologia. Ideophones. Synesthesia. Semiotics of iconicity»] 2016a. URL: <http://liconism.com> (retrieval date 08.03.2020).

Shlyakhova S.S. O sostoyanii fonosemantiki v Rossii. Stat`ya pervaya. Problemy` v oblasti issledovaniya lingvisticheskogo ikonizma [On phonosemantics in Russia. Article one. The problems on linguistic iconicity research]. // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2018, no. 1(35), s. 99-114. (In Russian).

Shlyakhova Svetlana S. O sostoyanii fonosemantiki v Rossii. Stat`ya vtoraya. Fonosemanticheskie konferencii. Fundamental`ny`e issledovaniya. Programmnoe obespechenie (texnologii Hi-Hume) [On Phonosemantics in Russia. Article Two. Conferences in Phonosemantics. Fundamental Research. Software (Hi-Hume)]. // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2019, no. 1 (39), s. 232-251. (In Russian).

Shlyakhova Svetlana S. (2015). Sound-grapheme-color Associativity in Komi-permyak Language (Vowels). // *Asian Social Science*. Vol. 11. No. 8. P. 300-314.

Shlyakhova Svetlana S. (2018). Frequency correlates in grapheme-color synaesthesia in komi-permyak language. // *XLinguae*. Vol. 11. No. 02. P. 518-527. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.42

К 75-летию Института языкознания РАН

УДК 81'13 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-146-162

**НАУКА О ЯЗЫКЕ XX-XXI в.в. И ЕЕ ТВОРЧЕСКИЕ ЛИКИ.
ИЗ ЖИЗНИ СЕКТОРА ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ:
Т.В. БУЛЫГИНА, Ю.С. СТЕПАНОВ, В.Н. ТЕЛИЯ**

Постовалова Валентина Ильинична

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник ИЯз РАН
Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
aroni4@yandex.ru

В безначальном уме Творца нашего человек задуман как один, единый, но в большом числе ипостасей. В этом чудном единстве каждый, в каком-то смысле. внутри своей ипостаси является центром всего: все и всё – для него. Он же все свое и всего себя отдает для всех и каждого. Нет ни большего, ни меньшего... Создается при этом совмещение усилий, тесное сотрудничество, конвергенция в порыве благочестивого творчества, обеспечивающего восхождение в духовную сферу Царства Святой Троицы.

Архимандрит Софроний (Сахаров). Завещание

В статье, посвященной 90-летию со дня рождения сотрудников сектора общего языкознания Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия, на основе аналитического описания их творческого пути обосновывается мысль о том, что сектор, где проходила их научная деятельность в течение почти пятидесятилетнего периода, представлял собою настоящий микрокосм лингвистической мысли. Здесь разрабатывались подходы и направления, ставшие ведущими в гуманитарном познании нашего времени (филология языка, металингвистика, лингвосомиотика, коммуникативная лингвистика, лингвокультурология). Обсуждались теоретико-методологические вопросы, которые не только не потеряли своей актуальности в наши дни, но, напротив, оказались в эпицентре дискуссий и размышлений в современной лингвистике. К их числу относятся вопросы рефлексивного характера, касающиеся определения предмета изучения в лингвистических дисциплинах, установления границ лингвистической реальности, оценки научности проводимых исследований, осмысления совершающихся в гуманитарном познании интегративных процессов, а также вопросы формирования и смены научных парадигм. Рассматриваются некоторые черты творческого лика Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия, задающие в своей совокупности портрет ученого нашего времени.

Ключевые слова: семиотика, философия языка, металингвистика, внутринаучная рефлексия, лингвокультурология, парадигмы научного мышления, антропологический поворот, реализм и номинализм, культурно-языковой синтез

Данная статья, посвященная 90-летию со дня рождения Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия, является продолжением публикации в этом журнале статей о творческом пути академика Б.А. Серебrenникова, бессменного руководителя сектора общего языкознания в Институте языкознания РАН¹. Созданный Серебrenниковым сектор на всем, почти пятидесятилетнем периоде своего существования, на который приходилась научная деятельность в нем наших незабвенных коллег Татьяны Вячеславовны, Юрия Сергеевича и Вероники Николаевны, представлял собою настоящий микрокосм лингвистической мысли этого времени². Здесь разрабатывались подходы и направления, ставшие ведущими в гуманитарном познании нашего времени, – философия языка, лингвосомиотика, коммуникативная лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, концептология, металингвистика.

В секторе поднимались теоретические и методологические вопросы, которые не только не потеряли своей актуальности в наши дни, но, напротив, оказались в эпицентре дискуссий и размышлений в современной лингвистике. К их числу относятся, в первую очередь, вопросы рефлексивного характера, касающиеся определения предмета изучения в лингвистических дисциплинах и уст иановления границ лингвистической реальности, оценки научности проводимых исследований и осмысления совершающихся в гуманитарном познании интегративных процессов. А также вопросы формирования и смены научных парадигм. В философии науки вопросы такого типа получили название внутринаучной рефлексии, или рефлексии самих ученых над своей наукой.

Рассмотрим, как некоторые из таких металингвистических вопросов были осмыслены в творческом опыте Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия, работы которых стали основанием для осмысления данной проблематики и в современной лингвистической мысли.

1. Лингвистика под знаком мета: внутринаучная рефлексия в науке о языке в метанаучном осмыслении Т.В. Булыгиной. Одну из центральных установок рефлексивных исследований Т.В. Булыгиной в науке о языке составляет установление специфики лингвистического знания, или, по выражению Татьяны Вячеславовны, определения *лингвоспецифического*. Эта метазадача сводится у нее к рассмотрению того, где пролегает граница лингвистического и нелингвистического в науке о языке.

Вопрос об истолковании лингвистического рассматривался Булыгиной в связи необходимостью установления того, что входит в семантическое описание как лингвистически релевантное, а что должно быть отнесено к так называемой нелингвистической прагматике. Согласно Булыгиной, в основу установления лингвоспецифического в семантике может быть положена *дихотомия конвенционального (кодифицированного) и неконвенционального*. Татьяна Вячеславовна разделяет идею о том, что граница между лингвистической семантикой и нелингвистической прагматикой проходит по линии разграничения между языковыми конвенциями и явлениями, не конвенциализованными в конкретном языке.

По мысли Булыгиной, развиваемой в статье «О границах и содержании прагматики» (1981), хотя все, что не конвенционально, и представляет определенный интерес для

---

¹ См. наши работы: [Постовалова 2017 а; 2017 б].

² Т.В. Булыгина была сотрудником Института с 1954 по 2000 г., В.Н. Телия – с 1963 по 2011 г., Ю.С. Степанов – с 1971 по 2012 г., а в качестве заведующего сектора общего (теоретического) языкознания – с 1992 по 2001 г.

лингвиста, это не должно отражаться в лингвистическом описании, поскольку язык есть конвенциональная знаковая система [Булыгина, Шмелев 1997: 254].

Классическую тему внутринаучной рефлексии составляет осмысление фундаментальной антиномии научного познания относительно единственности истины и многообразия образов ее проявления в научном познании. В самосознании науки второй половины XX в. данная антиномия рассматривалась как проблема выбора теории в ситуации неединственности теоретико-эмпирического представления реальности.

В металингвистике эта общенаучная проблема осмысливалась в трех планах. Во-первых, в *онтологическом плане* как проблема определения статуса лингвистического описания в плане соотношения описания и реальности. Во-вторых, в *гносеологическом плане* как проблема поиска критериев для оценки реальных лингвистических описаний с целью выбора из них наиболее оптимальных. И, наконец, в-третьих, в *коммуникативном плане* как проблема возможности достижения взаимопонимания в ситуации множественности лингвистических описаний при воссоздании образов лингвистической реальности.

В изложении Т.В. Булыгиной осмысление онтологического статуса лингвистического описания обсуждалось в русле противопоставления двух подходов, известных под названиями «лингвистики божественной истины» и «лингвистики фокусничества» (*hocus-rocus approach*). Разграничение между данными подходами было эксплицитно сформулировано Ф. Хаусхолдером в его рецензии на книгу З. Харриса «Методы структурной лингвистики» (1951), где Хаусхолдер отождествляет эти два типа лингвистики со средневековыми философскими учениями реализма и номинализма.

Согласно первому подходу, принимаемому в «лингвистике божественной истины», язык как онтологическое образование обладает определенной структурой. И задача лингвистов состоит в том, чтобы, обнаружив такую структуру (*God's truth structure of the language*), осуществить наиболее ясное, экономное и элегантное ее описание [Булыгина 1977: 75]. Согласно второму подходу, принимаемому в «лингвистике фокусничества», язык представляет собой беспорядочную массу несогласованных между собой данных. И задача лингвистов заключается в том, чтобы приписать этой бесформенной массе некую структуру, не противоречащую имеющимся языковым фактам.

В понимании Булыгиной, разделение лингвистики на эти два типа не является адекватным в трех отношениях [Там же: 80, 84, 77]. Во-первых, такое разделение игнорирует факт творческого характера познавательной деятельности в лингвистике. Во-вторых, оно является чисто логическим упрощением, поскольку элементы соответствующих концепций не связаны отношением взаимной импликации. Наконец, в-третьих, такое разделение фактически снимает проблему выбора оптимального способа описания в лингвистике.

В представлении же Булыгиной во всякой науке существуют более или менее эффективные модели описания тех или иных наблюдаемых явлений. Татьяна Вячеславовна различает *внешнюю* и *внутреннюю адекватность лингвистического описания*. Внешняя адекватность касается эмпирической адекватности лингвистического описания, или его совместимости с реальными фактами языка. Внутренняя же адекватность опирается на соответствие такого описания внеэмпирическим критериям. К числу критериев, с помощью которых могут устанавливаться достоинства как самих сравниваемых теорий, так и основывающихся на них альтернативных лингвистических описаний, по мысли Булыгиной, относятся: общий характер правил, объясняющая сила, простота,

а также эффективность объяснения, из которых наибольшей объективации поддается критерий простоты.

Следствием существования множественности взглядов на лингвистическую реальность в современной науке является *ситуация непонимания* среди ученых, работающих в разных парадигмах научного познания и пользующихся различными метаязыками. Возникает вопрос, как можно преодолеть такое непонимание среди лингвистов разных школ и направлений. Или, образно говоря, как возможно разрешить возникающую здесь «языковедческую девавилонизацию»³. По мысли Т.В. Булыгиной, необходимым условием для разрешения такой «девавилонизации» будет установление концептуально-терминологических соответствий в использовании синонимов и омонимов в метаязыках разных школ и направлений [Там же: 13].

В металингвистике XX в. одной из первостепенных задач стала выработка адекватного представления о природе лингвистического знания и его специфике в сравнении со знанием естественнонаучным и математическим. Приступая к аналитическому рассмотрению данной темы, Булыгина обращает внимание на тот факт, что общее науковедение, в терминах которого анализировалась и лингвистика, разрабатывалось главным образом на основе естественных наук. В науковедении была разработана концепция унифицированной науки, согласно которой всем эмпирическим наукам свойственен некий общий метод объяснения и предсказания, выступающий в наиболее чистом виде в естественных науках. Стремление же привести науку о языке в возможно более полное соответствие с метанаучными канонами естествознания сопровождается обычно явным или неявным признанием превосходства естественных наук.

Вопрос о *специфике лингвистического знания* в сравнении с естественнонаучным Т.В. Булыгина рассматривает на примере осмысления принципов синхронического описания языка. В понимании Булыгиной, особенность описания в синхронно-описательной грамматике связана с тем, что такая грамматика оперирует понятием правила, а не закона. Правила же, формулируемые в синхронно-описательной грамматике, не представляют собой объяснений дедуктивно-номологического типа, характерных для естественных наук. Это скорее – концептуальный анализ, экспликация имплицитного знания грамматических правил, а еще точнее, экспликации знания некоторых до-теоретических правил, соответствующих теоретическим правилам, формулируемым в лингвистическом описании.

Отметим, что в период дискуссии 70-80 годов прошлого века о том, является ли язык системой знаков (единиц), как это считалось в классическом структурализме, или системой правил, как это утверждалось в динамической порождающей грамматике Хомского, Т.В. Булыгина принимает диалектическую позицию, согласно которой язык есть одновременно и система единиц и система правил [Там же: 13]. На вопрос же о том, можно ли считать *научным* описание, при котором исследователь знает описываемый язык, Булыгина дает положительный ответ. По ее мысли, принятие того, что в основе синхронно-описательного языкознания лежит экспликация интуитивного знания языковых правил, заранее известного исследователю, отнюдь не подразумевает признания

---

³ Выражения «Вавилон» и «языковедческая девавилонизация» отсылают к библейскому образу Вавилонского смещения об утрате взаимопонимания между людьми (Быт 10. 1-9). А также соответственно к онтологическому событию Пятидесятницы, или сошествия Святого Духа на Апостолов (Деян 2. 2-8, 13-17), свидетельствующему о возможности преодоления возникшего непонимания между людьми (1 Кор 14. 1-6, 9-19).

ненаучности лингвистического описания. Ведь знать какое-либо конкретное языковое правило не означает знать соответствующее ему теоретическое правило. А «вербализовать» или записать в какой-либо символической форме все имеющиеся в языке правила отнюдь не означает осуществить их научное описание [Булыгина 1980: 132].

2. Язык, Семиотика и Культура в метанаучном осмыслении Ю.С. Степанова. Для творческого подхода Юрия Сергеевича Степанова была в высшей степени характерна установка на рефлексивность мышления как особую форму самосознания в культуре. Центральным вопросом внутринаучной рефлексии в науке о языке, в понимании Степанова, является вопрос: «Как развивается лингвистика по мнению самих лингвистов? Как вообще развивается какая-либо конкретная наука по мнению представителей самой этой науки?» [Степанов 1980: 13]. Рефлексивное акцентирование этого вопроса в творческом опыте Степанова объясняется спецификой гносеологической ситуации в науке о языке конца XX-начала XXI вв., суть которой составляет наличие активных интегративных процессов в познании, быстрая смена лингвистических парадигм и связанный с этим постоянно изменяющийся образ языка.

Осмысление этих процессов выводило творческую мысль Степанова на более широкую постановку вопроса о том, как происходит развитие и других сфер знаний и, прежде всего, семиотики и как вообще осуществляются эволюционные процессы в культуре. Особое внимание при рассмотрении этих эпистемолого-гносеологических вопросов Степанов отводил семиотике, говоря о «семиотическом введении в гносеологию» или об «опыте введения в теорию познания от семиотики» [Степанов 1998: 20].

Одним из предметов рефлексивного осмысления Ю.С. Степанова стал вопрос об *эпистемологическом статусе научных парадигм*. Первоначально вопрос о научных парадигмах в лингвистической мысли Степанов рассматривал в составе философии языка. Причем, в его интерпретации, сама философия языка трактовалась как синоним «парадигмы», под которой он понимал господствующий взгляд на язык, связанный с определенной философской позицией [Там же: 176]⁴. Сгруппировав различные подходы к языку в соответствии с предпочитаемым в них измерением – семантическим, синтаксическим и прагматическим (дектическим), – Степанов строит свою типологию философий языка, или парадигм, где различает три парадигмы представления языка в истории лингвофилософской мысли [Там же: 175-473].

Это, во-первых, *семантическую парадигму* (философию имени), исходящую из имени и его отношения к миру. Во-вторых, – *синтаксическую парадигму* (философию предиката), опирающуюся на предикат как на ядро суждения и изучающую синтаксические связи между языковым выражением и взглядом на мир усредненного носителя языка, лишенного личностных свойств. И, наконец, – *прагматическую (дектическую) парадигму* (философию эгоцентрических свойств), исходящую из момента связи между языком и говорящим субъектом. Первая парадигма, по Степанову, разрабатывалась в философии языка со времен античности вплоть до начала XX века. Вторая – в философии языка неопозитивизма. Третья – в философии языка позднего логического неопозитивизма (Б. Рассел) и в формальной прагматике (Р. Монтегю, К. И. Льюис, Я. Хинтикка и др.).

---

⁴ По утверждению Н.М. Азаровой, Ю.С. Степанов к концу века фактически отказывается от самого термина «парадигма», предпочитая рассматривать научную мысль как некую целостность [Азарова 2012: 44].

Позже Ю.С. Степанов, приступая к изучению эволюции лингвофилософских течений, разработал типологию философий языка, избрав в качестве основания этой типологии членение семиотического объекта на Систему и Текст. По данной типологии первой философией языка является Реализм, восходящий к идеям Аристотеля. Центральную установку этого типа философии языка Степанов определяет с помощью максимы «От Системы к “тому, что по ту сторону от нее”» [Там же: 542].

Второй философией языка, по данной типологии, является Номинализм, восходящий, по Степанову, к идеям Оккама – «последнего великого номиналиста Средневековья» и «первого номиналиста Нового времени» [Там же: 721]. Центральную установку данной философии языка Степанов определяет с помощью максимы «От Текста к “тому, что извлекается из Текста”» [Там же: 581].

И, наконец, третьей философией языка в истории мировой лингвофилософской мысли, в истолковании Степанова, является Новый реализм, под которым он понимает особое неореалистическое течение в современной философии языка, объединяющее в своем составе ряд философских, религиозно-богословских и художественно-эстетических направлений [Там же: 712-738]. Центральную установку данного типа философии языка Степанов передает с помощью максимы «Между Системой и Текстом», отмечая, что в ментальности этого типа на первый план выступает категория Дискурса как языкового выражения Мира (любого из «миров») [Там же: 655].

Центральным философско-методологическим вопросом, стоящим за всей проблематикой Нового реализма, для Степанова, является проблема истолкования статуса стратегии *реализма (бытийственности)* в современном лингвофилософском мышлении. В интерпретации Степанова, позиция реализма в философии языка заключается в утверждении того, что за выражениями языка стоят некие объективные, непсихологические по своей природе, сущности – вещи, концепты (идеи, эйдосы, универсалии), логические, а отчасти и этические истины. Согласно же номинализму, онтологические объекты не признаются существующими вне и до всякого языка, а извлекаются из языка или конструируются на его основе [Там же: 693, 581].

Анализируя позицию прагматики пятидесятых годов прошлого века с ее тезисом об отсутствии естественной связи между сторонами знака, а также между знаком в целом и предметом, Степанов позже откажется от номиналистического подхода в семиотике, положив в основу разработки своей доктрины Нового реализма идею о возможности «некоторого синтеза реалистических и номиналистических и идей» [Там же: 612]. Данный тезис имеет своим известным аналогом (хотя и в другом ментальном контексте) представления о разных степенях бытийственности и энергичности символа, развиваемые в патристической богословской традиции и в религиозных концепциях творчества (Вяч. Иванов).

Новый реализм как эпистемологическая доктрина и тип ментальности, в истолковании Степанова, имеет эксплицитно выраженную синтетическую направленность, возвращаясь на новом этапе и с новыми установками к одной из ведущих идей отечественной культуры – рассмотрению философии, религии (богословия), науки и искусства в их единстве. Однако, в отличие от интерпретации такого единства как организма цельного знания в отечественной школе Всеединства, Новый реализм склоняется к современному истолкованию подобного единства как союза, содружества, встречи и общего коммуникативного пространства для диалога по некоторым принципиальным вопросам их доктрины.

В научном познании Степанова интересовали точки роста в науке и предельные ситуации – основания, истоки, зарождение, потенциальное. А также внутренние границы предмета и то, что остается за его пределами. Наблюдая за процессами расширения и минимализации смыслов в современной гуманитарной науке, Степанов говорит о постепенном расширении предмета в сторону этики и усматривает возможность разработки теории нового расширения семиотики в виде создания единого информационного пространства [Степанов 2001: 39]. Другая возможность расширения семиотики лежит, по мысли Степанова, на пути включения в эту дисциплину исследования культурных концептов. В некоторых проектах Степанова семиотика (семиотика культуры) начинает пониматься так широко, что практически отождествляется и с наукой о человеке и даже с самой духовной жизнью.

В культурно-семиотических изысканиях Ю.С. Степанова наблюдается стремление к переходу от изучения формально-онтологического плана семиозиса культуры в сторону исследования его углубленно-духовного начала. Эксплицитным предметом его рассмотрения становится «Семиотика Внутреннего», направленная на постижение «Внутреннего человека», или «духа человека» [Кубрякова 2000: 25]. По словам Ю.С. Степанова, начиная «свою собственную семиотику», он уже знал, что придет к «Семиотике “Внутреннего”» [Степанов 2006: 10-11]. Ведь «семиотика и родилась не просто как “учение о знаках”, а как семиотика “внутреннего”» [Там же: 12].

На основе единения понятий эволюции и семиотики Степанов разрабатывает понятия *эволюции концептов культуры* и *эволюционных семиотических рядов культурных реалий* для описания динамических процессов в культуре [Степанов 1998: 87]. В своей неоконченной работе «Ряды, или Божественная среда» Степанов обращается к линии Живого и Жизни в контексте темы Вечности. Завершающий фрагмент данной работы, заканчивающийся словами о том, что понятие «Пробы Эволюции» есть «пробы в “Божественной среде”», погружает эволюционный Ряд Жизни в контекст темы Вечности [Степанов 2012: 16].

В работах Степанова речь часто идет о сокровенных глубинных процессах в культуре и обществе, ускользающих от своей объективации и еще не имеющих своего именованья. Наблюдая за процессами синтеза разных сфер в культуре, он говорит о зарождении всеобщей гуманитарной науки, именуемой им «новой всеобщей антропологией». По его словам, эта создаваемая наука есть «наука объединяющая: философия, логика, словесность и поэтика, живопись, ваяние, зодчество и науки о них, музыка и музыковедение» [Степанов 2007: 13]. Здесь Ю.С. Степанов семиотико-философским путем приходит к идее антропологического поворота в гуманитарном познании.

3. Антропологический поворот в гуманитарном познании XX в. Лингвокультурология как восхождение к «новой реальности» в метанаучном осмыслении В.Н. Телия. Специфику становления европейской мысли XX в. составляет так называемый антропологический поворот, заключающийся в перемещении исследовательского внимания от рассмотрения человека как субъекта познавательной деятельности к постижению человека в его целостности. В гуманитарном познании *антропологический поворот* находит свое выражение в возвращении к гумбольдтовской программе изучения языка в единстве со всеми фундаментальными сторонами человеческого бытия – сознанием, мирозерцанием, культурой и духовным миром человека. В лингвистике в русле данной тенденции находится формирование различных дисциплин интегративного характера, к числу которых может быть отнесена и активно развивающаяся в

наши дни лингвокультурология, предметом изучения которой является язык, рассматриваемый как феномен культуры.

Согласно историкографическому описанию В.А. Масловой, к концу прошлого века в Москве сформировались четыре *лингвокультурологические школы* [Маслова 2001: 30]. Это, во-первых, школа Ю.С. Степанова, направленная на описание констант культуры в их диахроническом аспекте. Во-вторых, школа Н.Д. Арутюновой, направленная на изучение универсальных терминов культуры разных времен и народов. В-третьих, лингвокультурологическая школа РУДН, развивающая концепцию взаимосвязи языка и культуры Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. И, в-четвертых, школа лингвокультурологического анализа В.Н. Телия, направленная на изучение языковых сущностей с позиции рефлексии носителя живого языка.

Путь в науке о языке Вероники Николаевны Телия, приведший ее к лингвокультурологии, проходил в русле перехода от имманентно-семиологического рассмотрения фразеологии как замкнутой «в самой себе и для себя» научной дисциплины к рассмотрению фразеологии в контексте культуры в рамках антропологической парадигмы познания. А в дальнейшем и к разработке на основе этой парадигмы лингвокультурологии – новой научной дисциплины, направленной на «исследование и описание взаимодействия языка и культуры в диапазоне современного культурно-национального самосознания и его знаковой репрезентации» [Телия 1999: 16].

В соответствии с антропологической парадигмой центром внимания лингвистических исследований становится, по словам В.Н. Телия, «человеческий фактор в языке vs языковой фактор в человеке» [Телия 1996: 9]. В лингвокультурологии человеческий фактор в языке стал интерпретироваться как культурный фактор в языке⁵. Замечая, что лингвокультурология ориентирована на человеческий, а точнее сказать – на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке, Телия приходит к утверждению, что лингвокультурология и есть «достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» [Там же: 222]. Эта дисциплина имеет своей целью исследование «живых коммуникативных процессов и связи используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [Там же: 218].

Первоначально В.Н. Телия понимала лингвокультурологию как раздел этнолингвистики, направленный на исследование взаимосвязи (корреспонденции) языка и культуры в их синхронном взаимодействии. В последующем Вероника Николаевна стала склоняться к мысли о возможности рассмотрения лингвокультурологии в качестве самостоятельной дисциплины, посвящаемой изучению процессов культурно-языкового синтеза, действующих в современном состоянии языка [Телия 1999: 15]. Отметим, что при своей адаптации категории синтеза в лингвокультурологии В.Н. Телия следует за общенаучным пониманием, согласно которому синтез рассматривается как представление изучаемой реалии в виде целого в единстве и взаимной связи его частей.

Предположение об осуществлении процессов *культурно-языкового синтеза* в речетворческой деятельности человека при синергетическом взаимодействии языка и культуры относится к числу фундаментальных идей лингвокультурологической концепции

---

⁵ Как отмечает Р.М. Фрумкина, занимаясь аналитическим рассмотрением когнитивных революций в научном познании конца XX в., здесь обнаружился эпистемологический тупик. Оказалось, что «в науке о человеке нет места главному, что создало человека и его интеллект, — культуре» [Фрумкина 1995: 104].

В.Н. Телия⁶. Вопрос о типе и формах проявления такого взаимодействия (диалог, корреляция, корреспонденция, интеракция, соотношение и т.д.) был предметом постоянной лингвокультурологической рефлексии Вероники Николаевны.

Воплощение идеи о существовании процессов культурно-языкового синтеза при конструировании предмета лингвокультурологии предполагает необходимость проведения определенной редукции самого понятия культуры с учетом диапазона взаимодействия культуры и естественного языка. Целью такой редукции, или аспектуализации, по выражению В.Н. Телия, станет выделение свойств культуры, существенных для лингвокультурологического описания [Телия 1999: 18].

Эпистемологической основой лингвокультурологической концепции В.Н. Телия стала идея о необходимости нахождения «*новой реальности*» при создании новых дисциплин, развиваемая Р.М. Фрумкиной. По словам Фрумкиной, при «расшатывании» научных парадигм происходит выход науки за «пределы уже освоенных территорий» [Фрумкина 1995: 84]. При этом обнаруживается «как бы “новая реальность”», для описания которой требуется новый инструментарий, каковым и становится новый язык описания [Там же]. Чтобы воспринять такую реальность, утверждает Фрумкина, необходимо иметь о ней некоторое опытное предзнание, а также определенные представления о метаязыке, приемлемом для описания такой новой реальности.

В понимании В.Н. Телия, реальность, стоящая за лингвокультурологическими построениями, раскрывающими взаимосвязи языка и культуры, многомерна и в своем центральном ракурсе имеет *символическую (семиотическую)* природу. В этом своем выборе Телия следует за Э. Кассирером, согласно которому человек, в отличие от обитателей животного мира, пребывает не просто в более широкой реальности, но «живет как бы в новом измерении реальности», воспринимая реальность через посредство символов [Кассирер 1998: 471]. Он обитает в своей «символической Вселенной», или символическом универсуме, составляющими которого выступают язык, миф, искусство, религия.

Для В.Н. Телия такой символической Вселенной, «семиотически бытующей в человеке в виде ментальных структур осознания мира», является культура [Телия 2004: 680]. Обитателем и творцом этого символического универсума является homo symbolicus – «человек символический», в глубинах языкового сознания которого запечатлеваются и сохраняются древнейшие формы «окультуренного» освоения мира [Там же: 678]. Такие формы могут оживать в номинативной компетенции носителей языка и проявляться в их дискурсивных практиках.

В качестве основного теоретического понятия, позволяющего обнаруживать новые грани лингвокультурологической реальности в работах В.Н. Телия, выступает понятие *культурной (культурно-национальной) коннотации*, под которой понимается «интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [Телия 1996: 214]⁷. При этом, подчеркивает Телия, языковые сущности получают способность обозначать «смыслы “языка” культуры» лишь в том случае, если они могут быть проинтерпретированы в пространстве кате-

---

⁶ Рассмотрение синергетического взаимодействия человека и его языка не только как продукта («эргона»), но и как «живой речетворческой деятельности (“энергей”», творящей как сам язык, так и языковое самосознание человека», принимаемое в концепции В.Н. Телия, восходит к учению Гумбольдта [Телия 1996: 271].

⁷ О культурной коннотации в понимании В.Н. Телия см.: [Ковшова 2012: 21-23; Маслова 2013: 70; Зыкова 2017: 448-449].

горий концептосферы и если этой интерпретации может быть придан «смысл “языка” этих категорий» [Телия 2007: 440].

4. «Памяти животворящий свет...». Наука как соборность и личное творчество⁸. Всякая наука едина в своем стремлении к истине и многолика в путях ее постижения. Такова и лингвистика, различные грани которой были явлены в творческом пути Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия. Наука живет преемственностью. В научном самосознании, всякий ученый-новатор оставляет в дар следующим поколениям в качестве своеобразного духовного завещания не только конкретные знания, полученные им в конкретной области исследования, но, прежде всего, открытый им новый интеллектуально-духовный мир как путь, по которому могут продвигаться следующие поколения. Существуют тексты, где путь этот приоткрывается самим творцом. Таков уже упоминавшийся текст последней работы Ю.С. Степанова «Ряды, или Божественная среда», который, по словам В.В. Фещенко, есть, по своей сути, «внутренняя речь человека, проделавшего путь в науке и теперь демонстрирующего, каким образом рождается сам “ход мысли” ученого» [Фещенко 2013: 64].

Рассмотрим несколько моментов из творческой деятельности Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия, показывающих, как формируется у них «ход мысли» при создании образов языка и самой лингвистики.

Первый момент касается отношения к *парадигмальным основаниям научного мышления*. Философы науки отмечают, что научное познание в обычном своем («нормальном») режиме функционирования автономно и монопарадигмально. Но иногда в особых ситуациях границы предмета изучения меняются, и исследователь может выходить из традиционной парадигмы в полипарадигмальное пространство культуры. И даже в ее надпарадигмальное измерение. Таков был путь в науке Ю.С. Степанова с его установкой на надбарьерность и свободу от ментальных стереотипов и ведомственных разграничений в культуре, что предполагало для него возможность совмещения языков из терминологических систем разных парадигм – науки, искусства, философии, религии, мифологии.

При отказе от традиционных парадигм в конкретной науке начинается поиск новых научных парадигм, нового понимания исследуемой реальности, нового метаязыка. Таков был путь В.Н. Телия, стоявшей у истоков разработки лингвокультурологии как новой научной дисциплины и, в видении своих учеников и последователей, ставшей «первооткрывателем новой, лингвокультурологической, парадигмы в лингвистике» [Ковшова 2013: 4].

Другой путь был у Т.В. Булыгиной, которая не искала новых парадигм в науке, но в пределах открывшейся и предзаданной ей лингвистической парадигмы достигала наибольшей глубины в познании. Быть лингвистом в понимании Татьяны Вячеславовны означало органически соединять в своем восприятии лингвистической реальности все три основные начала в научном познании – теоретическое ведение, конкретно-эмпирическое представление и метанаучное осмысление.

Без преувеличения можно сказать, что язык во всех формах своего существования и во всей своей безмерности был жизнью, любовью и предметом неотступных размышлений Татьяны Вячеславовны. Он оставался для нее той извечной тайной, на разгадку

---

⁸ В названии данного раздела «Памяти животворящий свет...» приводятся слова из поэмы Евгения Боратынского «Воспоминания» (1819).

которой были направлены все ее духовные силы и способности – строгий математический ум ученого-теоретика, филологическая интуиция и безупречное чувство языка. В самом творческом лике Т.В. Булыгиной поражало соединение, казалось бы, несоединимого – умозерцательной глубины и математической оперативности. По словам ее ученика и соавтора С.А. Крылова, его всегда восхищало в работах Татьяны Вячеславовны «редкостное соединение дара озарения с даром доказательности» [Крылов 2000: 5].

Другой момент, значимый для понимания путей формирования творческой деятельности ученого, касается *диалогизма* в научном мышлении и научной жизни. Такой неповторимый дар живой диалогичности был у В.Н. Телия. По рассказам М.Л. Ковшовой, вокруг Вероники Николаевны всегда был «творческий коллектив, которому она передала свой главный девиз: “Всегда быть в диалоге”» [Ковшова 2013: 5]. Конструктивный научный диалог с учениками и коллегами стал любимым «форматом живого научного общения» для Вероники Николаевны, вспоминают И.В. Зыкова и В.В. Красных [Зыкова, Красных 2016: 8].

Диалогизм в науке проявляется, прежде всего, в умении слушать и слышать другого. Такой эмпатический дар услышать своего собеседника – как непосредственно находящегося перед ним, так и отдаленного веками истории – был у Ю.С. Степанова. Исследователи творчества Степанова упоминают о внутреннем диалогизме стиля его текстов, о том, что многие его тексты писались «в расчете на воображаемого, “провиденциального (по О. Мандельштаму) собеседника» [Фещенко 2013: 57]. Говорят об уникальной чуткости Юрия Сергеевича как поэта и художника мысли слышать и запечатлевать голоса разных эпох. Его способности выражать образ своего времени, своего века, «одним из надежных свидетелей» которого он стал [Азарова 2012: 47]. Сходным даром вслушиваться в слова и мысли другого обладала и Т.В. Булыгина. Эта способность ее к отождествлению своего творческого «Я» с соборным «мы» выражалась в постоянной готовности Татьяны Вячеславовны к подлинному соавторству.

Даже самое первое приближение к рассмотрению творческого мира наших коллег – Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия – свидетельствует о том, что в науке соборное и личностное начало не делимы друг с другом, но пребывают в неразрывном единстве. Что реальная жизнь в науке это не автоматическое функционирование безличного коллективного разума по производству и обмену знаниями, но – живое и творческое общение. Такое общение в научной жизни может осуществляться в самых разных формах – в виде личных бесед, переписки, больших и малых конференций, семинаров, а также разнообразных презентаций и перформансов⁹.

* * *

Ю.С. Степанова как «семиотического философа» в последние годы интересовал феномен портрета как выражения сущности человека, того, что христианские философы, по его словам, «изучают как ”ипостась”» [Степанов 2004: 251]. Портрет при таком понимании предстает как «образ ипостаси». В портрете, по словам Юрия Сергеевича, удостоверяется «вечная истина», но теперь она выступает здесь уже как «личная логическая истина» [Там же: 253].

---

⁹ О формах презентаций научной мысли и перформансов как событий свершения в творческом мире Ю.С. Степанова см. в работе Н.М. Азаровой [Азарова 2013].

В этих кратких заметках мы попытались в эскизной форме назвать некоторые черты творческого лика Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия, задающие в своей совокупности портрет ученого нашего времени. Более глубокие планы и контуры такого портрета передают имена. «Ученый, Учитель, Друг», – говорит о Веронике Николаевне Телия М.Л. Ковшова в завершение своей статьи, посвященной ее памяти [Ковшова 2013: 6]. «Путеводной звездой» называет Татьяну Вячеславовну Булыгину С.А. Крылов [Крылов 2000: 5].

Художник мысли, Поэт, Созерцатель глубинных тайн познания и творчества, – говорят о Юрии Сергеевиче Степанове его почитатели и ученики. По их свидетельству, Юрий Сергеевич «обладал редким даром постижения глубин науки и тайн творчества, и – что еще более важно – редким и ценным даром приобщать к этим глубинам и тайнам своих друзей, коллег, почитателей и учеников» [ОР 2012: 19]. Но при этом, по словам В.З. Демьянкова, оставался великодушным человеком – «великодушным в жизни и научном творчестве» [Демьянков 2013: 13].

В заключение отметим, что многие работы наших незабвенных коллег Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова и В.Н. Телия прошли испытание временем и стали лингвистической классикой. Многими излюбленными идеями их наша наука продолжает свой творческий путь в наступившем XXI веке.

Литература

Азарова Н. М. Юрий Сергеевич Степанов: образ языка как образ века // Критика и семиотика. Новосибирск; М., 2012. № 17. Памяти Юрия Сергеевича Степанова. 34–47.

Азарова Н. М. Личность ученого. Ю.С. Степанов в трехмерном пространстве науки, искусства и быта // Языковые параметры современной цивилизации. Сб. трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова. М.: Эйдос, 2013. С. 38–47.

Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. 287 с.

Булыгина Т. В. Синхронное описание и внеэмпирические критерии его оценки // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980. С. 118–142.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М. Школа «Языки русской культуры», 1997. 574 с.

Демьянков В. З. Синтактика, семантика и прагматика в научном творчестве Ю.С. Степанова // Языковые параметры современной цивилизации. Сб. трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова. М.: Эйдос, 2013. С. 6–13.

Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. С. 542–638.

Зыкова И. В., Крсных. В. В. Вероника Николаевна Телия. НЕуходящая натура // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей, посвященных памяти В.Н. Телия М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 7–10.

Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 781 с.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 453 с.;

Ковшова М.Л. Вероника Николаевна Телия. 1930-2011 // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященных памяти В.Н. Телия. М.: МАКС Пресс. Вып. 46. 2013. С. 4–6.

Крылов С. А. О работах Т.В. Булыгиной по логическому анализу естественного языка

- // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 3–6/
Кубрякова Е. С. Краткий очерк научной деятельности // Юрий Сергеевич Степанов. Материалы к библиографии ученых. М.: Наука, 2000. С. 7–25.
- Маслова В. А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб., заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Маслова В. А.* Memotia et gloria // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященных памяти В.Н. Телия. М.: МАКС Пресс. Вып. 46. 2013. С. 68–73.
- От редколлегии. Юрий Сергеевич Степанов (1930-2012) // Критика и семиотика. Новосибирск; М., 2012. Выпуск 17. Памяти Юрия Сергеевича Степанова. С. 17–19 (ОР).
- Постовалова В. И.* Отечественная лингвистика XX века и ее корифеи: Б.А. Серебренников: жизнь и творчество // Вопросы психолингвистики. 2017 а, № 1 (31). С. 238–253.
- Постовалова В. И.* Отечественная лингвистика XX века и ее корифеи: Б.А. Серебренников: учение о языке // Вопросы психолингвистики. 2017 б, № 2 (32). С. 226–241.
- Степанов Ю. С.* Введение // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980. С. 3–13.
- Степанов Ю. С.* Язык и Метод: К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
- Степанов Ю. С.* Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология. М.; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5–42.
- Степанов Ю. С.* Протей: Очерк хаотической эволюции. М.: Языки славянской культуры, 2004. 264 с.
- Степанов Ю. [С.]*. Семиотика, Философия, Авангард // Семиотика и Авангард: Антология. М.: Академический Проект; Культура, 2006. С. 5–32.
- Степанов Ю. С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 247 с.
- Степанов Ю. С.* Ряды, или Божественная среда // Критика и семиотика. Вып. 17. Новосибирск, 2012. С. 5–16.
- Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–14.
- Телия В. Н.* Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 674–684.
- Телия В. Н.* Глубинно-смысловые пласты культуры и ее симболярий в архитектонике фразеологизмов-идиом // Язык и действительность: Сб. научных трудов памяти В.Г. Гака. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 433–441.
- Фещенко В. В.* О стиле ученого: научная и художественная образность в работах Ю.С. Степанова // Языковые параметры современной цивилизации. Сб. трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю. С. Степанова. М.: Эйдос, 2013. С. 57–67.
- Фрумкина Р. М.* Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 1995. С. 74–117.

**LINGUISTICS IN THE 20th-21st CENTURIES AND ITS CREATIVE IMAGES.
ABOUT THE SECTION OF GENERAL LINGUISTICS:
T. V. BULYGINA, Yu. S. STEPANOV AND V. N. TELIYA**

Valentina I. Postovalova

Chief Researcher
Institute of Linguistics
Russian Academy of Sciences
1, building 1 Bol'shoy Kislovsky per.,
Moscow, 125009 Russia
aroni4@yandex.ru

The article commemorates the 90th anniversary of the birth of T. V. Bulygina, Yu. S. Stepanov and V. N. Teliya who worked in the Section of General Linguistics. The analytic description of their creative path provides evidence that the section, where their scientific research had been carried out for almost 50 years, used to be a real microcosm of linguistic thought. It is the place where the approaches and directions of research considered to be leading in modern humanities, have been developed (philosophy of language, metalinguistics, linguosemiotics, communicative linguistics, linguocultural studies). The researchers in the section used to discuss theoretical and methodological issues which are still relevant nowadays and provided a lot of food for thought and a basis for many discussions in modern linguistics. Among the issues under consideration it is necessary to emphasize the reflective ones, connected with the identification of the subject of linguistic studies, setting the limits of linguistic reality, evaluation of the scientific character of research, understanding the integrative processes observed in humanities, the issues of formation of scientific paradigms and the paradigm shift. The current article deals with some features of the creative images of T. V. Bulygina, Yu. S. Stepanov and V. N. Teliya, together making a portrait of a modern scientist.

Keywords: semiotics, philosophy of language, metalinguistics, intrascientific reflection, linguocultural studies, scientific paradigm, anthropological turn, realism and nominalism, language and culture synthesis

References

Azarova N. M. Yuriy Sergeevich Stepanov: obraz yazyka kak obraz veka [Yury Sergeevich Stepanov: the image of the language as the image of the century] // *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics]. Novosibirsk; Moscow, 2012, no. 17. Pamyati YUriya Sergeevicha Stepanova [Dedicated to the Memory of Yury Sergeevich Stepanov]. P. 34–47. (In Russian).

Azarova N. M. Lichnost' uchenogo. Yu.S. Stepanov v trekhmernom prostranstve nauki, iskusstva i byta [Personality of the scientist. Yu. S. Stepanov in a three-dimensional space of science, art and daily routine] // *Yazykovye parametry sovremennoj tsivilizatsii*. Sb. trudov pervoj nauchnoj konferentsii pamyati akademika RAN Yu.S. Stepanova [Linguistic parameters of modern civilization. Proceedings of the first scientific conference dedicated to the memory of academician of RAS Yu. S. Stepanov]. Moscow: Eidos, 2013. P. 38–47. (In Russian).

Bulygina T. V. Problemy teorii morfologicheskikh modelej [Problems of the theory of morphological models]. Moscow: Nauka, 1977. 287 s. (In Russian).

Bulygina T. V. Sinkhronnoe opisaniye i vneempiricheskie kriterii ego otsenki [Synchronic description and non-empirical criteria of its evaluation] // *Gipoteza v sovremennoj lingvistike* [Hypothesis in modern linguistics]. Moscow: Nauka, 1980. P. 118–142. (In Russian).

Bulygina T. V., Shmelev A. D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoj grammatiki) [Linguistic conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1997. 574 p. (In Russian).

Dem'yankov V. Z. Sintaktika, semantika i pragmatika v nauchnom tvorchestve YU.S. Stepanova [Syntaxics, semantics and pragmatics in scientific and creative work of Yu. S. Stepanov] // [Linguistic parameters of modern civilization. Proceedings of the first scientific conference dedicated to the memory of academician of RAS Yu. S. Stepanov]. Moscow: Eidos, 2013. P. 6–13. (In Russian).

Zykova I. V. Metayazyk lingvokul'turologii: Konstanty i variant [Meta-language of language and culture studies: constants and variants]. Moscow: Gnozis, 2017. P. 542–638. (In Russian).

Zykova I. V., Krsnykh V. V. Veronika Nikolaevna Teliya. NEukhodyashhaya natura [Veronika Nikolaevna Teliya. The NEVER-leaving character] // *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statej, posvyashhennykh pamyati V.N. Teliya* [Language – Mind – Communication. Collection of scientific articles dedicated to the memory of V. N. Teliya] Moscow: MAKS Press, 2016. Issue. 53. P. 7–10. (In Russian).

Kassirer E. H. Izbrannoe. Opyt o cheloveke. [Selected Writings. Experience about a person] Moscow: Gardariki, 1998. 781 p. (In Russian).

Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury [Linguocultural method in phraseology: Codes of culture]. Moscow: LIBROKOM, 2012. 453 p. (In Russian).

Kovshova M. L. Veronika Nikolaevna Teliya. 1930-2011 [Veronika Nikolaevna Teliya. 1930-2011] // *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. nauchnykh statej, posvyashhennykh pamyati V.N. Teliya* [Language – Mind – Communication. Collection of scientific articles dedicated to the memory of V. N. Teliya]. Moscow: MAKS Press. Issue 46. 2013. P. 4–6. (In Russian).

Krylov S. A. O rabotakh T.V. Bulyginoj po logicheskomu analizu estestvennogo yazyka [About the works on logical analysis of natural language written by T. V. Bulygina] // *Logicheskij analiz yazyka: Yazyki ehtiki* [Logical analysis of language: Languages of ethics]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. P. 3–6. (In Russian).

Kubryakova E. S. Kratkij ocherk nauchnoj deyatel'nosti [A brief study of scientific research] // *Yuriy Sergeevich Stepanov. Materialy k bibliografii uchenykh* [Yury Sergeevich Stepanov. Materials for the bibliography of scientists]. Moscow: Nauka, 2000. P. 7–25. (In Russian).

Maslova V. A. Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb., zavedenij [Language and Culture Studies: A course book for students studying in institutions of higher education]. Moscow: Akademiya, 2001. 208 p. (In Russian).

Maslova V. A. Memotia et gloria [Memotia et gloria] // *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. nauchnykh statej, posvyashhennykh pamyati V.N. Teliya* [Language – Mind – Communication. Collection of scientific articles dedicated to the memory of V. N. Teliya]. Moscow: MAKS Press. Issue 46. 2013. P. 68–73. (In Russian).

Ot redkollegii [On behalf of editorial board]. Yuriy Sergeevich Stepanov (1930-2012) [Yury Sergeevich Stepanov (1930-2012)] // *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics].

Novosibirsk; Moscow, 2012. no 17. Pamyati YUriya Sergeevicha Stepanova [Dedicated to the Memory of Yury Sergeevich Stepanov]. P. 17–19 (OR). (In Russian).

Postovalova V. I. Otechestvennaya lingvistika XX veka i ee korifei: B.A. Serebrennikov: zhizn' i tvorchestvo [Russian linguistics of the 20th century and its prominent figures. B. A. Serebrennikov: his life and scientific work] // *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2017 a, #1 (31). P. 238–253. (In Russian).

Postovalova V. I. Otechestvennaya lingvistika XX veka i ee korifei: B.A. Serebrennikov: uchenie o yazyke [Russian linguistics of the 20th century and its prominent figures. B. A. Serebrennikov: the language theory] // *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2017 b, #2 (32). P. 226–241. (In Russian).

Stepanov Yu.S. Vvedenie [Introduction] // *Gipoteza v sovremennoj lingvistike* [Hypothesis in modern linguistics]. Moscow: Nauka, 1980. P. 3-13. (In Russian).

Stepanov Yu. S. Yazyk i Metod: K sovremennoj filosofii yazyka [Language and Method: The modern philosophy of language]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. 784 p. (In Russian).

Stepanov Yu.S. Vvodnaya stat'ya. V mire semiotiki [Introductory article. In the world of semiotics] // *Semiotika: Antologiya* [Semiotics: Anthology]. Moscow; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. P. 5–42. (In Russian).

Stepanov Yu. S. Protej: Oчерk khaoticheskoj ehvolyutsii [Proteus: Essays on chaotic evolution]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 264 p. (In Russian).

Stepanov Yu. S. Semiotika, Filosofiya, Avangard [Semiotics, Philosophy, Avant-garde] // *Semiotika i Avangard: Antologiya* [Semiotics and Avant-garde: Anthology]. Moscow: Akademicheskij Proekt; Kul'tura, 2006. P. 5–32. (In Russian).

Stepanov Yu. S. Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii [Concepts. A thin layer of civilization]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 247 p. (In Russian).

Stepanov Yu. S. Ryady, ili Bozhestvennaya sreda [The series, or Divine Environment] // *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics]. Issue 17. Novosibirsk, 2012. P. 5–16. (In Russian).

Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. 288 p. (In Russian).

Teliya V. N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury [The main tasks and methodological problems of research of phraseological units in the context of culture] // *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. P. 13–14. (In Russian).

Teliya V. N. Faktor kul'tury i vosproizvodimost' frazeologizmov – znakov-mikrotekstov [Factor of culture and reproducibility of idioms – signs – microtexts] // *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura: Sb. statej v chest' N.D. Arutyunovoj* [Hidden meanings. Word. Text. Culture. Collection of scientific articles dedicated to N. D. Arutyunova]. Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. P. 674–684. (In Russian).

Teliya V. N. Glubinnno-smyslovye plasty kul'tury i ee simbyolarij v arkhitektonike frazeologizmov-idiom [Deep semantic layers of culture and its symbolarium in architectonics of idioms] // *Yazyk i dejstvitel'nost': Sb. nauchnykh trudov pamyati V.G. Gaka* [Language and reality. Collection of scientific articles dedicated to V.G. Gak]. Moscow: LENAND, 2007. P. 433–441. (In Russian).

Feshhenko V. V. O stile uchenogo: nauchnaya i khudozhestvennaya obraznost' v rabotakh Yu.S. Stepanova [About the style of a scientist: scientific and artistic imagery in the works written by Yu. S. Stepanov] // *Yazykovye parametry sovremennoj tsivilizatsii*. Sb. trudov pervoj nauchnoj konferentsii pamyati akademika RAN Yu.S. Stepanova [Linguistic parameters of modern civilization. Proceedings of the first scientific conference dedicated to the memory of academician of RAS Yu. S. Stepanov]. Moscow: Eidos, 2013. P. 57–67. (In Russian).

Frumkina R. M. Est' li u sovremennoj lingvistiki svoya ehpistemologiya? [Does modern linguistics have its epistemology?] // *Yazyk i nauka kontsa 20 veka: Sb. Statej* [Language and Science of the end of the 20th century: Collection of scientific articles]. Moscow: Ros. gos. gumanit. un-t., 1995. P. 74–117. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по электронной почте.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

Рукописи оформляются по данному ниже образцу.

Образец

УДК 00000

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Фамилия, имя, отчество автора полностью
ученая степень, должность, место работы,
почтовый индекс и адрес места работы,
электронный адрес

ГЛОБАЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ НОРМЫ В РОССИЙСКОЙ СФЕРЕ УСЛУГ

Иванов Иван Иванович

кандидат филол. наук,
доцент кафедры иностранных языков МФТИ
117198, Москва, ул. Керченская, д. 1 А, корп. 1
ivanov@yandex.ru

Аннотация на русском языке (150-250 слов)

(Слово «Аннотация» не пишется, содержание аннотации должно отражать структуру и логику статьи: чему посвящена статья, предмет/объект, цель, методы, результаты, итог исследования; аннотация **не должна содержать общих слов**)

Ключевые слова: слово, слово, слово, слово (10-15)

Основной текст статьи

Рекомендуемая структура основного текста (рубрики должны быть выделены полужирным шрифтом на отдельной строке, выравнивание по ширине, абзац, без точки):

- **Введение**
- **Тематические подзаголовки**
- **Дискуссия (обсуждение)**
- **Резюме (выводы)**
- **Литература (на языке оригинала источника)**

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере; гарнитура – Times New Roman. Страницы текста НЕ нумеруются.

Размер шрифта – 14; поля – 2,5 см. с каждой стороны; междустрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25

Абзацный отступ необходимо задавать автоматически.

Знаками табуляции и клавишей пробела при установлении абзацного отступа не пользоваться.

В тексте должны различаться прописные и строчные буквы, а также символы: О (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или прописная буква «i»);

Строго различать знаки «-» (дефис) и «-» (тире); двойное веб-тире «—» не допускается.

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы набираются прямым стандартным шрифтом.

Примеры в тексте выделяются курсивом. Если примерами являются относительно большие фрагменты текста, то предпочтительнее их выделить меньшим размером шрифта – 12.

Сноски

Оформление текста сносок: размер шрифта – 10; междустрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 1,25.

Ссылка на грант дается в сноске после названия статьи внизу первой страницы под чертой:

Образец

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ¹

ФИО автора

должность, место работы, адрес, электронный адрес

Аннотация

Ключевые слова

Текст, текст

Сноска внизу под чертой

Исследование выполнено при поддержке гранта (финансирующая организация) №, название.

Таблицы, диаграммы, графики

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью. Указание номера таблицы **Таблица №** дается перед таблицей (курсив, полужирный, выравнивание по правому краю, точка после номера не ставится).

Ниже дается название таблицы (выравнивание по центру, шрифт 12, обычный, полужирный, интервал одинарный, точка после названия не ставится).

Размер шрифта текста в таблице – 12, междустрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – «нет».

Примечание, если есть, располагается под таблицей: слово *Примечание* курсивом, 10 шрифт, одинарный интервал, выравнивание по ширине, после двоеточия шрифт обычный.

Образец

Таблица №1

Название таблицы

Название рубрики	Название рубрики	Название рубрики
текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст	текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст	текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст

Примечание: текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст

Иллюстрации

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ. Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией, снабжаются краткими и точными подписями. Слово *Рисунок* (сокращенно *Рис.*) располагается под иллюстрацией, цифра с точкой без использования знака №; название рисунка с прописной буквы, шрифт 12, обычный, интервал одинарный, выравнивание по ширине.

Примечание к рисунку, если есть, располагается под его названием, шрифт 10, слово *Примечание* курсивом, одинарный интервал, выравнивание по ширине, после двоеточия шрифт обычный.

Образец

Рис. 1. В.фон Гумбольдт – создатель научной лингвистики.

Примечание: Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835) – великий ученый, государственный деятель, основатель Берлинского университета, занимался языкознанием, поэзией, философией.

Литература

Литература на русском языке оформляется в соответствии с действующими нормами **ГОСТ Р 7.0.5-2008** (для e-library); литература на английском языке оформляется в соответствии с рекомендациями **APA style references**.

Список литературы (не менее 15 наименований, из которых половина изданы за последние **пять лет**) дается в алфавитном порядке, фамилии выделяются курсивом, пробел ставится между фамилией и инициалами, внутри инициалов пробела нет.

Номер источника по порядку не ставится, абзацный отступ – 1,25.

Для каждого источника указывается количество страниц (монографии, учебники, пособия, авторефераты диссертаций и проч.) или интервал страниц (статьи, рецензии и проч.).

Лексикографические источники и интернет-документы указываются в общем списке источников.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18]; интервал страниц обозначается знаком тире (–) без просветов: [Иванов 2000: 18–25].

В монографиях страницы указываются сокращенной маленькой буквой после цифры (450 с.), в статьях – прописной буквой перед цифрами (С. 76–86). Никаких других знаков тире в оформлении библиографии не используется.

Ссылки на Интернет-источники в тексте даются по фамилии автора [Акимова [http](http://)] или по первому слову названия источника [Большая... [http](http://)] («Большая российская электронная энциклопедия»).

Образец

Источники на русском языке

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки: учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М.: Проспект, 2006. 450 с.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Кавказского региона: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2002. 225 с.

Автореферат диссертации:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дисс. ... канд. техн. наук. Новосибирск, 2000. 18 с.

Интернет-документ: Родари Дж. Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/121295> (дата обращения: 15.11.2018).

***

После основного текста статьи помещаются краткие сведения о ней **на английском языке:**

- название статьи на английском языке;
- сведения об авторе/авторах на английском языке (перевод русской аффилиации);
- аннотация на английском языке (150-250 слов). Слово «Abstract» не пишется, аннотация на английском языке должна быть переводом аннотации на русском языке;
- ключевые слова: **Keywords** (10-15).
- **References:** транслитерация русского списка литературы (см. <http://translit.net>) и перевод названия книги/статьи/сборника на английский язык.

Образец

GLOBAL COMMUNICATION NORMS IN RUSSIAN SERVICE SECTOR

Ivan I. Ivanov

associate Professor of foreign languages MIPT
1, korp. , Kerch str., Moscow 117198
ivanov@yandex.ru

Abstract: *Text, text, text, text, text, text,*

Keywords: *word, word, word, word, word*

Источники с транслитерацией и переводом на английский язык
References

В источниках **на русском языке** переводятся все выходные данные, транслитерируется фамилия автора и название статьи, год издания ставится после места издания, указываются страницы, в конце в скобках отмечается, что источник на русском языке (In Russian).

Монография:

Nenashev M.F. Poslednee pravitel'stvo SSSR [Last government of the USSR]. Moscow: Krom Publ., 1993. 221 s. (In Russian).

Статья:

Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo* [Oil Industry], 2008, no. 11. S. 54–57. (In Russian).

Интернет-документы:

Anoxin K.V. Mozg i razum [Brain and Mind] // Academia. Lekcii na kanale kultura [Lectures on the culture channel] https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/0898/episode_id/156199/video_id/156199/ (retrieval date: 05.07.2019). (In Russian).

В источниках **на английском языке** (оригинал) фамилия автора/авторов отделяется запятой от инициалов, после чего в круглых скобках указывается год издания, количество страниц не указывается.

Монография:

Baker, M. (1992). In Other Words. London: Routledge.

Arbib, M.A. (2012). How the brain got language: The mirror system hypothesis. New York, NY: Oxford University Press.

Статья:

Arbib, M.A. (2005). From Monkey – like Action Recognition to Human Language: An Evolutionary Framework for Neurolinguistics // Behavioral and Brain Sciences. 28. P. 105–167.

Alexieva, B. (1997). A Typology of Interpreter-Mediated Events. The Translator, Vol. 2, No. 2, P. 153–175.

Интернет-документы:

The Economist. A Hollow Superpower [Elektronic source]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2016/03/19/a-hollow-superpower> (retrieval date: 21.03.2016).

Вниманию авторов!

Процент оригинальности текста статьи для публикации в журнале должен быть не ниже 85.

Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

Вышел из печати двухтомник:

Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова

Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России).

Том 1. От стимула к реакции М.: Московская международная академия, 2018. – 560 с.

Том 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. – 704 с.

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) – словарь, созданный по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ. Испытуемыми по традиции были студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска в возрасте от 17 до 25 лет с родным языком русским – всего около 5500 человек. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из списка стимулов Русского ассоциативного словаря, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании русских в начале XXI века.

ЕВРАС включает Прямой словарь – от стимула к реакции (40,5 а.л.) и Обратный словарь – от реакции к стимулу (55,5 а.л.).

Словарь предназначен для широкого круга пользователей: ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами, преподавателей и всех, кто интересуется живым русским языком.

Ассоциативный словарь может найти практическое применение в области журналистики, социального проектирования, рекламной и иных сферах гуманитарной деятельности, где востребованы знания о русском языке и культуре его носителей.

Заказать словарь можно в ММА:

телефон +7(495) 616-43-23, e-mail: info@mmamos.ru

и в секторе этнопсихолингвистики Института языкознания РАН.